

**Программа
«Межрегиональные исследования
в общественных науках»**

АНО «ИНО Центр
(Информация. Наука. Образование)»

Министерство образования РФ

Институт имени Кеннана (США)

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США)

Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса)

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована в 2000 году. Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

ВОСПРИЯТИЯ ВЛАСТИ

Под редакцией Е.Б. Шестопал

МОСКВА

Издательство «СП МЫСЛЬ»

2002

УДК 101.1::316.6

ББК 60.51(0)53

П80

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор *А.И. Соловьёв*
кандидат исторических наук, доцент *Т.В. Евгеньева*

Печатается по решению Совета научных кураторов

Программы «Межрегиональные исследования в общественных науках»

Мнения авторов, высказанные в данном издании,
могут не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы

Книга распространяется бесплатно

П80

Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2002. 244 с. (Серия «Научные доклады», Выпуск 1).

ISBN 5 902168 03 1

Предметом исследования авторов являются механизмы функционирования власти в информационном обществе. Помимо инструментов, существовавших всегда в политике, в современном мире действенным орудием власти становятся сами образы власти и политических лидеров, распространяемые через СМИ. Изучению содержания этих образов, их психологической структуры и механизмов воздействия на граждан посвящена данная книга.

Для студентов и аспирантов гуманитарных факультетов университетов, всех интересующихся политической психологией в России.

УДК 101.1::316.6

ББК 60.51(0)53

ISBN 5 902168 03 1

© «ИНО-Центр», 2002.

© Коллектив авторов, 2002.

© Издательство «СП МЫСЛЬ», 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раздел 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПСИХОЛОГИИ ВЛАСТИ

Шестопал Е.Б. Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти

Шестопал Е.Б. Образы власти в России конца XX века. Некоторые результаты исследования
1993 2002 гг.

Майер Г. Власть, безвластие и социальные изменения психологические аспекты
микropolitики

Ракитянский Н.М. Психологические особенности
взаимодействия элиты и общества в процессе
политического реформирования

Медведева С.М. Политические стереотипы и их воздействие
на электоральное поведение россиян в 1990-е годы

Шелекасова Н.П. Проблемы исследования неосознаваемых аспектов политических
коммуникаций
(Опыт избирательных кампаний регионального уровня)

Раздел 2. ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТИ

Малинова О.Ю. Программы как средство
самопрезентации политических партий
(на примере «Единства» и «Отечества»)

Владыкина И.К., Плесовских С.Н. Экономический статус
как фактор восприятия власти гражданами
и стратегии их взаимодействия с властью

[Нестерова С.В. Отношения власти и населения. Проблемы презентации власти и ее восприятия гражданами](#)

[Преснякова Л.А. Влияние личностных особенностей на восприятие политической власти в России \(1990-е годы\)](#)

Раздел 3. ОБРАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ

[Уинтер Д. Восприятие политическими лидерами кризисов и их угрозы. Сравнительный анализ кризисов 1914 и 1962 гг.](#)

[Зорин В.А. Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности](#)

[Гришко А.А. Некоторые особенности социальной категоризации политики в современной России. К построению профиля идеального Президента](#)

[Киктева Е.А. Особенности формирования негативного образа политического лидера](#)

[Пищева Т.Н. Образы политиков: особенности коммуникаций и барьеры восприятия](#)

[Лобза Е.В. Специфика формирования образов политиков в Интернете \(на примере электронных пресс-конференций\)](#)

[Ушакова Е.В. Речь политика как фактор, влияющий на восприятие его образа \(на примере В.В. Жириновского\)](#)

НАШИ АВТОРЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Власть, безусловно, стоит на первом месте среди проблем, которые входят в предмет политической психологии как науки.⁰⁰¹ В российской политической культуре тема

психологии власти имеет особенный вес и своеобразное звучание. Без понимания психологии власти трудно рассчитывать на прогнозирование хода современной российской политики. В то же время, в современной литературе не так много работ, которые исследовали бы этот феномен на теоретическом и эмпирическом уровне. Этими соображениями и руководствовались авторы данной книги.

Проблемы психологии власти в целом и, в частности восприятия власти гражданами давно находятся в центре внимания коллектива кафедры политической психологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В феврале 2002 г. в рамках юбилейной конференции, посвященной 60-летию восстановления философского факультета в составе университета, кафедра провела заседание своей секции, посвященной проблемам восприятия политической власти. Материалы этой конференции легли в основу книги.

Первый ее раздел посвящен *теоретическим основаниям исследования психологии власти*. Изучение психологии власти требует особых теоретических и методологических инструментов. Власть весьма деликатный объект исследования. Традиционные для политической науки подходы, предполагающие исследование институтов, политической системы, идей и концепций отдельных авторов не всегда помогают, когда речь заходит о власти. Дело в том, что среди множества объектов политологического анализа власть особый объект, выходящий за рамки собственно политики и проникающий в самую ткань социальной жизни, в самые тонкие слои человеческих взаимоотношений, даже в структуру личности. Отсюда тот интерес, который уже более сотни лет питают к власти политические психологи, стремящиеся найти объяснение феномену власти не только на макро, но и на микроуровне уровне личности и малых групп. В современной политической психологии накопилось немало сложных теоретико-методологических проблем, нуждающихся в профессиональном обсуждении, каковое и открывает книгу.

Не менее ответственным делом является введение в научный оборот данных новых эмпирических исследований. В этой связи несомненный интерес представляют первые результаты многолетнего исследования психологии восприятия власти российскими гражданами, которое ведется сотрудниками кафедры политической психологии МГУ с 1993 года. Прежде всего, читателю предлагаются те данные, которые рисуют картину власти, как она сложилась в сознании рядовых россиян за последнее десятилетие. Эти образы достаточно точно и нелицеприятно рисуют портрет российской власти эпохи Ельцина, показывают сдвиги, произошедшие с приходом нового Президента. Эмпирические данные также помогают сравнить современные образы власти с теми, которые сохранились в массовом сознании с советского периода.

Попытки интерпретации полученных данных требуют новых теоретических моделей, которые только начинают складываться в современной политической психологии. Поиск новых теоретических моделей анализа власти на микроуровне и занят наш немецкий коллега профессор Герд Майер. В центре его работы вопрос не столько о силе власти и ее воздействия на граждан, сколько о природе нашего бессилия перед властью. Корни подобных силы и бессилия Г. Майер ищет в психологических процессах восприятия власти гражданами, пытаясь доказать, что от их отношения к власти и от гражданского мужества

зависит диапазон возможностей самой власти и судьба демократии.

Еще один наш коллега Н. Ракитянский подходит к проблеме психологии власти иначе. Он проводит историко-психологический анализ психологии российской элиты и обосновывает вывод о том, что «перманентное противостояние между властной элитой и обществом породило особый тип политического мышления, при котором поиски компромисса представляются не только затруднительными, но и рассматриваются как проявления политической слабости».

Второй раздел книги посвящен конкретным проблемам *восприятия власти в России*. Так, О. Малинова показывает, как самопрезентация политических партий (в частности, «Единства» и «Отечества») через их программы формирует в сознании сторонников определенные образы «своих» и «чужих», которые служат своего рода метками для избирателей. Автор использует оригинальную методологию исследования и определяет те скрытые (порой даже и от их создателей) линии политической демаркации, которые складываются на российской политической сцене.

Проблеме презентации власти посвящено и оригинальное исследование С. Нестеровой. Она предложила студентам-политологам) нарисовать власть. Оказалось, что те прямые (вербальные) ответы, которые респонденты дают, описывая свое отношение к власти, нередко расходятся с их же визуальными образами власти, которые интерпретируются в контексте проективной методики, нацеленной на изучение глубинных источников образов власти в психике индивида.

И. Владыкина и С. Плесовских посвятили свою работу проблеме восприятия гражданами экономического статуса политиков, стремящихся к получению властных полномочий. Авторы показывают, как в результате этого восприятия граждане выстраивают свои стратегии взаимоотношений с властью.

Третий раздел книги включает работы, посвященные персонифицированному аспекту изучения образов власти. *Восприятие политических лидеров*, особенности формирования их образов в сознании граждан – тема, которая издавна занимает политических психологов. Эту тему открывает статья Д. Уинтера, рассматривающего проблему восприятия политическими лидерами кризисов. Автор провел специальное исследование того, как развивались международные кризисы 1914 и 1962 гг. Первый из них закончился Мировой войной, второй так и остался в истории как Карибский кризис, который к счастью не перерос в ядерную войну между СССР и США. Уинтер считает, что такое развитие событий можно было предсказать на основании того, как мировые политические лидеры и их окружение (дипломаты, журналисты) воспринимали угрозу, исходящую от оппонентов. В случае 1914 года взаимное восприятие противников как обладающих большей властью и силой шло по нарастающей. В случае 1962 г. восприятие было более адекватным и не шло по нарастающей. Такая методология может быть широко использована для прогноза не только международных, но и внутривластных конфликтов.

Следующие несколько работ посвящены образам политиков. Так, В. Зорина интересуется образами политиков в контексте изучения их личности. В какой мере соответствуют образ (имидж) и реальная личность политика? Этим вопросом задаются не только теоретики, но и

практики политтехнологи, стремящиеся повлиять на наше восприятие. Зорин показывает, что для политической психологии весьма перспективным является не просто изучение фантомного имиджа, сконструированного политтехнологами, и не личности политика как таковой, а особого набора характеристик, значимых именно для политической деятельности, которую он обозначает как «политическую личность». Люди наблюдают за политиками, оценивают их по собственным критериям, обращают внимание на одни аспекты их личности и игнорируют другие. Так, например, внешность политического лидера может быть или не быть важной характеристикой его политической личности в зависимости от того, насколько этот аспект актуален для общества. Таким же образом общество осуществляет отбор и сортировку прочих качеств и характеристик личности по степени их актуальности и значимости. Исследование образа политика оказывается на пересечении изучения собственно личности реальных политиков и их отражения в массовом сознании.

Изучение того, как происходит трансформация представлений о политиках в массовом сознании, предполагает анализ процессов категоризации политики. Объектом исследования А. Гришко стали представления россиян о своем Президенте. Проведя анализ высказываний (ответов на открытые вопросы) респондентов репрезентативного опроса о том, каким наши граждане представляют себе идеального Президента, проведенного Фондом общественное мнение, А. Гришко выявил определенный категориальный профиль, а точнее два таких профиля, которые сложились в массовом политическом сознании. Новизна данного подхода состоит в использовании психолингвистических методов для анализа массовых представлений россиян о Президенте.

Одной из особенностей современной российской политики стало широкое использование так называемого «черного пиара» в ходе избирательных кампаний. Об этом много пишут публицисты, с этим явлением борется Центризбирком. Но до сих пор в литературе не было проведено серьезного анализа, позволяющего понять, как же конструируется негативный образ политика. Е. Киктева, опираясь на большой эмпирический материал, провела такую реконструкцию, и вскрыла те политико-психологические механизмы, которые лежат в основе создания через СМИ негативного отношения избирателей к политику.

Образы политиков в контексте процессов политической коммуникации стали предметом исследования Т. Пищевой. Анализ политического восприятия известных российских политиков позволил автору обнаружить не только механизмы, лежащие в основе политического успеха, но и те барьеры коммуникации, которые мешают избирателям воспринимать адекватно своих лидеров.

В современной политике действуют не только вечные законы политической коммуникации. Появились и новые каналы, которые меняют сам ход политического процесса, не оставляя неизменными и психологические особенности формирования образов политиков. Речь идет об Интернете. Е. Лобза, изучив материалы электронных пресс-конференций, охарактеризовала новые возможности Интернета как средства политической коммуникации.

Раздел и собственно книга завершается работой, посвященной речи политика как фактору, влияющему на восприятие его образа. Не удивительно, что Е. Ушакову подтолкнула к выбору данной темы речь одного из самых эффектных российских политических ораторов

В. Жириновского.

Вот из этих разнообразных и актуальных сюжетов сложилась данная книга.

Хочется особо отметить, что помимо сотрудников и аспирантов кафедры политической психологии, в нашей работе приняли активное участие как политические психологи из других институтов и факультетов МГУ – С. Медведева из МГИМО МИД РФ, О. Малинова из Зеленограда, И. Владыкина и С. Плесовских с социологического факультета МГУ, Л. Преснякова из Фонда «Общественное мнение», так и зарубежные коллеги. Серьезный вклад в понимание феномена власти внесли исследования известного американского политического психолога, профессора университета Энн Арбор Дэвида Уинтера и директора Института политических исследований Тюбингенского университета, с которым МГУ поддерживает многолетнее сотрудничество профессора Герда Майера. Мы также признательны работникам посольства США гг. Крису Шарфу и Залине Дзукаевой, без помощи которых визит профессора Уинтера в Россию был бы не возможен, а также сотруднице Фонда Конрада Аденауэра Дагмар Мироновой, которая содействовала организации приезда профессора Майера в наш университет.

Отдельных слов благодарности заслуживают сотрудники, аспиранты и студенты кафедры политической психологии, которые не только сделали интересные доклады по своим исследованиям психологии власти, но и провели большую научно-организационную работу по подготовке и проведению конференции.

*д.ф.н., профессор,
заведующая кафедрой политической психологии
философского факультета МГУ*

Е.Б. Шестопал

РАЗДЕЛ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПСИХОЛОГИИ ВЛАСТИ

Шестопал Е.Б.

Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти

Отношения между народом и властью ни в одной стране не складываются однозначно и просто. Но в России, очевидно в силу специфики ее политической культуры, отношение граждан к власти, структура и качество самой власти являются не просто одними из центральных вопросов политического развития, но и чрезвычайно драматичны, независимо от того, какова действующая политическая система, режим. В последние годы российская политическая система, как и прежде в периоды кризисов, выносит на повестку дня вопрос о власти. Не только в смысле того, кто эту власть возьмет, но и с точки зрения того, как эта власть выглядит в глазах граждан. С одной стороны, граждане, привыкшие к патерналистским моделям взаимоотношения с властями, ожидают от них инициативы и возлагают на них ответственность за все происходящее в стране. С другой стороны, по мере продвижения процесса демократической трансформации, власть все в большей степени вынуждена заботиться о своем имидже, понимая, что на выборах ей придется в полной мере расплачиваться не только за то, что удалось или не удалось сделать для населения, но и за то, как ее воспринимает обычный гражданин, ставший избирателем. Пожалуй, главное отличие нынешней ситуации от ситуации, характерной для традиционной политической культуры России, состоит в том, что власть сегодня не может рассчитывать исключительно на силовые приемы. Сегодня власть хочет нравиться народу. С приходом новых коммуникационных технологий появились и новые требования к власти, новые технологии завоевания власти, и все они основаны на политико-психологических закономерностях восприятия власти гражданами.

Нашей целью является поиск тех методологических оснований, которые позволили бы найти наиболее адекватные способы исследования процесса восприятия власти рядовыми гражданами, понять то особое место, которое власть занимает в политической картине мира современных россиян.

В современной политологической литературе понятие власти не случайно относится к числу основополагающих и одновременно «сущностно оспариваемых»⁰⁰². Не ставя своей задачей

специальный теоретический анализ категории власти⁰⁰³, примем как исходные два довольно распространенных положения. Первое было сформулировано Р. Далем и определяло сущность власти как возможность одного человека заставить другого делать то, что тот по своей воле не сделал бы⁰⁰⁴. Другое акцентирует коммуникативный аспект властных отношений, определяя власть в терминах взаимодействия, предполагающего, что подчиняющийся власти признает приказ⁰⁰⁵.

Оба определения включают признание того, что власть вообще, и не только политическая, это разновидность психологического воздействия, средства которого варьируются от мягкого увещевания до открытого насилия. Но помимо *воздействия* одного человека на другого между ними происходит и *взаимодействие*, обе стороны которого способны влиять на партнера, хотя эти влияния и не равнозначны. Эти процессы осуществимы только при условии, что властвующие имеют с управляемыми общий язык, на котором можно договариваться, приходиться к соглашениям⁰⁰⁶.

В том же ключе трактует власть и концепция политической поддержки, согласно которой политическая система функционирует эффективно только тогда, когда граждане позитивно воспринимают власть и оказывают ей психологическое содействие, идентифицируют себя с этой властью⁰⁰⁷. Резервуар же положительных образов властей предрержащих формируется в детстве под влиянием особенностей властных отношений, прежде всего в семье.

Политическая поддержка проявляется, в том числе и в таких психологических индикаторах, как доверие, симпатия, готовность выступить в защиту того или иного лидера, института власти и т. д. Имеют также место маркировка тех политиков, которые оказывают существенное влияние на политический процесс, различение границ власти и того, что властью не является, включая оппозицию этой власти и т. д.⁰⁰⁸

Особенно важно в контексте политико-психологического анализа власти именно наличие или отсутствие у народа и власти общего лексикона, что является если и не достаточным, то необходимым условием создания устойчивой, эффективной политической системы. Это положение подтверждается самим фактом функционирования стабильных режимов с развитыми традициями демократии.

В быстро изменяющейся российской политической жизни нет надежных свидетельств о *психологической подоплеке* той поддержки, которую граждане до сих пор оказывали (с теми или иными оговорками) новой системе власти. Думается, что для того, чтобы понять, как складываются отношения граждан с властью в условиях российской политики следует, прежде всего, выяснить, что в этих отношениях уникально и сформировано контекстом нашей специфической политической культуры, а что подчиняется общим законам развития политической системы.

Опросы общественного мнения дают картину поверхностных установок, даже не мнений, а настроений, фиксация которых слабо отражает глубинные причины отношений, складывающихся между властью и гражданами и, на первый взгляд, производящих впечатление хаотичности и иррациональности. Может быть прав был К. Аксаков,

полагавший, что русский народ в принципе народ неполитический. Он добровольно призывает внешнюю власть, и с властью в лице царя он связан любовью и взаимной верностью, а не законом⁰⁰⁹. Нам показалось интересным выяснить, как и чем сегодня психологически связаны народ и власть? В данном случае мы попытаемся ответить на этот вопрос в отношении рядовых граждан, чьи образы власти и стали предметом данного исследования. Мы задались вопросом о том, как формируются эти образы и какими психологическими факторами определяются?

Примечательно, что теоретическая непроработанность категории власти не мешает не только политологам и политикам, но и обычным гражданам широко пользоваться этим понятием применительно к миру политики. Более того, сегодня не только собственно институты власти или властный статус являются необходимыми условиями для реализации власти. В современной политике таким же ресурсом власти является ее имидж, а точнее, образ⁰¹⁰, который складывается в массовом политическом сознании. Большинство отечественных и зарубежных исследований акцентируют проблему образов отдельных политиков. Мы же, изучая эту проблему приходим к выводу, что наряду и помимо образов отдельных политических деятелей в массовом сознании отдельно существует и образ власти в целом, который не получил пока должного внимания со стороны политических психологов.

То, какими видят власть и ее представителей рядовые граждане, влияет на их электоральный выбор, на поддержку власти между выборами и на тот диапазон возможностей, которые открываются перед политическими лидерами в ходе исполнения ими своих властных функций. Образы власти отличает, с одной стороны, существенная *изменчивость*, связанная и с индивидуальными действиями политиков, и с колебаниями общественного мнения, подверженного различным воздействиям, как целенаправленного свойства, так и случайных событий, политических кризисов и массовых настроений. С другой стороны, глубинные пласты образов отличает известная *устойчивость*, так как эти пласты, как правило, неосознаваемые людьми, питаются из резервуара коллективных представлений, уходящих своими корнями в глубокие традиции национальной политической культуры.

Гипотезы и задачи исследования. Наша **первая гипотеза** состояла в том, что образы власти в массовом сознании имеют свою динамику. Они претерпевают определенные изменения, и в этих изменениях меняется как содержание образов, оценка носителей власти, так и сама оптика, определяющая характер восприятия. Так, в общественном сознании в начале десятилетия, в 1991 произошла смена вех. И, похоже, что в 1999 году в массовом сознании мы преодолели еще один серьезный рубеж, который если и не сопоставим с извержением 1991 года, то также сильно поменял видение гражданами политики, лидеров, отношение к государству, законам и другим важнейшим политическим явлениям. Изменения в институтах политической системы 1990-х годов, сам ход политических трансформаций повлияли на восприятие гражданами власти и политиков. С приходом Путина во власть изменилась не только суть политического режима, но и характер политической картины мира населения. Правда, в данном случае уместнее говорить не только о том, что Путин осознанно изменил политику государства, после чего изменилось массовое восприятие его действий, а о том, что

он реализовал ожидания граждан, которые сложились к моменту его появления на политической сцене, и адекватно на них ответил. То есть, ожидания в определенном смысле были первичны, а политика вторична. Качественное изменение политической оптики было нами зафиксировано в замерах конца 1999 года и уже серьезно не менялось на протяжении последующих исследований.⁰¹¹ Таким образом, очевидно, что произошедшие институциональные изменения политической системы, политического режима и собственно политические события являются важнейшим фактором, под влиянием которого формировались те образы власти, которые были объектом нашего исследования.

Отсюда важная задача нашего исследования: проследить динамику изменения образов власти и политиков и попытаться объяснить психологические механизмы, определяющие эти изменения.

Второй гипотезой, которую мы проверяли в ходе исследования, было предположение, что сами образы власти складываются не только под влиянием текущих политических событий, но и под воздействием долгосрочных факторов – традиций национальной политической культуры, тех архетипов, которые длительное время существуют в массовом сознании. Как показали исследования Д.А. Леонтьева,⁰¹² образы в психике человека вообще формируются не только под влиянием личного опыта, но и под воздействием существующих в массовом сознании (в данном случае в национальной политической культуре) *эталонных представлений* об идеальном президенте, идеальном кандидате, идеальном товаре и т. д. При оценке реальных представителей власти происходит сопоставление их с *эталонными образами*, которые обладают высокой степенью согласованности и цельности у разных людей.

Существует серьезная теоретическая проблема, связанная с определением веса краткосрочных контекстных факторов и долгосрочных политико-культурных трендов на становление образов власти. *Отсюда поставленная нами задача: проверить, в каких характеристиках власти будут зафиксированы существенные изменения восприятия, а какие останутся неизменными с течением времени. Нас также интересовало, как меняются оценки власти предшествующих периодов (власти советской, власти эпохи Ельцина) в сравнении с оценками существующей власти власти периода Путина.*

Из этого утверждения следует избранная нами методология и задачи исследования. *Изучая восприятие существующей власти, наличные политические убеждения наших респондентов, касающиеся власти, мы пытались установить их связь с идеальными представлениями о том, какой властью должна быть, то есть мы искали ценностно-нормативные измерения образов власти, которые напрямую связаны с доминирующими в обществе ценностями политической культуры.*⁰¹³

Когда мы изучаем образы власти на личностном уровне, то важным фактором, детерминирующим не столько их содержание, сколько психологические особенности образа власти, является характер первичной политической социализации, то есть те конфигурации неполитической власти, которые закладываются в детстве, а затем уже во взрослом возрасте

серьезно воздействуют на образы уже политических процессов вообще и на восприятие индивидом власти в частности. Наряду с прямыми вопросами о том, как респонденты оценивают власть прежнюю и нынешнюю, мы анализировали их глубинные интервью, в которых они рассказывали о своей семье, о том, что они помнят о политике времен своего детства и юности, о том, какой опыт властных отношений у них сложился в школьные годы, кто оказал влияние на их политические взгляды и т. д.

Таким образом, мы можем реконструировать процесс их первичной и вторичной политической социализации, а также ресоциализации, установить зависимость между нынешними политическими взглядами и ценностями и типом социализации. В данном вопросе мы следуем за теми учеными (в частности за Истоном и Деннисом), которые полагают, что политические установки, политические взгляды и ценности возникают из неполитических оснований: знакомство с отношениями власти в семье, в иных социальных группах предшествует знакомству с миром политики. Вырастая, индивид производит перенос известных ему феноменов на неизвестные политические процессы. Как бы не относиться к психоаналитическим концепциям политической социализации, никаких других теоретических идей, удовлетворительно объясняющих формирование образов власти, в литературе не предложено. Сложность задачи данного исследования применительно к российским реалиям состоит в том, что ресоциализации подверглось практически все население страны, в которой в 1991 году одновременно поменялась официальная система политических ценностей и впитанные ранее взгляды подверглись переделке. Полученные данные позволяют проверить высказанную исследователями политической социализации гипотезу о том, что в моменты кризисов, как личностных, так и социальных, индивид возвращается к тем представлениям, которые были сформированы на ранних этапах его становления.

Таким образом, полученный в исследовании набор эмпирических данных (как в опросе, так и в ходе глубинных интервью позволяет нам получить ответ на ряд фундаментальных вопросов относительно механизмов формирования на уровне личности образов политики, власти и политических лидеров.

Проблема анализа и интерпретации образов власти

Образы власти и политиков, ее символизирующих это особая психологическая реальность, имеющая свою структуру. Анализ этой структуры является первостепенной задачей политико-психологического исследования. Следует отметить, что образы политической картины мира имеют свою специфику, отличную от образов товаров в рекламе или от образов искусства. Отличия касаются, прежде всего, **содержательных** аспектов (политических, идеологических, моральных и т. д.). Нам важно понять, с какими политическими и идеологическими моделями власти граждане готовы себя *идентифицировать*. Это также один из важных компонентов позиционирования власти и граждан в отношении друг друга.

Первая задача, которую мы ставили перед собой, пытаясь зафиксировать наличные образы власти, состояла в том, чтобы выяснить, как наши респонденты видят нынешнюю и прежнюю власть, кому принадлежит сегодня власть в России и какой она должна, по их мнению, быть. Таким образом, мы фиксируем образы реальной и идеальной власти, а также описываем ее темпоральные образцы, соответствующие трем важнейшим этапам трансформации системы: власть советскую, власть эпохи Ельцина и власть современную путинского периода. Для понимания природы образов власти необходимо также установить, какие политики и институты обладают наибольшим властным потенциалом, кто из них вызывает доверие и симпатию опрошенных, а кто нет. Нас интересовало и то, есть ли, например, партии, которые выражают интересы респондентов и те партии, которые можно было бы запретить без ущерба для интересов страны. Эти вопросы позволяют определить границы власти не в ее институциональном, а в психологическом измерении. Одновременно мы пытались найти инструмент, позволяющий определить отношение к власти с точки зрения того, насколько данный респондент находится под влиянием авторитарных стереотипов. Этой же цели служил и ряд вопросов типа:

В какой ситуации Вы чувствовали бы себя более уверенно?

- Если бы в России было больше порядка и меньше свобод
- Если бы в России было меньше порядка и больше свобод

ИЛИ

Считаете ли Вы, что России лучше

- Закрыть свои границы от соседей
- Вывести войска из горячих точек

Мы исходили из предположения о том, что образы власти у лиц с авторитарным синдромом формируются по иным психологическим законам, нежели у индивидов с «демократическим» типом личности и наполнены иным содержанием. Это связано с тем, что образы политической власти имеют в качестве своей психологической основы неполитический опыт, полученный в семье, в общении с со сверстниками и старшими в школе, и с другими институтами политической социализации.

Отсюда задача выявить те модели политической социализации, которые лежали в основе формирования определенных представлений о власти, о политике в целом, наиболее существенные ценностные ориентации респондентов, например, их представления о справедливости, демократии, уровень их интереса к политике, понимание того, как устроена современная политика, их принятие или непринятие существующей власти, ее оценки и т. д. Решению этой задачи служили глубинные интервью, которые, наряду с анкетным опросом, позволили нам глубже изучить связь наличных политических представлений и взглядов на власть у опрошенных с тем опытом социализации, который они

приобрели в детстве.

Психологический аспект данной темы дополняет и вопрос о том, какие мотивы респонденты приписывают тем людям, которые находятся у власти. Известно, что мотив власти является одним из трех центральных мотивов поведения человека вообще. В политике этот мотив тем более важен, так как именно в политике достижение власти происходит наиболее естественным путем. С точки зрения концепции когнитивной атрибуции, приписывание тех или иных мотивов другим людям напрямую связано с мотивационной структурой личности приписывающего. В нашем исследовании мы пытались определить как ту систему мотивов, которую приписывают политическим лидерам, находящимся у власти, так и выявить факторы, определяющие выявленные тенденции атрибутирования.

Мы также хотели понять структуру представлений наших граждан в отношении природы власти и подчинения не только в сугубо политическом, но в наиболее близком им семейном окружении в отношении своих детей. Нас интересовало и то, как различают они разные типы власти – власть государственную, власть закона и власть отдельных людей (например, руководителей на работе).

Поиск закономерностей формирования образов власти не мог обойти и вопрос о таких факторах, которые их определяют, как факторы социально-демографические: пол, возраст, образование, профессия, место жительства и пр. Мы предположили, что образы власти у женщин отличаются от образов власти у мужчин. В социально-психологической литературе приводятся данные исследований, свидетельствующих о том, что женщины более конформны, чем мужчины⁰¹⁴. Интересно было бы проверить, в какой мере это относится к власти. Готовы ли женщины в большей степени доверять власти и подчиняться ей или это не так?

Наши предыдущие исследования показали, что серьезно отличается и восприятие власти людьми разных поколений⁰¹⁵. В данной работе мы ставим перед собой задачу выяснить, сохранились ли те закономерности, которые определяли отличия в восприятии власти у разных возрастных когорт в начале-середине 1990-х. Особенно интересно, как воспринимают власть люди младших возрастных групп, так как именно с ними связаны перспективы формирования демократических институтов власти.

Концентрация федеральной власти в Москве и ее психологическая близость к опрошенным нами гражданам не позволяет рассчитывать на то, что данные, полученные в московской выборке, обладают достаточной степенью валидности для страны в целом. Но нас интересовали как общие, так и особенные закономерности восприятия власти в разных регионах России. И хотя мы не ставили своей задачей получение данных, репрезентативных для России в целом, но региональные различия в видении власти были зафиксированы.

Помимо содержательных моментов в анализе образов власти нас интересовали и их **собственно психологические измерения**. Таким образом, объектом нашего исследования стали не только отражение власти в сознании респондентов, но и характер этого отражения, то есть политическая оптика, преломляющая реальную власть. Для того, чтобы уловить эти психологические измерения, нами была использована стандартная для психологических

исследований схема анализа: в образах власти мы выделили эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты, которые и подверглись специальному изучению. Мы использовали для этих целей качественные методы, прежде всего анализ открытых вопросов, касающихся того, как респонденты оценивают реальную и идеальную власть. Ответы кодировались, а затем оценивались по нескольким психологическим параметрам.

Так, нам было важно исследовать, каковы **эмоциональные** составляющие этих образов. Сюда входят, прежде всего, знаки отношения к власти в массовом и индивидуальном сознании (отношения к идеальной власти и власти реальной, к власти нынешней и к власти недавнего прошлого, отношения с плюсом или с минусом). Мы предположили, что эмоциональный знак в отношении власти времен молодости респондентов будет более позитивным, чем в настоящем, так как мы всегда идеализируем свое прошлое. Гипотеза эта подтвердилась лишь частично. Реальность оказалась намного более сложной, чем можно было представить себе в начале исследования. Эмоциональные составляющие особенно ярко проявлялись в образах власти в глубинных интервью, которые были проведены в середине 1990-х гг. Их анализ и обработка дали богатый материал как об осознаваемом, так и о бессознательном уровне установок на власть.

Второй важной составляющей является **когнитивный** срез образов власти, который мы операционализировали через такие индикаторы, как:

- *интерес к теме власти;*
- *самостоятельность или стереотипность*⁰¹⁶ *суждений о власти;*
- *уровень их когнитивной сложности/простоты;*
- *степень ясности/размытости образов;*
- *субъектность власти.*

Можно высказать предположение, что поддержка власти со стороны граждан соотносится с указанными характеристиками тех образов власти, которые есть в сознании граждан. Так, если власть непонятна гражданам и посылает им невнятные сигналы, то это, возможно, и поможет привлечь на время выборов достаточно пестрый состав сторонников, но вряд ли поможет их удержать, не вызвав конфликтов и внутри элиты, и в обществе. Не менее важно определить *субъектность* этих образов. Наши данные показывают, что нередко власть воспринимается гражданами как безличная сила, не имеющая «лица». За этим стоит определенный комплекс отчужденности власти от граждан, когда власть не просто «далека от народа», но вообще не понятно, где она. Власть выступает как некий неодушевленный объект, вызывающий тревогу, страх, другие негативные эмоции. Но власть может ассоциироваться и с партиями и институтами, с государством или с конкретными персонами. Нам представляется важным выяснить, *кто или что подразумевается гражданами, когда они говорят о власти*. Предварительные наблюдения показывают, что российские граждане в понятие власти включают чаще представителей исполнительной, чем законодательной власти (и совсем редко судебной). Они не различают власть и оппозицию. Для них власть это все, кто там, «наверху».

И, наконец, **поведенческий** аспект образов власти проявляется не просто в оценках режима или системы, но в готовности делом поддерживать эту власть, участвовать в управлении государством, принимать участие в различных формах политической деятельности. Вопрос об этой готовности содержался в инструментарии нашего исследования. Мы предприняли сравнительный анализ образов власти у пассивных и активных граждан, у тех, кто готов участвовать в политике только в роли избирателя и у тех, кто пойдет на забастовку, или будет принимать участие в выборах как кандидат. Гипотеза, которой мы руководствовались, состоит в том, что образ власти у тех, кто хочет играть в политике более активную роль, будет более позитивным. Среди наших респондентов есть небольшая группа действующих политиков, как из исполнительной, так и из законодательной власти. Мы считали необходимым проанализировать отличия их представления о власти от представлений рядовых граждан.

Считается, что образы власти в России традиционно **персонифицированы**. Мы полагаем важным проверить это расхожее мнение. Кроме того, в исследовании власти нами были использованы открытые вопросы для выявления того, кто именно из представителей власти вызывает у граждан доверие и симпатию, оказывает реальное влияние на политический процесс, за кого они готовы отдать свои голоса. Анализ ответов на эти открытые вопросы позволяет проанализировать конкретное наполнение образов власти в ее персонифицированном виде. Списки этих политиков на разных этапах исследования предстоит проанализировать. Нас, в первую очередь, будет интересовать, насколько власть ассоциируется с публичными политиками, или в ней преобладают «теневые» компоненты, порождающие образ власти-марионетки, за которой скрываются неизвестные публике, а потому особенно опасные «кукловоды».

Методология исследования

Власть феномен весьма сложный и даже, можно сказать, интимный. Изучение его осложняется тем, что, с одной стороны граждане властью всегда недовольны, а с другой стороны стремятся к ней приблизиться и получить от близости к ней наибольшие дивиденды. С властью связано достаточно мифологем в массовом сознании. В индивидуальном же сознании многие аспекты отношения к власти, потребностей в ней зачастую просто не осознаются. Отсюда проблема выбора методологии, адекватной этому объекту.

Персонификация власти заставляет исследователей пристальнее присмотреться к тому, кто именно из ведущих российских политиков воспринимается населением с большим доверием, а кто с меньшим. Не менее важен вопрос о том, если ли свой набор требований к разным политическим ролям? Каким должен быть губернатор, президент, депутат, мэр, министр? Если мы измеряем интеллект, то мы знаем, каким должно быть значение коэффициента интеллекта, чтобы человека не считать дебилом или, напротив, считать гением. А вот каким должны быть показатели восприятия политика как компетентного, честного или внешне

привлекательного, отличаются ли по этим параметрам президент, губернатор, мэр и т. д?. Этот вопрос возникает именно потому, что психолог, когда он использует тест, знает нормативы. А политические психологи или социологи пока оценивают свой объект «на глазок».

В случае если мы интерпретируем полученные данные как замеры образов политиков в массовом сознании, возникает не менее сложная проблема интерпретации, касающаяся природы тех сдвигов, которые наблюдаются в оценках политиков. Проводя такого рода измерения в течение нескольких лет, мы фиксировали отклонения в количественных значениях тех или иных оценок личности практически у всех ведущих политических деятелей. Социологические опросы, проводимые ФОМом, ВЦИОМом и другими службами изучения общественного мнения, также показывают перепады в оценках одного и того же качества у политика в динамике. Совершенно неясно, как эти сдвиги оценивать.

Выскажем некоторые исходные предположения, из которых мы исходили при интерпретации данных, полученных на предыдущих этапах исследования. Прежде всего, это относится к исследованию образов политиков, которое мы регулярно проводили, начиная с 1993 года (исследование восприятия образов политических лидеров).

Мы предположили, что существует расхождение между установками на политиков и электоральным выбором, о чем свидетельствует отличие данных социологических опросов от результатов голосования на всех выборах, начиная с 1993 года. Одной из причин такого рассогласования является противоречие между социально одобряемой в данный момент системой ценностей, и подлинными предпочтениями избирателей:

- социально одобряемая система ценностей находит свое выражение в определенном наборе требований к политическому лидеру: он должен быть «компетентным», «честным», «умным» и пр. Идеальный лидер должен соответствовать ожиданиям избирателей по ряду психологических параметров, среди которых обязательно присутствуют **привлекательность** (как внешняя, так и моральная, политическая, профессиональная), **личностная сила и активность**;
- в реальности выбор того или иного претендента избирателями базируется на иной системе ценностей, которая не осознается, так как не соответствует общепринятым ценностям. В таком случае подлинные ценности, служащие основой выбора, нередко не осознаются и носят иррациональный характер, что отражается на восприятии политических лидеров, опосредуемом этими «скрытыми ценностями». В таком случае ответы респондентов на прямые ответы об их предпочтениях и намерении голосовать могут не соответствовать реальности и не работают как надежный инструмент прогноза. Их необходимо дополнить исследованием бессознательных установок, закладывающих систему ценностей респондентов, которые ими может ощущаться как «неправильная» с точки зрения принятых норм;
- иррациональность принятия решения о голосовании за того или иного политика имеет своим источником также и неясность образа политика, недостаточно выпуклые характеристики тех сигналов, которые посылает политик своим избирателям и которые улавливаются ими как противоречивые и не согласующиеся системы сообщений;

- в ситуации расхождения эмоциональных и когнитивных компонентов установки респонденты в электоральном поведении будут руководствоваться не столько рациональным выбором, сколько эмоциональными предпочтениями, основанными на восприятии таких параметров образа политика, как привлекательность, сила и активность кандидата;
- несмотря на то, что принятие решения о голосовании не основано на четкой и полной информации рационального характера, независимо от уровня политических знаний, возраста, пола и образовательного уровня обычные граждане обладают, тем не менее, психологически точным инструментом для прочтения образа политического лидера, позволяющим им сделать если не рационально выверенный, то, во всяком случае, эмоционально приемлемый для них выбор кандидата.

Данное исследование проводилось под руководством автора студентами, аспирантами и сотрудниками МГУ, которые в настоящее время вошли в состав кафедры политической психологии отделения политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Выборка не имела репрезентативного для всей России характера, хотя и была уравновешена по полу, возрасту и образованию. Большая часть замеров проводилась в Москве. Однако в исследовании получены данные по ряду регионов, в которых исследователям удалось побывать за прошедшие годы. Так, у нас имеются выборки по Иркутску, Братску, Ангарску, по Смоленской области и по Владимиру. В количественном отношении эти выборки не равнозначны (так в Смоленской области опрошено около 1 000 респондентов, тогда как в Иркутской только около 300). На отдельных этапах исследования решались разные задачи. Так, в середине 1990-х в 1993, 1995, 1996, 1997 гг. мы работали, используя не только анкетный опрос, включавший в себя тест Роттера на локус-контроль, но и проводили глубинные интервью с теми же респондентами. С этим связано и небольшое число опрошенных. В 2001 г. нам не удалось включить в опрос все вопросы, которые задавались нами раньше, и мы не проводили глубинных интервью. Однако в целом все этапы исследования проводились в соответствии с общей логикой и дают вполне сопоставимые данные. Основным направлением исследования было выявление наиболее распространенных среди рядовых граждан нашей страны представлений о реальной и идеальной власти, о политиках, которые эту власть олицетворяют, о доверии и симпатии к власти, о готовности ей подчиняться, о мотивах, которые, по мнению респондентов, побуждают политиков стремиться к власти, ряд других, связанных с этой темой, вопросов. Помимо обычных статистических процедур, факторного анализа для обработки закрытых ответов мы использовали метод шкалирования для обработки открытых вопросов

Подводя итог этим заметкам, касающимся теоретико-методологических подходов к анализу образов, сформулируем перечень перспективных задач, которые ставят подобные исследования.

Во-первых, необходимо выявить доминирующие в массовом сознании образы власти и проследить их динамику на протяжении второй половины 90-х годов XX начала XXI века.

Во-вторых, важно понять не только декларируемые ценности, лежащие в основании оценок гражданами власти и политиков, но и выявить пласт скрытых, неосознаваемых ценностных параметров, которые определяют и содержание, и структуру образов власти.

В-третьих, важной задачей является поиск психологических закономерностей становления и функционирования образов в сознании как на индивидуальном, так и на массовом уровнях.

Шестопал Е.Б.

Образы власти в России конца XX века. Некоторые результаты исследования 1993 2002 гг.⁰¹⁷

Границы диапазона власти

Начнем с последних по времени результатов исследования осени 2001 года.

1. Определяя для себя границы власти, наши респонденты в первую очередь четко фиксируют свое отношение к **разным ветвям власти**, причем делают это как заправские профессионалы-политологи. Нам показалось примечательным, что все ветви власти в последние два года заслужили больше доверия со стороны граждан, чем раньше. Замеры 2000 и 2001 гг. показывают, что массовые представления о власти, прежде всего, связаны с **исполнительными** структурами — институтом президентства: сам президент и его администрация, представители президента в округах, правительство, городская власть в лице мэров. В 2001 г. четверть опрошенных отметили, что их доверием пользуется ФСБ, о чем раньше они никогда не упоминали.

Судебная власть в глазах наших респондентов занимает лишь 8 место, между тем, как прокуратура резко выдвинулась в сознании общества на передний план и занимает среди различных властных структур 5-е место. Заметим, что во всех предыдущих исследованиях 1993, 1995, 1997 г. г. она ничем не привлекала внимания опрошенных и находилась в самом конце списка политических институтов.

Значительно меньшее значение придают опрошенные нами **законодательной** власти: ГД, Совету Федерации, Госсовету, политическим партиям.

Кто/что есть власть в России? Этот, казалось бы простой вопрос, вызывает у наших

политологов и политических социологов немало разногласий, даже в отношении властных институтов, не говоря уже о персоналиях с их рейтингами.

Начнем с того, как изменилась расстановка сил за последние годы не в реальной политике, а в ее отражении в массовом сознании. Накануне избрания Ельцина Президентом на второй срок в нашем исследовании чуть более трети опрошенных полагала, что у этого института есть реальная власть (см. Таблицу 1).

Таблица 1. *У каких политических институтов есть реальная власть в сегодняшней России?*
018

Политические институты	1996	2000	2001
<i>Президент</i>	35	78,7	84,8
<i>Губернатор</i>			40,0
<i>Правительство</i>	10	38,9	33,3
<i>Администрация Президента</i>		58,6	28,1
<i>Государственная Дума</i>	19	24,7	25,9
<i>ФСБ</i>		0,8	25,8
<i>Совет Федерации</i>	11	17,6	18,6
<i>Суд</i>	14	20,1	17,9
<i>Прокуратура</i>	11	28,0	16,6
<i>Представители Президента в округах</i>		28,9	13,3
<i>Армия</i>	14	15,5	12,2
<i>Муниципальный уровень власти</i>	13	25,5	10,0
<i>Госсовет</i>		10,5	6,1
<i>Политические партии</i>	16	9,6	4,7
<i>Что-то еще</i>			3,1

Примечательна динамика института Президентства и обслуживающей его структуры Администрации. В середине 1990-х влияние Администрации отмечалось экспертами, но оставалось практически не замеченным широкой публикой. В 2000 году его отмечает более половины опрошенных. Но и это не все. Среди тех лиц, которые, по мнению наших

респондентов, оказывают существенное влияние на политику в России, называют как Администрацию Президента, так и лично Волошина, который занимает четвертое место среди тех, кого вспомнили респонденты.

Стоит отметить, что за прошедшие годы укрепили свое влияние и правительство, и Дума, и Совет Федерации. Правда говорить о развитии парламентаризма, очевидно, следует с осторожностью, если принять во внимание падение влияния политических партий. Очевидно Кремль хорошо просчитал свою стратегию в отношении «Закона о партиях», так как общественное мнение не слишком заботится их дальнейшим угасанием: они явно не находятся в поле политических приоритетов рядовых граждан.

В нашем вопросе содержалось предложение дополнить этот заведомо неполный список институтов власти. Респонденты ввели еще три основные группы дополнений. По их мнению, это: во-первых, **олигархи, финансовые группы**, во-вторых, различные **мафиозно-криминальные группировки**, и, в-третьих, **силовики** (МВД, ФСБ и другие спецслужбы, среди которых армия не фигурирует).

В 2000 году мы провели факторный анализ ответов, касающихся того, какие из властных структур имеют большее влияние в России. Он подтвердил наши выводы: все структуры власти распадаются в сознании граждан на три группы. Первую составляют институты исполнительной власти (90,8 %). Вторая группа включает в себя силовые структуры и судебные органы (армия, ФСБ, прокуратура, суд 38,5 %). И, наконец, в третью группу попадают институты политического представительства (органы законодательной власти 34,3 %) ⁰¹⁹.

Интересно и то, как разводят между собой респонденты понятия **власти и оппозиции**. Об этом можно судить, например, по тому, как опрошенные видят роль оппозиции в нынешней политической системе (см. Таблицу 2).

Таблица 2. *Считаете ли вы, что оппозиция играет в российской политике конструктивную роль?*

Ответ	1993	1995	1996	1997	2000
Да	24	60	51,5	45	37
Нет	76	40	46,5	40	59

Конечно, эти данные дают оценку роли оппозиции в конкретные моменты российской политической истории. Очевидно, что в 1995 году эта роль возросла в связи с парламентскими выборами, на которых оппозиция получила большинство в Думе. Но приведенные данные показывают, как сужался диапазон возможностей оппозиции в сравнении с властью, по мере того как власть (прежде всего исполнительная) укрепляла свои позиции. Так, по мнению наших респондентов, с приходом нового хозяина в Кремль в 2000

году для оппозиции осталось весьма немного места. При этом опрошенные считают, что некоторые партии власть могла бы и запретить. В список этих партий попали в основном радикальные националистические партии (типа РНЕ), либо леворадикальные (НБП Лимонова). Но есть среди них и КПРФ, и ЛДПР, и СПС. Подобные проявления политической нетерпимости к тем, кого наши граждане считают «не властью», говорят не только об имеющемся в обществе потенциале авторитарности, но и о реальном раскладе сил между властью и оппозицией и косвенно свидетельствуют о том, что власть занимает практически две трети политического пространства.

Какую же власть готовы над собой признать наши граждане? Ответ на этот вопрос дает таблица 3.

Таблица 3. *Признаете ли Вы над собой..? (можно было дать более одного ответа)*

Варианты ответа	1993	1995	1996	1997	2000
<i>Власть государства</i>	72	74,5	72	70	76
<i>Власть начальства</i>	60	53	67	62	75
<i>Власть закона</i>	100	83	85	80	82
<i>Власть отдельных людей</i>	24	34	32	30	24

Приведенные данные рисуют довольно противоречивую тенденцию. Так, с одной стороны, в 2000 году хотя и не резко, но возросла готовность граждан признать над собой власть государства. Однако законы, которые устанавливает это государство, готовы признать далеко не все граждане. Опыт последнего десятилетия научил наших респондентов тому, что надо быть осторожным с той властью, которую хотели бы над ними получить отдельные граждане.

Изменились за прошедшие годы и внутренние установки россиян на власть, и отношение к любым проявлениям власти. Об этом дают представления те косвенные свидетельства, которые содержатся в ответах таблицы 4.

Таблица 4. *Какие отношения вы хотели бы иметь со своими детьми?*

Варианты ответа	1993	1995	1996	1997	2000
<i>Отношения партнеров, равных</i>	76	81	77	73	68
<i>Отношения типа «учитель-ученик»</i>	20	13	20	23	29

Психологические изменения отношения с властью хорошо видны в динамике отношений

типа «учитель-ученик», которые касаются таких интимных вещей, как отношения с собственными детьми. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что равенства и партнерства в нашей жизни становится все меньше, а патернализма все больше. Характерно и то, что только 5 % респондентов в 2000 году нравилось подчиняться, между тем как управлять предпочитало 22 %. 41 % заявил, что они не хотят ни управлять, ни подчиняться. И все бы хорошо – это самая большая группа опрошенных. Но если сравнить данные по годам, начиная с 1993 года, то эта группа численно все время уменьшается (сравним: в 1995 году они составляли 60 %).

Власть на оси времени: прошлое – настоящее.

В содержании оценок, которые опрошенные давали **власти в настоящее время и в прошлом (в советское время и в эпоху Ельцина)**, стоит обратить внимание, прежде всего на содержательную сторону этих оценок. Так, по данным 2001 года большинство оценок власти всех периодов носили морально-психологический характер (см. Таблицу 5).

Таблица 5. *Содержание оценок власти сейчас и в советское время (от числа ответов)*

Оценки власти	Власть в советское время	Власть в эпоху Путина
<i>Морально-психологические характеристики</i>	40,8	38,9
<i>Политические характеристики</i>	11,2	8,2
<i>Деловые качества</i>	4,7	6,9
<i>Сила</i>	5,1	5,7

Хотя, как видно из таблицы, абсолютные значения отдельных характеристик не сильно различаются, но наметилась тенденция: снизились как похвалы власти, так и претензии к ней, сформулированные в политических терминах, но зато возросло число оценок по деловым основаниям. Это говорит о том, что образ власти становится более инструментальным и менее идеологизированным. Если среди характеристик власти советского времени нередко упоминаются прилагательные «коммунистическая» (как с добавлением слова «диктатура», так и в позитивной коннотации), то о современной власти чаще говорят, что эта власть «начала подъем экономики», что «жизнь налаживается», «улучшается положение» и т. п. При этом, к 2000 году оппозиция коммунистов – демократов практически не играет никакой роли в оценках власти. Это вовсе не означает, что граждане не способны отличить коммуниста от демократа. В начале середине 1990-х они включали в понятие «демократ» всех, кто им был симпатичен, независимо от того, к каким политическим партиям принадлежали эти политики. Так среди демократов в 1995 г. оказались Жириновский, Зюганов, Лукьянов,

Черномырдин и Лебедь наряду с Явлинским, Собчаком, Ельциным и Гайдаром. Примечательно, что за прошедшее десятилетие политическая «зоркость» наших респондентов заметно усилилась. В 2000 г. опрошенные уже четко оперировали политическими ярлыками и прикрепляли их к соответствующим политикам вполне корректно.

В последнее время власть все чаще оценивается под углом зрения ее силы слабости. Приведенные нами количественные параметры оценок не означают, что нынешнюю власть всегда оценивают как сильную. Это просто некая линза, сквозь которую смотрят на власть.

Таким образом, основные параметры содержания образов власти проходят по трем осям. Первая ось **моральная** (ответственность, справедливость, честность либо, напротив, лицемерие, безответственность, эгоизм и т. д.). Примечательно, что при оценке реальности это измерение несколько отступило, но как только мы спрашиваем о том, какой власть должна быть, то моральные требования возникают незамедлительно: власть должна быть «заботливой», «близкой народу», «ответственной», «нежадной», «строгой» и прочая и прочая. Такие характеристики говорят о том, что действующая власть пока далека от народной мечты. И разрыв между народом и властью сохраняется.

Вторая ось — это ее **силовое измерение**. Власть и в советское время и при Ельцине, и сейчас рассматривается с точки зрения того, насколько она сильна или слаба. Оценки идеальной власти, как и реальных правителей, находятся именно в этом поле.

Третье измерение образов власти связано с восприятием ее **стабильности**. Десять лет жизни в беспокойной, непредсказуемой и ненадежной атмосфере психологически утомило граждан. Это не значит, что они хотят консервации власти со всеми ее пороками. Одновременно число тех, кто определил свои политические ориентации как «радикальные» уменьшилось с 1996 года вдвое, в то время как число «консерваторов» выросло, хотя и не столь значительно.

Интересно в целом посмотреть на то, как респонденты сравнивают власть в *советское время, в годы правления Б. Ельцина, и в настоящее время* (см. Таблицу 6).

Таблица 6. *Характеристики эмоциональных составляющих образов власти прошлой и настоящей, 2001 г.*

Эмоциональные характеристики образа власти	Власть в Советское время	Власть при Ельцине	Власть при Путине
<i>Положительный</i>	41	4	38
<i>Отрицательный</i>	17	68	19
<i>Нейтральный</i>	16	8	23

Считается, что собственное прошлое люди склонны приукрашивать. Однако в 2000 году **чуть**

более трети опрошенных дали положительные оценки власти советского периода. При этом образ власти того времени виделся нашим гражданам довольно расплывчатым: «хорошая», «сильная», «порядочная», «нормальная», «справедливая». В воспоминаниях оказалось мало деталей. Исключения составляют такие высказывания о власти, как: «Хорошая (я всегда ела шоколадные конфеты)» или «Это было время коммунизма, жила как в раю». То есть, в памяти большинства из нас, как тех, кто сейчас оценивает советскую власть как хорошую, так и тех, кто изменил к ней отношение за последние десять лет на отрицательное под влиянием официальной пропаганды, сам образ власти «размылся», стал тусклым и нежизненным. Это говорит о том, что насаждаемый нынешними коммунистами миф о золотом веке СССР не пустил глубоких корней в массовом сознании, несмотря на естественную ностальгию по временам ушедшей молодости.

Однако картинка эта не столь проста, как может показаться. За один год с 2000 до 2001 года увеличилось число тех, кто оценивает советскую власть со знаком плюс с 30 до 41 %.

Нынешняя власть пока даже не сравнялась в оценке опрошенных с советским временем. Одновременно число тех, кто видит этот период нашей истории исключительно в черных тонах уменьшилось с 34 до 17 %. Уменьшилось и число тех, кто описывает этот период в нейтральных тонах (с 28 до 16 %). При этом те, кто положительно воспринимает советскую власть это вовсе не всегда сторонники коммунистов или те, кто испытывает ностальгию по вождю всех народов. Просто по сравнению с последующим периодом это время воспринимается как некая норма, от которой мы затем резко отступили в годы правления первого Президента.

Период правления Б. Ельцина, очевидно можно занести в книгу рекордов Гиннеса по числу недовольных властью. Остается только удивляться, как мог десять лет продержаться режим, который практически никто не поддерживал. Здесь тенденция прослеживается вполне ясно.

Именно те, кто был сторонником власти в этот период представляют особый интерес. Они описывают власть как «переходную», как «начало демократии», «демократизацию, не понятую народом», отмечают «некоторые сдвиги к лучшему». Но следует сказать, что среди наших опрошенных таких **сторонников власти Ельцина оказалось чуть более 9 %. В 1996 году их было несколько меньше.** За последний год число тех, кто позитивно оценивал эпоху Ельцина, уменьшилось с 9 до 4 % с одновременным ростом противников режима Ельцина на 8 %. Общее их число составляет сейчас 68 %. Как и в отношении советского времени снизилось число нейтральных оценок недавнего прошлого.

Те же, кто не жалеет черной краски для оценки этого периода, ставят власти в упрек слабость, воровство, расхлябанность, отсутствие порядка и наплевательское отношение к собственным гражданам. Формула власти периода 1990-х звучит в устах граждан так: «беззаконие, беспредел, анархия». В лучшем случае граждане признают правоту В. С. Черномырдина в отношении намерений власти: хотели как лучше, а вышло как всегда. Но в целом, власть в 1990-е годы выглядит хуже, чем и в советское время, и при Путине.

Полученные нами данные об отношениях граждан к государству, власти, режиму, характеризующие самое начало деятельности Путина (2000 г.), свидетельствуют о том, что произошел **сдвиг в лучшую сторону.** Такое ощущение испытывало около трети

опрошенных. Власть нередко была еще непонятной, как и символизирующий ее президент. Но появились надежды (возможно и иллюзорные, так как никаких доказательств своим эмоциям респонденты, как правило, не приводят). Но эта новая власть кажется гражданам более сильной, способной навести порядок, стремящейся к стабильности и «собираанию земель».

Это настроение пока не очень устойчиво. *Пятая часть опрошенных не видит никакого реального улучшения* по сравнению с тем, что было при Ельцине: тот же беспредел власти, воровство чиновников, «тайное правление», равнодушие к людям и бездарность правителей. По сути, режим остался прежним. Среди тех, кто так оценивает нынешнюю власть есть и сторонники советской модели, и демократы первой волны, и просто люди, не почувствовавшие в своей жизни реального улучшения. Есть и такие граждане, которые отрицательно относятся к власти «по определению». Они негативно характеризуют власть и в советское время, и в ельцинское правление, и при Путине.

Показательно, что наряду с теми, кто не почувствовал пока существенных перемен в лучшую сторону, есть и группа людей (*их около 20 %*) которые оценивают новый режим как *ухудшение в сравнении с годами правления Первого Президента*. Это, как правило, не жалующие советскую власть «правые», «либералы». Для этой группы характерен страх перед возвратом к авторитарности. Их упреки нынешней власти носят вполне конкретный, «идеологический» характер: «отсутствие твердых принципов и целей», «ленинградское землячество», «кагебэшный разбой, кретинизм», «ужесточение в отношении прессы», «власть Администрации Президента», «власть стала военизированной».

И, наконец, *около 17 % опрошенных не могут разобраться, происходит ли ухудшение или улучшение власти*. Их эмоции характеризуются такими высказываниями в адрес нынешней власти, как «неизвестность», «болото», «не понимаю». Среди ответов о нынешней власти нередко встречаются неопределенности: «вроде что-то меняется», «вроде продвигаемся вперед», «где-то что-то делается», «более или менее демократическая», «некоторый подъем» «пока оправдывает надежды» и т. п.

Таким образом, перед нами несколько типов отношения к власти и ее трансформации на протяжении десятилетия.

Первый тип назовем условно «**правоверными коммунистами**». Для них советская власть «золотой век», который безвозвратно ушел, и ни ельцинский режим, ни команда Путина не могут его вернуть. «При советской власти было хорошо, при Ельцине ужас. Сейчас продолжение этого ужаса». Надо сказать, что этот тип в количественном отношении значительно уменьшился с 1996 года. Среди опрошенных нами, которые себя прямо отождествляют с коммунистической идеологией, в 1996 году было 14,5 %. В 2000 их осталось 7,1 %. Уменьшилось и число социалистов (9,3 % и 8,4 % соответственно).

Наряду с «правоверными» можно выделить и еще один тип, который можно условно обозначить как «**безыдейные коммунисты**». Эта группа определяет свое отношение к власти так: в советское время «верил», при Ельцине «ненавидел», сейчас «не понимаю». Для этих респондентов коммунистическая идея не была догмой. Да, они верили в нее до тех пор, пока с этой идеей была связана более или менее нормальная жизнь. Когда жизнь

изменилась, их позитивный образ власти сменился негативной эмоциональной реакцией.

Этот тип готов сейчас поддержать преобразования Путина, надеясь, что он наведет порядок и вернет жизнь к норме. Для людей с подобной психологией важны во власти такие измерения, как сила и стабильность, поэтому они позитивно оценивали власть в советские годы. При Ельцине она воспринималась ими как «неуравновешенная», «шаткая», «сумбурная», «хаотичная». Нынешний режим хорош для них в той мере, в какой есть надежда на возвращение к норме, которую они понимают прежде всего как «укрепление властной вертикали», хотя и видят, что пока она лишь делает «тяжкие попытки нормализации».

Особый психологический тип стоит на противоположных коммунистическим идейных позициях это «либералы» и «анархисты». Для них советская власть власть тоталитарная, душившая свободу, закрывшаяся от мира железным занавесом, геронтократическая, сменилась временем подлинно демократических реформ периода раннего Ельцина (1991-1994). Нынешнее время они рассматривают как движение в сторону от демократии, возврат к засилью государства над личностью. Для них главный критерий удовлетворенности властью является ее отсутствие. В количественном отношении по сравнению с серединой 1990-х число либералов в 2000 году незначительно возросло. Хотя наибольшее их число в нашем исследовании зафиксировано 1995 году (15 %).

И, наконец, тип «адаптированного оптимиста». Он и советское время не видит в черном свете, и нынешний режим рассматривает оптимистично. Ельцинское правление не вызывает у него теплых чувств, но выглядит как «обычный переходный период», от которого этот «оптимист» успел оправиться.

Общий вывод относительно развития образов власти во времени, как он видится нашим респондентам, состоит в том, что число оптимистов на сегодняшний период вдвое превосходит число пессимистов, хотя оптимисты составляют всего 38 %.

Власть реальная и идеальная

Оценки существующей власти имеет смысл соотнести с тем, какой властью, по мнению опрошенных, должна стать, чтобы вывести страну из кризиса. Первое, что бросается в глаза при сравнении нынешней власти с идеалом, это конечно, большее число положительных эмоциональных компонентов в образе идеальной власти. Собственно так и должно быть. На то она и идеальная власть, чтобы быть эмоционально более привлекательной. Не удивительно и то, что в образе идеальной власти нет особой четкости и высок уровень абстрактности представлений. Но вот тот факт, что образ реальной власти более нечеток, чем образ власти идеальной не может не удивлять. Выходит, что представления об идеальной власти хотя и не намного, но более четкие, чем власть нынешнего российского руководства. Этот вывод вполне соответствует тому, о чем мы уже говорили выше, приводя конкретные высказывания о нынешней власти, для которых характерна высокая степень неопределенности, неясности («если кто-то кое-где у нас порой»). Поражает и то, что

представления о том, какой власть должна быть когнитивно более богаты, насыщены деталями, менее абстрактны, чем представления о реальной власти (см. Таблицу 7).

Таблица 7. Сравнение идеальной и реальной власти (от числа всех ответов)

Характеристики образа власти	Власть при Путине	Идеальная власть
<i>Когнитивно бедный</i>	78,1	26,0
<i>Когнитивно богатый</i>	21,9	74,0
<i>Четкий</i>	4	12,2
<i>Размытый</i>	96	87,8
<i>Есть субъект</i>	4	12,2
<i>Нет субъекта</i>	96	87,8
<i>Партии, группы</i>	0,7	7,3
<i>Лидеры, личности</i>	3,3	4,8
<i>Режим (абстрактный)</i>	96	87,9
<i>Эмоционально положительный</i>	48	75,8
<i>Эмоционально отрицательный</i>	23,5	1,6
<i>Нейтральный</i>	28,5	22,6

Нужно отметить и о то, что сами представления об идеальной власти также претерпевали изменения в течение 1990-х годов (см. таблицу 8). Позитивные эмоциональные оценки идеальной власти неуклонно снижались. Это может свидетельствовать о снижении ожиданий в отношении власти как таковой, о психологическом отдалении личности от нее. С ходом времени и с ходом политической трансформации наметилась тенденция когнитивного насыщения представлений респондентов об идеальной власти. Можно сказать, что сейчас у более чем половины опрошенных сложилось вполне детальное представление о том, какой власти они хотят. Степень абстрактности представлений о власти как о режиме, а не о конкретных политиках или группах (партиях) также возросла за эти годы, что можно интерпретировать в традициях когнитивной психологии, как приобретение политическим мышлением большей зрелости. Таким образом, можно сказать, что в том, что касается идеальной власти, изменения, происходившие в политическом менталитете россиян имеют вполне позитивное развитие.

Таблица 8. Характеристики идеальной власти по годам (от числа всех респондентов)

Характеристики образов идеальной власти	1996	1997	2000	2001
Знак в идеальной власти				
<i>положительный</i>	80	85	67	55
<i>отрицательный</i>	2	0	3	1
<i>нейтральный</i>	5	0	17	17
Когнитивная сложность				
<i>бедность</i>	55,5	57	37	19
<i>богатство</i>	36	28	50	54
Четкость образа				
<i>образ четкий</i>	33	27	18	9
<i>образ нечеткий, размытый</i>	54,5	58	69	64
Субъектность власти				
<i>есть субъект</i>	19	25	21	9
<i>нет субъекта</i>	67	60	66	64
Представление о субъекте власти				
<i>Партии, группы</i>	4	5	1	5
<i>Лидеры, личности</i>	10	3	1	4
<i>Режим (абстрактные представления)</i>	27	17	19	64

В отношении же власти реальной таких тенденций мы не наблюдаем. Единственным позитивным сдвигом, по сравнению с предыдущими исследованиями, можно считать увеличение положительных и нейтральных эмоциональных оценок существующей власти. При этом когнитивная сложность представлений, увеличившись в 2000 году, вновь снизилась в 2001, что говорит о том, что граждане опять стали плохо различать детали того, как действует власть, чего она от них требует и что им готова дать. То есть образ действующей власти выглядит довольно размытым, отчужденным от граждан, хотя и не лишенным некоторой привлекательности.

Власть в центре и власть в регионах

Пожалуй, наиболее существенные различия в образах власти наблюдаются именно при сравнении власти в центре и власти на региональном уровне. Такое впечатление, что речь идет о разных странах. Прежде всего, в отличие от центральной власти, репутация которой изрядно выправилась с приходом Путина, региональная власть оценивается намного негативней. Только четверть опрошенных дали положительные оценки своего регионального начальства. Не удивительно и то, что в отношении региональной власти мы найдем намного меньше тех, кто относится к ней нейтрально (17 против 28,5 % в отношении центральной власти). Вполне логично и то, что свою власть в регионе граждане лучше разглядели и видят в ней гораздо больше деталей (образ когнитивно богаче и четче). Хотя и в отношении этого уровня власти четкости в представлениях не слишком много (11 %). Гражданам было легче определить субъект региональной власти в сравнении субъектом власти центральной (22,9 % по сравнению с 4 %). Говоря о региональной власти, они чаще называли конкретных лидеров (51,8 %), чем, говоря о власти в центре.

Таблица 9. Сравнение образов центральной и региональной власти

Характеристики образа власти	Власть центральная	Региональная власть
<i>Когнитивно бедный</i>	78,1	20,2
<i>Когнитивно богатый</i>	21,9	56,9
<i>Четкий</i>	4	11
<i>Размытый</i>	96	62,8
<i>Есть субъект</i>	4	22,9
<i>Нет субъекта</i>	96	45,0
<i>Партии. Группы</i>	0,7	17,4
<i>Лидеры, личности</i>	3,3	51,8
<i>Режим (абстрактный)</i>	96	30,7
<i>Эмоционально положительный</i>	48	25,2
<i>Эмоционально отрицательный</i>	23,5	57,8
<i>Нейтральный</i>	28,5	17,0

Психологические измерения образов власти

Говоря о психологических характеристиках тех образов власти, которые выявлены в нашем исследовании, отметим несколько параметров, которые значимы для понимания того, **как** видят граждане власть.

Прежде всего, речь идет об **эмоциональных** аспектах нашего политического зрения.

Таблица 10. Эмоциональные оценки разных видов власти

Знак отношения	Центральная			Региональная
	советская	власть эпохи Ельцина	нынешняя власть	
Положительный	41	4	38	25,2
Отрицательный	17	68	19	57,8
Нейтральный	16	8	23	17,0

Напомним, что если идеальная власть в сознании 55 % опрошенных носит положительный эмоциональный знак и только 1 % приписывают ей знак минус, то власть, какая она есть, (в ответе на вопрос «Власть это») оценивают позитивно всего 18 % респондентов. 34 % описывают ее в исключительно негативных тонах. Это свидетельство того, что для власти очевидно «нормально» иметь не очень привлекательный вид. Любви от граждан властителям дожидаться будет сложно, хотя сами граждане хотят, чтобы власть их и любила, и замечала, и заботилась о них. Об этом свидетельствует тот факт, что за представлениями о власти скрываются неудовлетворенные потребности (см. Таблицу 11).

Таблица 11. Потребности, определяющие образы власти (данные 2001 г.)

Потребности	Центральная власть	Региональная власть	Идеальная власть	Власть «по определению»
Материальные	12,8	3,3	1,4	20,5
Безопасность	60,1	56,0	36,2	23
Любовь	6,9	21,7	1,6	2
Самореализация	9,0	15,2	9,1	23

Самоактуализация	11,2	3,8	31,7	9
------------------	------	-----	------	---

Если сравнивать реальную (как существующую в России центральную и региональную, так и нормативную) власть с ее идеальным прототипом, то бросается в глаза то, что материальные потребности значительно меньше влияют на образ идеальной власти. Правда, еще более удивительно, что образ нынешней центральной власти, которую особенно в регионах считают ответственной за то, что не выплачиваются зарплаты, пособия и пенсии, так мало связан с материальными потребностями. Если сравнить с данными за 1996 и 1997 годы, то налицо заметное изменение в восприятии власти: в середине-начале 1990-х граждане гораздо чаще ожидали от власти, что она их накормит, обогреет и решит остальные материальные проблемы. Очевидно под влиянием либеральной идеологии, население постепенно приняло новые правила игры, когда власть оставила за собой лишь минимум обязанностей в отношении материального обеспечения граждан, остальное отдано стихии рынка.

Совершенно ясно, что если в отношении материальных потребностей ожидания граждан стали менее жесткими, то в отношении безопасности этого не произошло. Центральная и чуть в меньшей степени региональные власти обязаны ее обеспечить населению. Интересно, что в отношении идеальной власти эта потребность не играет столь важной роли, как в отношении власти по определению.

Потребность в любви в политике проявляется, прежде всего, в том, что граждане ожидают от власти и ее представителей заботы и внимания. Пределы этой потребности особенно наглядно демонстрирует образ идеальной власти. По сравнению с ней центральная власть выглядит весьма отчужденной. В то же время власть на региональном уровне вполне со своими задачами справляется.

Обращает на себя внимание то, что у образов идеальной и реальной власти различен вес каждой из потребностей, стоящих за ними. Так, идеальная власть, как ожидают граждане, обеспечит им в первую очередь безопасность и самоактуализацию (куда входят потребности в развитии личности через образование и культуру). Между тем то, что предлагают им центральная и региональная власти достаточно далеко от этого идеала. Пока центральная власть берет на себя в первую очередь ответственность за безопасность, немножко кормит народ и явно не дотягивает до идеала по части образования и культуры, не обеспечивая необходимого уровня личностного развития. Правда, если сравнить идеал с тем, какой власть вообще бывает (что мы обозначили как «нормативная» власть), то мы увидим, что действующие власти, и центральная, и региональная, в целом не так уж и плохи.

Рассмотрим **когнитивные** характеристики образов власти. Прежде всего, бросается в глаза *когнитивная бедность* образов как власти прежних времен, что понятно, успели позабыть, так и нынешней власти (см. таблицу 8). Другой когнитивной характеристикой образов власти является их *нечеткость, размытость*. Образы власти у большинства наших респондентов лишены *субъектности*: не ясно, чья это власть, власть кого? Представления о власти носят довольно абстрактный характер, особенно в том смысле, что под властью понимают не конкретных лидеров, а абстрактную систему, режим.

Эти тенденции представляются достаточно противоречивыми с точки зрения отношения граждан к власти в целом. Это и понятно, так как власть для нас традиционно персонифицирована. Мы ее одушевляем. Поэтому есть смысл более пристально взглянуть в «лица власти», проанализировать, кого мы числим во власти, кому из политиков доверяем, кому симпатизируем, кого считаем влиятельным, кто ей противостоит.

Первое, что следует отметить, это то, как удивительно «узок круг» политиков, названных опрошенными. Из всей российской политической элиты в 1995 г. набралось 43 человека, к которым наши респонденты испытывают **доверие, симпатию и готовы за них голосовать**. В 2000 году во всех вопросах, где требовалось назвать политика, кому опрошенные доверяют, симпатизируют и кого считают влиятельным, набралось 86 человек, в числе которых из списка 1995 года осталось всего 20 имен.

Рассмотрим внимательнее этот коллективный портрет власти. Начнем с героев середины 1990-х. На первом месте в 1995 г. стоял Гайдар (22 упоминания из более чем 60 опрошенных). Следом за ним шли Явлинский (21) и Жириновский (19). Ельцина, чья популярность на момент проведения исследования была не слишком высокой, вспомнили только 14 человек. Далее с большим отрывом шли Черномырдин, Зюганов, Лужков. Среди постперестроечных политиков, вызывавших у населения чувства доверия и симпатии, назывались имена, уже забытые сегодня (Зорькин, Исаков, Кивилиди, Рыбкин, Шумейко, Травкин, Козырев). Вообще, читая этот список, невольно вспоминаешь древнее изречение «Sic transit gloria mundi». В то же время в этом списке есть политики, чья популярность не только не снизилась, но и через пять лет они выглядят даже «свежее», чем раньше. Так, например Горбачев в списке 2000 года встречается 7 раз в выборке из 241 респондента.

«Политическая карта» сознания опрошенных выглядит несколько странно. Наши респонденты нередко доверяют одним политикам, симпатизируют другим, а голосовать собираются за третьих. Скорее исключением из правила становятся те, кто называет одного и того же политика в трех номинациях. Чаще же мы получали следующие ответы:

Таблица 12. *Доверие, симпатия, готовность голосовать*

1. Кому из известных российских политиков Вы доверяете?	2. Испытываете симпатию?	3. Собираетесь голосовать?
Ленину	Ни к кому	За Жириновского
	К Гайдару	За Ельцина
Власову, Румянцеву, Руцкому, Хасбулатову, до некоторой степени Шохину	К Власову, Говорухину, Казаннику, Константинову, Болдыреву	За Зюганова он тот, кто разбудит народ и заставит поверить ему

Хакамаде, Борису Федорову, Казаннику, Солженицыну, Собчаку	К Хакамаде, Кивилиди, Филатову	За Жириновского, Лужкова, Черномырдина
«Я их всех в гробу видал»	Симпатичен Явлинский, т. к. умный	За Ельцина
Ельцину, Гайдару, Козыреву	К Попову, Гайдару, Козыреву	За Жириновского
Собчаку		За Жириновского, Черномырдина
Явлинскому	К Шумейко	За Шахрая

Как видим, образ власти выглядит весьма диверсифицированным. Налицо серьезное расхождение *когнитивных* (доверие), *эмоциональных* (симпатия) и *поведенческих* (готовность голосовать) компонентов установки на власть, образ которой в ее персонифицированном виде предстает как противоречивый, невнятный и серьезно препятствует поддержке этой власти со стороны рядовых граждан.

Как изменился персонифицированный образ власти к 2000 году? Присмотримся к списку политиков, которые вызывают доверие, симпатию и, что особенно важно для данной темы, оказывают влияние. В нем появилось немало новых лиц. Вне конкуренции В.В. Путин. Из 241 человека его упомянули 193. После Путина вторым политиком, заслужившим массовое доверие, является политик по имени «Никто». Ему «доверяет» более трети всех опрошенных. Следом за ним с большим отрывом идут на равных Березовский и Явлинский. Затем Чубайс и Зюганов, Лужков и Касьянов, Волошин, Примаков, Хакамада, Кириенко, Немцов, Селезнев, Шойгу и Вяхирев. Остальные публичные политики: спикеры обеих палат парламента, лидеры фракций, руководители партий всплывают по одному-два раза.

Если сравнить ответы на вопрос о том, к кому мы испытываем доверие, со списком тех, кто вызывает у нас симпатию, то окажется, что списки эти не совпадут. Симпатию наши сограждане испытывают к чуть большему числу политиков, среди которых есть все те же Путин, Явлинский, Лужков, Примаков и Зюганов, но только число симпатизирующих им всем ниже, чем число доверяющих. Зато среди «симпатичных» можно встретить Ельцина с Горбачевым, Хакамаду с Анпиловым, Карелина с двумя Рыжковыми, Кириенко, И. Иванова, Митрофанова, Е. Киселева, и даже Гусинского. Этот список богаче не только по числу имен, но и по разнообразию политических ролей: среди эмоционально привлекательных политиков есть и депутаты, и губернаторы, и министры, и представители Президента в округах, и лидеры партий, и бывшие политики. При этом только 10 % опрошенных ответили, что нет политиков, которые вызывали бы у них симпатию. Это говорит о том, что эмоциональный компонент в персонифицированном образе власти у наших граждан представлен достаточно ярко и выпукло. Одновременно даже наши наиболее одобряемые политики, которым респонденты готовы довериться, не пользуются их симпатией. Эта рассогласованность образов плохой признак.

Наиболее примечательные ответы наши респонденты дали на вопрос о том, кто из политиков оказывает существенное влияние на ситуацию в России. Самой большой сенсацией для нас стало то, что наиболее влиятельным лицом российской политики является вовсе не Президент. Опрошенные на первое место поставили не политика, а олигархов. Только около половины опрошенных среди самых влиятельных людей страны назвала действующего Президента. Это для открытого вопроса необычайно много. Следом за Путиным идет Березовский. С отрывом от него Чубайс и Волошин, Касьянов и Абрамович. Среди публичных политиков возникают несколько раз имена Лужкова, Зюганова и Явлинского. Зато опрошенные в качестве отдельных групп выделили олигархов и Администрацию Президента, «семью», «окружение Президента». Среди всех названных политиков после олигархов наиболее многочисленными оказались представители исполнительной власти. Законодателей из числа партийных политиков в списке оказалось вдвое меньше. Только однажды респонденты вспомнили силовиков вообще и прокуратуру в частности. Три раза появились имена представителей СМИ. Зато 14 человек назвали очень любопытный источник власти и влияния «тех, кто находится за кадром». Мы не знаем, кто эти кукловоды, дергающие за ниточки российской политики, но сам факт их упоминания достоин внимания. Среди влиятельных лиц было всего 6 губернаторов, что показывает вес региональных политиков в общероссийском властном раскладе. Наряду с политическими деятелями и олигархами в сознании опрошенных возникло лишь два человека, чье влияние не носит политического характера — это патриарх Алексей II и писатель Солженицын. Не слишком много для страны, где духовная власть всегда ценилась выше власти политической или власти денег.

Если сравнить с ситуацией ельцинского правления, то перемена весьма существенная. Публичные политики оказались отодвинутыми во власти теми, кто «из тени в свет перелетает»: то есть властью экономической.

Еще одной неожиданностью стал численный состав действующей власти. В отличие от рейтингов политического влияния, составленного экспертами службы «Vox Populi», которым дается список для выбора, наши респонденты не пользовались никакими подсказками и называли тех, кого вспомнили сами. Таковых нашлось отнюдь не сотня, а всего 45 человек! Зато какие любопытные сюжеты. Так, несмотря на «раскрутку», Гусинского называют в десять раз реже, чем Березовского. Очевидно, Б.А.Б. прочно занял место «теневого центра власти» в сознании граждан. В одном ряду с российскими политиками можно встретить Билла Клинтона. Среди держателей власти числятся нефтяные магнаты (Вяхирев), владельцы заводов (Бендукидзе), влиятельные СМИ, и только один банкир — Геращенко. В целом картина, рисующая расклад власти в стране, не радует: эта власть практически не включает ни судебную, ни законодательную ветви. Она не поддается сопоставлению с конституционно определенными процедурами: ведь решения принимаются «за кадром». Олигархи и окружение президента — похоже — основные рычаги власти. Единственная фигура, как-то удерживающая эту непрочную и нелегитимную конструкцию — это легитимный Президент, с которым и связаны надежды на исправление несправедливостей и наведение порядка.

Не случайно граждане испытывают по отношению к власти не самые теплые чувства. Они

подозревают, что те, кто стремится к власти, не столько хотят принести пользу обществу (14,2 % в 2000 году по сравнению с 24,9 % в 1996 году), сколько улучшить собственное материальное положение (65,9 % и 76,6 % соответственно). Наверное, поэтому они все менее терпимы к различным властным «аномалиям» и все больше хотят «нормальной» и «вменяемой» власти. Суждено ли сбыться этим надеждам или они угаснут, не получив от власти подкрепления, зависит уже не столько от образов и имиджей, сколько от самой власти. С народом же и его картиной мира, судя по нашим данным все в порядке. Образы власти в массовом сознании вполне адекватны той ситуации, которая сложилась в самой власти.

Майер Г.

Власть, безвластие и социальные изменения психологические аспекты микрополитики

Граждане являются не только объектом, но также и субъектом власти: в своих социальных взаимоотношениях они выступают носителями власти, они устанавливают и легитимируют власть, вне зависимости от того, являются ли они активными участниками или всего лишь наблюдателями. Я буду говорить об активных субъектах, о внутренней динамике того, какое отношение они имеют к власти и безвластию и каким образом влияют на изменение социальных отношений каждый день. Или в общих словах: я буду рассматривать субъективную сторону властных отношений, моей целью будет прикладная или практическая психология микрополитики.

Африканская поговорка гласит:

*Много обычных людей,
Во множестве небольших мест,
Делают много маленьких шагов,
Могут изменить облик мира.*

Эти строчки напоминают нам о нашей силе и способности вызывать постепенные изменения. Они обращены к субъективному восприятию властных структур и к возможности преодолеть чувство безвластия, существующей для многих индивидов.

Для достижения этой цели нам нужен реалистичный анализ формальных и неформальных механизмов власти, изучение того, как они работают в политике, экономике и общественной жизни. Говоря о возможностях изменений, я хотел бы избежать как всевозможных иллюзий, так и чрезмерной психологизации властных отношений в политике и обществе. Этот материал имеет отношение как к западным капиталистическим демократиям, так и к демократическим и авторитарным режимам, существующим не только на территории бывшего Советского Союза. В Центральной и Восточной Европе множество возможностей для демократизации политики и общественной жизни появилось именно после 1990 года. В то же время, мы чувствуем, с одной стороны, влияние традиций и образования, направленного на воспитание подчиненности, а с другой, сопротивление властных структур, менталитета и образцов поведения, характерных для периода бюрократического социализма. Всепоглощающая власть элит нашла удачное дополнение в лице широко распространенного среди граждан чувства безвластия. Подавляющее большинство граждан испытывает недостаток навыков и ресурсов, мотивации и веры в то, что они действительно способны изменить что-либо в обществе путем собственных усилий, самостоятельно или объединившись с другими людьми. В условиях более или менее жесткого авторитаризма особенно сложно осознать свою силу, публично высказывать критику и поверить во власть самостоятельно организованной деятельности рядовых граждан. Другой фактор создает еще более серьезные препятствия: большинству людей необходимо отдавать почти все свои силы на борьбу за элементарное выживание или, по крайней мере, на поддержание скромного уровня жизни.

Все эти условия и объективные обстоятельства, различающиеся в разных странах, я, несомненно, принимаю во внимание, когда задаю два главных вопроса психологии власти:

1. *Что делает нас безвластными?*
2. *Что делает нас сильными?*

Индивид и другие: определение власти по Макс Веберу, и субъективное измерение властных отношений

Согласно концепции Макса Вебера, в социальных отношениях власть, независимо от того, на чем она основана, дает шанс навязать свою волю другим, даже, невзирая на сопротивление. Здесь власть понимается как шанс или потенциал. Вебер представляет власть как контроль над другими, как способность навязать свою волю вопреки желанию другого.

Для более систематического исследования, в аналитических целях власть может быть рассмотрена вначале как личная власть, как сила внутри самого индивида, существующая внутри человека и не зависящая от других.

Затем мы можем рассмотреть власть в ее отношении к другим людям. Власть и безвластие в действительности развиваются и доказывают свое существование в отношениях с другими

людьми, в конкретных социальных условиях, обстоятельствах и ролях. Власть это не субстанция, она должна пониматься как процесс, как продукт личных и общественных отношений.

И, наконец, власть может быть расценена как социальная или политическая власть: то есть как распределение и воспроизводство власти в группах и организациях, как властные конфликты между различными факторами в политическом процессе.

Таким образом, социальная власть основана на взаимодействии трех системных уровней: *микроуровня*, включающего индивидов, семьи и другие первичные группы; среднего или *мезоуровня* функциональных групп и организаций; и, наконец, *макроуровня*, имеющего дело с нациями, политическими системами и международными взаимоотношениями. Здесь мы сконцентрируемся на анализе микроуровня. Способ, с помощью которого мы строим свои социальные отношения на микро- и мезоуровнях может быть назван микрополитикой.

В своем определении Вебер подчеркивает характер власти как контроля над другими людьми, который при необходимости осуществляется против их воли. Сегодня в повседневной жизни и с учетом демократической перспективы более существенным становится вопрос о том, как достичь власти вместе с другими и как сделать что-то для других. Конечно, осуществление власти подразумевает достижение своей цели и в конфликте с другими. Но если мы анализируем и развиваем только вертикальную стратегию доминирования подчинения или адаптации, то мы пренебрегаем аспектом консенсуса и демократического торга. Демократия предполагает стремление к горизонтальной кооперации и задается вопросом: что мы можем сделать, чтобы, объединяясь и поддерживая друг друга, путем создания эффективных организаций преодолеть безвластие?

Второй момент критики веберовского определения власти заключается в том, что он не рассматривает психологические аспекты власти и безвластия. Власть имеет не только объективную, но и субъективную сторону, которые, по сути, являются двумя сторонами одной монеты.

Что мы имеем в виду под субъективным измерением власти? Это наше восприятие, наши чувства и то, каким образом мы учимся справляться с силой и бессилием. Власть неизбежно строится на:

- том способе, каким мы думаем о ней и воспринимаем ее в качестве начальника или подчиненного;
- том, какой опыт в этой области мы приобрели, будучи детьми, молодыми людьми или уже взрослыми;
- том, как мы усваиваем и используем наш опыт в жизни;
- и, наконец, на том, какое отношение мы развиваем, и какие модели поведения используем в процессе социализации, т. е. склоняемся ли мы к авторитаризму, и следуем образцу «заученной беспомощности», или, говоря в традициях психоанализа, мы развиваем силу «эго» и действуем автономно.

Способ, с помощью которого мы имеем дело с властью и безвластием во многом определяет

качество социальных и политических отношений, а отсюда и возможности для развития демократической политической культуры и устойчивого гражданского общества. Идея и практика гражданского общества, независимого как от государства, так и от рынка, является жизненно необходимым элементом для увеличения способности общества решать свои проблемы в условиях консенсуса и конфликта. Это особенно актуально для посткоммунистических обществ, если они хотят выйти на путь строительства плюралистической демократии. Таким образом, концепция гражданского общества не является ни утопией, ни новомодным веянием.

Вернемся к двум основным вопросам: Что делает нас безвластными? Что делает нас сильными?

Рассматривая властные отношения в повседневной жизни, я бы хотел обозначить десять провокационных тезисов. Они сочетают различные типы и уровни утверждений, так как направлены на критическое размышление и ориентацию на действие в духе гуманистической психологии. Эти тезисы описывают и объясняют, они интерпретируют и предполагают, и таким образом, они могут побуждать к возникновению альтернативных способов взаимодействия с властью и безвластием. Поэтому я не использую безличные существительные, а предпочитаю личные местоимения «мы» или «я». Однако это не подразумевает субъективизм или педагогическое стремление научить чему-то.

Десять тезисов внутренней динамики власти и безвластия

1. *Вне закона и структур: в личном взаимодействии другой имеет ровно столько власти, сколько я сам ему даю.*

Действуя в рамках формальных институциональных установок, вы можете воспринимать и использовать свою власть различными способами, независимо от того, находитесь ли вы на верхушке иерархии или ближе к ее основанию. Вне законодательных норм и установленных структур, в психологическом измерении, можно наблюдать этот образец переноса власти на личные взаимоотношения: если один человек (или много людей) имеет власть над другими людьми, то тут всегда возникает две стороны: одна, которая дает власть и делает другого подчиненным, и другая, которая, соответственно, принимает ее и подчиняется. Отдавая себе отчет или нет, мы создаем асимметричные и взаимозависимые властные отношения. Мы все хорошо знаем диалектическую связь хозяина и слуги: кто такой хозяин без слуги? Кто такой босс без наемных работников? Кто может быть министром без министерства?

2. *В социальных отношениях высшая власть, которой, как предполагается, я должен покориться, в реальности гораздо чаще основана на силе привычки или добровольном ее принятии.*

Мы часто говорим о высшей силе условий или, выражаясь более абстрактно, о некоей «системе», которая нам дана и не может быть изменена. Так, некоторые властные отношения

воспроизводятся только потому, что мы принимаем их без критического осмысления, не ставя вопрос о том, *почему* они являются таковыми, или *почему* они считаются законными. Мы часто заставляем себя поверить, что мы бессильны что-либо изменить. Но в действительности это не ограничение, вызванное условиями, а принуждение, которое мы налагаем на самих себя, и именно оно приводит нас к покорности. Таким образом, мы усиливаем и легитимизируем те структуры и властные отношения, в которых мы чувствуем себя бессильными и неудовлетворенными, и мы не можем решиться их оставить.

3. *Наша оценка в значительной степени определяет влияние власти и ее престижа.*

Только наше признание и одобрение делает власть морально и политически одобряемой. Это мы наделяем других людей, группы, лидеров и институты высоким положением и престижем. В этом процессе социального и политического приписывания часто случается так, что мы переоцениваем одних и недооцениваем других.

Основной способ преодолеть чувство беспомощности и бессилия — изменить взгляд на самих себя и на тех, кто «во власти» путем осознания своей собственной ценности, признания своих опыта и достижений, своих прав и особенно позиционирование чувства собственного достоинства.

4. *Преодоление бессилия должно начинаться в нашем сознании: наш способ мыслить делает нас зависимыми и препятствует тому, чтобы мы стали сильнее.*

Многие люди сделали себя зависимыми от начальника или от общественности тем, что всегда стремились получить их признание и одобрение. Часто это стремление основано на бессознательно интернализированных психологических потребностях. Вместо того, чтобы быть внутренне свободным и независимым, я чрезмерно подчиняю себя желаниям или оценке других людей. Если я хочу преодолеть этот тип конформизма и зависимости, я должен начать освобождать себя от стремления найти одобрение извне, от поиска престижа и постоянного внимания. Я набираюсь смелости встать в оппозицию другим и высказывать критику в адрес своего руководителя. Вполне вероятно, вы выразите то, о чем другие уже давно думают, но не осмеливаются выразить открыто.

5. *Очень часто мы мыслим в негативной и ограничительной манере. Мы не видим позитивных возможностей для изменений.*

Мы знаем, почему что-то не может быть сделано или, по крайней мере, является трудно выполнимым и полным риска. Очень часто это знание базируется на рациональном основании, полученном путем реалистической оценки возможностей и ограничений.

Но также существуют ситуации, в которых мы недооцениваем собственную силу и способности. Говоря все это, я очень хорошо осознаю опасность волюнтаристского подхода или предложения того, что реально не существует. Однако я снова настаиваю на том, что действительно во многих жизненных ситуациях, личных или профессиональных, мы можем получить больше влияния, только если поверим в себя. Это требует от нас осознания наших действий и чувств, того, что беспокоит и расстраивает нас, и что действительно необходимо изменить.

6. *Любые изменения начинаются внутри нас.*

Решающим моментом для любого изменения является то, что я начинаю его сам внутри себя. Этот первый шаг особенно важен в личных отношениях. Потом, и часто только потом, другой тоже получает возможность для изменений (и может так поступить или нет).

Любые серьезные изменения каких-либо аспектов нашей личности или в целом образцов личных взаимоотношений затрагивают наш интеллект и эмоции, наш разум и чувства или, если можно так сказать, наш дух и душу. Эти типы изменений влияют на личность в целом, на наше состояние, поведение и манеру держать себя, на наше лицо, язык, и в целом на наше проявление себя как личности в частной и публичной жизни.

7. Любые изменения начинаются в моей собственной сфере ответственности.

Если я хочу изменить что-то, то я могу (и я должен!) начинать это непосредственно в моем социальном окружении, где я являюсь ответственным и имею некоторое влияние. Это часто является первым шагом, в частности, я спрашиваю себя: «Что является выполнимым, здесь и сейчас?». Многие недооценивают важность и качественное влияние изменений на основу общества. Часто они бывают постепенными и малозаметными. Но где же еще мы должны начинать изменение качества социальных отношений и распределения власти?

Там, где мы являемся ответственными за других, мы можем содействовать установлению такого социального климата, который будет благоприятствовать инициативе и автономии, критике и высказыванию противоречий. Мы можем осуществить это путем делегирования ответственности и будучи более открытыми для изменений. В отношении политики, инициативы отдельных индивидов, семей, малых групп, коллег по работе, простых граждан являются важнейшими отправными точками для изменений в организациях и институтах, а в итоге во всем обществе и в национальной политике.

В политике мы часто сталкиваемся с образами власти, которые созданы обществом и распространены масс-медиа. Только тогда мы сможем действовать автономно, когда поймем, как и в чьих интересах эти образы формируются; если мы осознаем то влияние, какое средства массовой информации имеют на нас. Часто мы не можем преодолеть то, что делает нас бессильными, если не пытаемся критически взглянуть на само понятие, социальные нормы и якобы «естественно данную нормальность» политики. Все чаще и шире политика выводится на передний план профессионалами-политтехнологами и начинает доминировать в телевизионных эфирах. Эта тенденция все больше наблюдается в разных странах. Таким образом, гораздо более важным становится образование рядового гражданина, прививание ему критического отношения к масс-медиа и к тому, что они сообщают. Это является возможностью не попасть в ловушку одностороннего, идеологического определения проблем, представляемого лидерами, партиями и прессой.

8. Мы часто недооцениваем влияние активного и инновационного меньшинства, силы сплоченности и смелости простых граждан.

Позитивные демократические изменения часто иницируются небольшими группами, которые твердо убеждены в прогрессивности своих идей, но в то же время не являются догматическими и пытаются завоевать большинство демократическими методами. В этом стремлении только тот окажется в выигрыше, кто на своем пути к власти уже осуществляет

те идеи, которые пропагандирует. В некоторых странах бывшего бюрократического социализма, изначально меньшинство перешло к гражданским выступлениям, и их мирная революция доказывает, как бессильна власть и как может быть сильно безвластие.

9. Только тот является действительно могущественным, кто не стремится к контролю над окружающими, а кто работает вместе с остальными на пользу общего интереса и благополучия всего общества. Это демократический способ соединить собственный легитимный интерес с социальной и политической солидарностью.

Если мы хотим преодолеть социальную и политическую конформность, мы не должны интересоваться тем, что делает нас бессильными, а других наделяет властью. Мы должны спрашивать себя, каким образом мы можем стать сильнее и как можно убедить других делать правильные вещи. Если мы хотим добиться влияния, мы не должны стремиться лишиться других их власти, а должны понять, как мы, самостоятельно или объединив усилия с другими людьми, можем получить это влияние и поддержку,. Таким образом, соревнуясь за лучшее решение, мы можем использовать власть и равновесие как позитивные силы. Наша цель в таком случае, это не контроль над другими людьми, а достижение чего-то более разумного. В этой попытке тот окажется успешнее, кто сможет принять собственные недостатки и продемонстрировать хорошее чувство юмора.

10. Эти изменения требуют времени и терпения, смелости и уверенности.

В ситуации современной России и многих других посткоммунистических стран, равно как во многих других частях света, эти тезисы некоторым могут показаться чистым идеализмом, основанным на субъективистском и волюнтаристском подходе к структурным трудностям процесса трансформации, демонстрирующим наивный оптимизм Запада. Короче: желательные, но утопичные мысли.

Однако, я бы хотел подчеркнуть, что я хорошо осознаю трудности жизненной ситуации и существующие ограничения для большинства людей не только в посткоммунистических странах, если они стремятся к тому, что я уже описал выше. И критически рассматривая прошлое Германии, я также не забываю о том, сколько времени нам потребовалось; как много препятствий стояло на нашем пути; сколько кризисов и катастроф нам пришлось пережить, прежде чем большинство западных обществ приняло вид относительно стабильных демократических систем и политических культур.

Несмотря на все это, я думаю: если вы не представляете себе, что может быть, если вы не пытаетесь думать в альтернативном ключе и открывать позитивные возможности внутри и вне себя, вы никогда не достигнете лучшего. Необходимы и реализм, и смелость. В заключение процитирую несколько строк известного немецкого автора эпохи барокко:

ГОСПОДИ! ДАЙ МНЕ СМЕЛОСТЬ ИЗМЕНИТЬ ТО,
ЧТО Я МОГУ ИЗМЕНИТЬ,
И ПРИНЯТЬ ТО, ЧТО Я ИЗМЕНИТЬ НЕ МОГУ,
И МУДРОСТЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОТЛИЧИТЬ ОДНО ОТ ДРУГОГО.

Ракитянский Н.М.

Психологические особенности взаимодействия элиты и общества в процессе политического реформирования

Каждая попытка реформирования России имела свои особенности, и практически всегда на первый план выходил вопрос о политическом субъекте реформирования.⁰²⁰ Но ни в политической науке, ни в психологии, ни в других смежных областях нет единого подхода к изучению этого вопроса⁰²¹, включающего и проблемы взаимодействия элиты и общества.

Исторически развитие нашей страны имело собственную внутреннюю логику, которая объективно была обусловлена природной средой и геополитическим положением. Становление государственности Древней Руси происходило в условиях страны, только еще колонизирующейся восточными славянами. Элитный слой, образовавший ростки будущего государства в этих условиях не явился, в отличие от европейских стран, результатом естественного развития этнической среды. Правящий слой, как некий конгломерат, образовался на торговых путях «из варяг в греки» и по Волге-Каспию. И что весьма важно, его состав был вненационален. Варяги и эсты, славяне и печенеги, финны и хазары все входили в состав княжеской дружины полукупцов-полувоинов. Народ жил своей жизнью, элита своею)

Россия начиналась при татарах в борьбе за свержение золотоордынского ига. И здесь все повторялось княжеско-боярская элита также резко выделялась из этнической среды, формируясь из восточных элементов, выходцев из Литвы, отчасти из наиболее ловких дружинников. В дальнейшем восточный период русской истории с конца XV века сменился византийским, а там и западным, утвердившимся в ходе реформ Петра. Завершение внутренней колонизации привело в конце XVI столетия к формированию крепостного права и началу освоения беглецами Сибири, Севера, Юга и Востока. Таким образом, само государство как таковое появилось у нас, по крайней мере, на четыре столетия позже, чем в Западной Европе.

Постепенно складывались те черты психологии, которые позднее назовут русским национальным характером. Это широта души широкая русская натура; лень и пассивность

земля-то богата; несопротивляемость гнету всегда есть возможность удрать; негосударственность для этой затеи есть барин. На основе православного мирозерцания зарождалась вторая цивилизация в России, которую проф. А.А. Зимин назвал крестьянской.⁰²² В допетровской России ее противостояние господской, помещичьей не было столь определено в виду несовершенства формирования сословий и их культурно-исторической близости. Петровские реформы, подкрепленные указом о дворянской вольности Екатерины II, разрывали относительно тесные связи между сословиями.

Расхождение между дворянской и крестьянской цивилизациями XVIII и XIX вв. было настолько большим, что могло создаться впечатление о двух мирах, живших каждый своей жизнью. И ненависть в народе часто накапливалась не по линии господства подчинения, а по культурно-исторической расчлененности. Фабриканты, купцы и прочие дельцы всегда были для крестьян своими, но только более удачливыми. А вот умники, дворяне, даже в лохмотьях, всегда были чужаками. Все триста лет династии Романовых длилось в России сосуществование двух цивилизаций: дворянской и крестьянской внешнего запада и внутреннего востока, составляющих внутренне конфликтную, взрывоопасную психологическую основу для всех модернизационных проектов элиты.

Традиции российской элиты в известной мере определяли развитие ее ментальности, ее интеллектуальную зависимость от влияния Запада. Революционные реформы, проводимые элитами в России, в значительной мере представляли собой копирование эволюционных, органичных модернизаций, которые происходили в центрах зарождающейся капиталистической мировой системы, предтечи будущего глобального устройства планеты.

Россия и Европа всегда были неразрывно связаны не только в силу их географического положения и посредством сложного влияния друг на друга. Культура России, как и культура Западной Европы, представляет собой синтез язычества, иудейского и христианского духовного наследия. Но одни и те же фрагменты в каждой из культур представлены по-разному, в разных соотношениях, в разных взаимодействиях.

В культуре России и в культуре любой западноевропейской страны существовали два полярных начала: *индивидуалистическое* и *общинное*.⁰²³ Между ними велась борьба и, в то же время, они уравнивали друг друга. Окончательно не могло победить ни одно из этих начал. Если представить себе невозможное, то полное торжество индивидуализма означало бы, как у Томаса Гоббса, войну всех против всех, что в известной мере наблюдалось в эпоху Возрождения. Общество не могло бы существовать. Не могло полностью победить и общинное начало, ибо это также привело бы к деградации и вырождению цивилизации.

В силу объективных природных, географических и исторических условий жизни в Западной Европе индивидуализм преобладал над общинностью. Преобладал, но никогда не побеждал, даже в самых индивидуалистических странах.

В нашей стране с ее климатом и бескрайними просторами должно было восторжествовать общинное начало. Причем основания общинности могли быть различными родовые связи как у тюркских народов России или общинные, как у русских это не меняло сущности общинности как способа организации общества. Общинность это не просто вид

социальности, это тип традиции, тип истории, который порождает свой социально-психологический и политический тип человека.⁰²⁴ Сравнивая западную культуру, выросшую из католицизма и протестантизма, и русскую православную И.А. Ильин писал: «Их культура выросла исторически из преобладания воли над сердцем, рассудка над совестью, власти и принуждения над свободой. Как же мы могли бы заимствовать у них эту культуру, если у нас соотношение этих сил является обратным?»⁰²⁵ Но окончательно победить индивидуализм это общинное начало тоже не могло. Личностное начало всегда было живо в русской культуре.⁰²⁶ Таким образом, мы видим, что типологическое противопоставление индивидуализма и общинности в России, варьируясь в условиях различных исторических эпох, сохраняет до настоящего времени инвариантную основу.

Но дело не только в преобладании общинности над индивидуализмом. Стремление России отстоять свою независимость, сохранить свою самость, укрепить государственность вынуждало ее подстраиваться под ускоренное развитие Запада. То есть реформационные процессы в стране были вынужденными, преждевременными, они опережали естественные темпы развития России. Потребность в реформах не была внутренней, с конца XVII века она была обусловлена воздействием сил европейского масштаба, она складывалась раньше, чем страна созревала для перемен.⁰²⁷ Может быть, поэтому русское восприятие Запада всегда обречено быть противоречивым. Как писал об этом В.В. Зеньковский: «Живучесть и актуальность темы об отношении России к Западу определяется одинаковой неустранимостью двух моментов: с одной стороны, здесь существенна неразрывность связи России с Западом и невозможность духовно и исторически изолировать себя от него, а с другой стороны, существенна бесспорность русского своеобразия, правда в искании своего собственного пути. Ни отделить Россию от Запада, ни просто включить ее в систему западной культуры и истории одинаково не удастся»⁰²⁸.

Политическая и государственная независимость России оказывалась, с одной стороны, основой ее развития по европейской модели и, с другой ее зависимости от Западной Европы. В XV XVI вв. закладывались предпосылки имперской модели реформации России,⁰²⁹ которая до настоящего времени в значительной степени определяет судьбу нашей страны.

Практически все российские реформации подчинялись не столько решению внутренних проблем страны, тем более не повышению народного благосостояния, сколько задачам обороны от внешних врагов, военно-политической экспансии империи и поддержания статуса великой державы. Ядром имперской модели модернизации было создание мощного военно-промышленного комплекса и обслуживающего его государственно-бюрократического аппарата. Именно поэтому реформация в России начиналась исключительно «сверху» по инициативе политического класса, да и то лишь его отдельной части, который сопоставлял Россию с Западом. Этот класс в целом не был заинтересован ни в развитии инициативы народа, ни в коренном преобразовании общественных отношений. Существование империи могло опираться только на жесткую централизацию и авторитарный контроль над обществом со стороны власти для того, чтобы сохранять самодержавный строй. Необходимо также учитывать и геополитический фактор, способствовавший консервации

архаичных порядков и абсолютистского централизма. Стремление российских правящих элит реформировать Россию «сверху» усугубляли раскол между дворянской и крестьянской цивилизациями. В России реформаторы были отделены от народа не только социально, экономически и политически, но и ментально, т. е. они были носителями чуждых для традиционной России идей и концепций, не были укоренены в исторически сложившейся культурной среде.⁰³⁰

Характерной для исторического развития России особенностью является то, что каждый новый реформаторский план отрицал предыдущий, приходящие к власти элиты отвергали устоявшиеся в течение длительного периода нормы и ценности, в результате чего в известной мере утрачивались накопленные достижения. Однако каждый новый этап общественной психологии был трансформацией предшествующего, а не полным разрывом с ним. На каждом этапе реформирования правящая элита сознательно или бессознательно интегрировала фундаментальные свойства предшествующих политических режимов. Наиболее заметным на культурно-бытовой поверхности жизни было радикальное изменение официальной идеологии, но государственная модель не исчезала. Радикализм лозунгов сочетался с внутренней, глубинной преемственностью. Благодаря этому политическая сущность российских реформаторов продемонстрировала устойчивость своих базовых начал.

Власть в России вне зависимости от смены идеологий, культурных влияний и элит устойчиво носит авторитарный характер в его «жестком» или «мягком» варианте. Власть же закона в России нелегитимна.⁰³¹ В основе политической жизни лежит персонализм, а политические представления россиян, будь то представители элит или рядовые граждане, основываются на стихийном монархизме. Общество выступает как безгласный и безропотный объект воздействия власти, а страна, с приходом нового главы государства, превращается в площадку для очередного политического эксперимента.⁰³²

Развитие России в течение всей ее истории осуществлялось скачкообразно, когда все силы страны путем чрезвычайного рывка бросались на преодоление предшествующего реформам отставания от Запада: государственное строительство Ивана Грозного, эпоха Петра I, реформы Александра II и реформы Столыпина, сталинская индустриализация, хрущевское «догнать и перегнать», горбачевская перестройка, ельцинская «демократизация всей страны». Правящая элита насильственно осуществляла реформирование антигуманными, подчас даже варварски жестокими методами. Но, в конечном итоге, реформирование, осуществляемое ценой огромных перегрузок, перенапряжения всех сил, бесчисленных жертв и невиданных лишений, все же не достигает своей цели – разрыв с Западом остается.

Можно констатировать, что необходимость «догоняющего» развития обрекла маятник российской истории на постоянное колебание в диапазоне между «политической спячкой» и «революционными скачками», что отнюдь не способствовало формированию цивилизованных отношений между правящей элитой и обществом. Трагичность ситуации усугубляется еще и тем, что народ практически всегда выступает как объект для эксперимента, которому нужно навязать ту или иную идею. Но, вместе с тем, по мнению В.В. Крамника, как бы правящая элита ни поступала, как бы ни травмировала своих сограждан, она не только сохраняет, но и

упрочивает свою власть.⁰³³ Он объясняет это тем, что психологически российская элита и российский народ обнаруживают определенное родство душ, как бы на первый взгляд они ни отличались друг от друга. Элита, обладая информационной властью,⁰³⁴ имеет общий когнитивный стиль с народом. Она, сквозь призму своих авторитарных представлений и побуждений, опирается на его психокультурную основу, используя технологии скрытого принуждения, проводит свою политику, выдает тот ментальный и психологический «продукт», который отвечает ожиданиям и соответствующему «запросу» граждан, выступающих тем самым субъектом поддержки существующего режима. Круг замыкается. Элита не делает ничего такого, чего бы россияне так или иначе не желали или не позволяли ей. В массе своей они вольно или невольно способствуют правящему классу, выполняя пассивную роль.

Исторически сложившийся стиль взаимоотношений по линии «*правлящая элита народ*», затрудняющий возможность полноценного диалога, присущ не только правящей элите, которая обладает реальной властью, но и тем, кто, находясь в оппозиции, стремится к рычагам управления страной. Перманентное противостояние между властной элитой и обществом породил особый тип политического мышления, при котором поиски компромисса представляются не только затруднительными, но и рассматриваются как проявления политической слабости.⁰³⁵ Кроме того, это противостояние принципиально затрудняет поиск и формулирование национальной идеи, блокирует возможность национального консенсусного определения вектора реформирования страны.

Сущностной чертой любой демократии является диалогичность властных отношений. В России исторически сложилась и устойчиво существует недиалогическая форма отношений между властью и обществом. Политическим элитам по прежнему свойственна «*глухота*» к происходящему в обществе, неспособность к диалогу с ним.⁰³⁶

Характеристика последнего десятилетия реформирования страны состоит в том, что образование политической и экономической элит происходило при опоре на узкий социальный слой, который можно было бы назвать активным меньшинством. По мнению Г. Г. Дилигенского «*у нас элита неадекватная*», она перешла от старого режима.⁰³⁷ Но старая и новая элита несут в себе, по мнению В.В. Крамника неистребимый комплекс «*всезнающего человека*». Так, исключительной претензией на триумф истины, высшую разумность страдали большевики, свято верившие, что марксизм не может ошибаться, обладает всеобщей ценностью, представляет собой единое и непогрешимое учение, единственное научное понимание истории, наиболее научную из всех наук, владеющую «подлинным конечным знанием». В свою очередь, сменившее их постперестроечное правительство либеральных радикалов точно также выступало как единственный преемник и проводник подлинно демократической политики. В лучших традициях высокомерного всезнания оно выдавало себя за единственных реформаторов и отказывало в реформизме не только тем, кто противился всяким изменениям, но и тем, кто выступал за умеренные перемены, что явилось психологическим источником кровавого конфликта в октябре 1993 года.

Благодаря новейшим информационным технологиям наиболее эффективным бизнесом стало

преобразование живого человеческого сознания: индивидуального, группового и массового. Формирование сознания превращается в наиболее эффективный бизнес и в сверхэффективную политическую технологию. Оно качественно меняет взаимоотношения между политическими элитами и обществом. Его последствия еще не осознаны, и нет уверенности, что они могут быть осознаны в обозримом будущем, так как формирование сознания всегда носит двусторонний характер: воздействуя на сознание общества, правящая элита неминуемо меняет и свое. Убеждая кого-то в чем-то, субъект убеждения неминуемо убеждает в том же и себя, и теряет связь реальностью. Этот процесс неизбежно ведет к формированию системы рисков. М.Г. Делягин убедительно, на наш взгляд, сформулировал ряд наиболее опасных в этом плане тенденций. [038](#)

Первая опасность, связанная с превращением процесса формирования сознания в сверхэффективный бизнес — это эффект самопрограммирования, когда управляющие субъекты в лице национальных и транснациональных элит в определенной мере утрачивают адекватную политическую рефлексивность, что может привести к непредсказуемым и разрушительным последствиям в глобальном масштабе.

Вторая опасность — профессиональное стремление PR-операторов и их хозяев решать проблемы реальной жизни страны *«промыванием мозгов»*. В ограниченных масштабах такой подход эффективен, но если он начинает доминировать, то также ведет к неадекватности управляющих систем. Классический пример — администрация президента России с 1995 г. и по наше время.

Третья опасность широкого распространения информационных технологий связана со снижением ответственности субъекта управления. Работая с «картинкой» и образами, управляющий субъект неминуемо теряет понимание того, что его работа влияет на реальную жизнь реальных людей. Он просто забывает о них — и в сочетании с высокой эффективностью это превращает его в прямую угрозу для общества.

Высокая эффективность технологий формирования сознания качественно повышает влияние политических элит, владеющих ими, и тех, кто их применяет; такие люди и социальные группы становятся могущественными. При этом никакой *«платы за могущество»* нет. Субъект, индивидуальный или групповой, в нашем случае правящая элита, создавая и внедряя новые установки и ценностные ориентации, формирует качественно новое сознание общества, чувствует себя творцом, близким к Богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни. Безответственный, а, по сути, аморальный стиль деятельности становится образцом для подражания, в том числе и за пределами «информационной элиты», что подрывает дееспособность общества и неизбежно ведет его к дезинтеграции.

Четвертой опасностью информационного сознания является возможность ограничения демократии. Дело не только в возможности ослабления государства, являющегося несущей опорой демократических институтов, но и в том, что для формирования сознания общества достаточно воздействовать на элиту, участвующую в принятии важных решений.

Систематические усилия по формированию сознания изменяют сознание элиты, и оно

становится другим, чем сознание общества. Утрачиваются и без того ослабленные внутринациональная идентичность и солидарность, так как идеи и представления, рожденные в недрах общества, элитой не воспринимаются. Как быстро это происходит, можно видеть на примере России, где радикал-либералы уже к 1998 году, то есть за 7 лет своего господства, оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты за 70 лет своего.

В ситуации, когда картина мира правящей элиты кардинально отличается от картины мира общества, элита отрывается от него, теряет эффективность, создается конфликт по известной схеме, когда *«верхи не могут, а низы не хотят»*. Усиливается уязвимость общества перед лицом внешней информационной и интеллектуальной экспансии, а также идеологических манипуляций. Особенно уязвимой становится элита, которая не только несет в себе все системные пороки своих исторических предшественников, такие как авторитаризм, кастовость, теоретическое иждивенчество, субъективизм, но и традиционно подпадает под влияние воздействий со стороны Запада⁰³⁹.

Фундаментальное противоречие нашей эпохи и одновременно главный вызов человеческому сообществу в XXI веке – это противостояние либеральных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности с другой.⁰⁴⁰

И если у нас либеральная идея полагается отныне в основу государственно-общественной модели развития страны, то ей, в полном соответствии с либеральным принципом сдержек и противовесов, должно противопоставить политику утверждения в сфере воспитания, образования и формирования межличностных отношений системы традиционных для России ценностей. И потому вопрос о том, какими должны быть законодательство, образование, культура, социальные отношения, общественная мораль, есть вопрос о том, сохранится ли наша национальная цивилизация в XXI столетии, найдет ли она достойное место в мировом сообществе наций.

Возрождение России в новом веке и новом тысячелетии, возможно, даст, вопреки предсказаниям П.Я. Чаадаева, иной, положительный и спасительный урок миру, устроив жизнь личности и общества в соответствии с принципами, в которых гармонично соединятся зависимость от нравственного закона с личными и гражданскими свободами.

Для оптимальной адаптации России к глобализирующемуся миру нашим элитам необходимо извлечь урок из исторически уникальных событий, являющихся результатом объективного развития сложных мировых явлений и субъективного выбора людей: нельзя полностью их объяснить, но можно описать причинные механизмы, вызвавшие эти события.

Политические стереотипы и их воздействие на электоральное поведение россиян в 1990-е годы

Предметом данного исследования были выбраны политические стереотипы россиян, проявлявшиеся на протяжении 90-х годов XX века. Учитывая низкий уровень политического участия населения в забастовках, митингах, подачах коллективных петиций и других формах политической активности, особого внимания заслуживает вопрос о том, как политические стереотипы проявляются именно в процессе федеральных парламентских и президентских выборов. Основой исследования стали материалы опросов общественного мнения, проводимых в России в это время ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР и другими исследовательскими центрами. Несмотря на то, что предметом исследования были в основном федеральные выборы, когда стереотипы россиян реально артикулируются, внимание уделялось также динамике стереотипов в периоды между выборами, когда, влияние предвыборной агитации, проходящей в основном в СМИ, на функционирование политических стереотипов снижается. В эти периоды возможно выделить и обособить относительно независимые процессы, происходящие в массовом сознании.

Само понятие стереотипа появилось в социальной психологии в 1922 году. В контексте данного исследования различие между социальным и политическим стереотипами проводится с точки зрения области их функционирования и предмета описания. То есть политическим стереотипом является такая разновидность социального стереотипа, которая предстает схематизированным и упрощенным образом политического объекта и оказывает влияние на политическую практику. Конечно, границы между ними размыты, и описываются скорее как отношение общего понятия к частному.

В настоящее время в научной литературе существует согласие относительно того, что под «стереотипом» понимается упрощенный и обобщенный образ явления, часто преувеличивающий одни его свойства и нивелирующий другие. Причем этот образ в большинстве случаев является эмоционально окрашенным. Подобное согласие нарушается лишь по вопросу об адекватности стереотипа объекту, который он описывает. Ранние исследования, проводимые в первой половине XX века и связанные с изучением представлений о различных этнических меньшинствах, приводили исследователей к выводу, что стереотип изначально ложен и, кроме того, формируется на основе неосознаваемого мотива оскорбить или унижить описываемую им группу, что и нашло отражение, например, в работах Г. Олпорта. Однако еще в 50-е годы исследования О. Клайнберга показали, что нет основания полагать, что в стереотипах не отражается реальность. Подобное понимание природы стереотипа, когда объектами политических стереотипов становятся политические институты или группы лиц их представляющие, более приемлемо для политической науки. В отличие от стереотипов национальных меньшинств, стереотипы политических институтов едва ли следует выводить исключительно из бессознательного желания оскорбить или

унизить более слабого противника. Кроме того, адекватность или неадекватность политических стереотипов объекту оказывается за пределами эмпирической проверки, либо такая проверка не окупает затрат на нее.

Примером может служить, исследование ФОМ о взяточничестве и коррупции в России, когда более 70 % опрошенных полагали, что «все чиновники в России берут взятки», что уровень взяточничества растет, а Россия навеки останется «взяточнической страной», тогда как опыт дачи взятки государственному чиновнику имели лишь 14 % респондентов. Подобное расхождение между опытом и представлениями людей, однако, не могут свидетельствовать о полной неадекватности стереотипа и, следовательно, имеет смысл говорить лишь о частичных искажениях, связанных с преуменьшением, преувеличением, упрощением, нарушением причинно следственных связей и т. д., нежели о неадекватности стереотипа в целом.

Расхождение мнений о природе стереотипа имеет место и относительно причин, порождающих стереотипы, факторов, поддерживающих их наличие в массовом сознании, а также длительность существования. Один полюс мнений описывает политический стереотип, как феномен быстро возникающий, но и быстро исчезающий под воздействием СМИ. Его устойчивость связана либо с защитной функцией, которую он выполняет в структуре личности (результат психических травм в психодинамических теориях или поддержание положительной самоидентичности в теории социальной идентичности Г. Тэджфела), либо с жесткостью мышления (в когнитивной психологии). Если стереотип не занимает прочного места в структуре личности индивида и не выполняет вышеперечисленных функций, то его изменение происходит довольно безболезненно, а динамика на уровне массового сознания вообще отличается большой скоростью.

Другой полюс мнений аккумулирует представления о стереотипах как относительно устойчивых, передаваемых от поколения к поколению константах, возникающих в результате развития политической культуры, существование которых поддерживается включенностью индивида в саму культуру. В таком случае причины возникновения политических стереотипов связаны с наличием сложившихся внутри культуры определенных институтов политической социализации, которые научают индивидов требуемым культурой стереотипным реакциям, а также системы политических институтов в целом, функционирование которых поддерживает сохранение стереотипов самим фактом своего существования, находя в них свое отражение. Неоднократно предпринимались попытки обнаружить в личности некую психическую инстанцию, ответственную за длительное сохранение определенных стереотипов, начиная от «архаического наследия» З. Фрейда, и заканчивая этническими константами С. Лурье специфическими образами, наполняющими мировоззренческую картину мира народа. Однако эти попытки в настоящее время признаны малоэффективными. Слабость этого направления связана с отсутствием описания механизма такой психической передачи образов и сведением его лишь к констатации факта существования многовековых традиций.

Одним из основных допущений данного исследования являлось то, что, вероятно, обе обозначенные разновидности стереотипов, долгосрочные и краткосрочные, вполне могут сосуществовать в массовом сознании. В этом случае, если политическая культура являет

собой механизм закрепления наиболее эффективных форм взаимодействия больших групп населения с политической реальностью, то возникающие на коротких отрезках времени политические стереотипы будут либо закрепляться на культурном уровне, приобретая большую устойчивость, либо постепенно исчезать. Оказавшись эффективными, такие краткосрочные политические стереотипы имеют возможность стать частью политической культуры. Однако изначально их возникновение связано не столько с функционированием политической культуры, сколько в большей степени соответствует опыту больших групп населения, их интересам, ожиданиям, потребностям и т. д. Одновременно возможно предположить, что наряду с быстро возникающими и быстро сменяемыми стереотипами первого вида, длительное закрепление которых зависит не только от психологических, но и от социально-экономических факторов, массовое сознание регламентируется и стереотипами второго вида, уже закрепившихся внутри политической культуры.

Исследования общественного мнения, проводимые различными центрами в России в 90-х годах XX века, показывают, что ряд стереотипов, возникших в российском массовом сознании на рубеже 1980-х и 1990-х годов и связанных с ориентацией на уменьшение роли государства в обществе, расширение контактов с Западом, рисующих образ Запада в более позитивных тонах, направленных на усвоение Россией определенных западных ценностей и на поддержку политики реформ, обнаруживает четкую зависимость от экономических и профессиональных интересов группы, уровня дохода, степени удовлетворенности своим материальным положением и адаптации к происходящим переменам. Возникновение в начале 1990-х годов таких групп населения способствовало относительно быстрому распространению либеральных стереотипов. Наиболее открытыми для усвоения таких стереотипов оказались группы населения, занятые в частном секторе экономики. Особый интерес представляет тенденция к формированию в профессиональной группе, связанной с частным сектором экономики, представлений об отсутствии у государства обязательств по социальной защите населения. Подобные представления еще не являются, конечно же, стереотипами. Однако сравнительное исследование различных политических культур мира, проведенное В.О. Рукавишниковым и др.⁰⁴¹ показывает, что уровень распространенности сходных стереотипов, закрепляющих отстраненность граждан от государства и отказ от патерналистских требований к нему, прямо зависят от доходов и материального положения определенных страт общества, а длительное сохранение таких стереотипов, вероятно, связано с устойчивостью социальной структуры западных обществ. Подобное сопоставление позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, многие стереотипы, во всяком случае, в период возникновения отражают экономические и профессиональные интересы и опыт различных социальных слоев, даже если впоследствии они начинают воспроизводиться автоматически посредством социализации. Во-вторых, что господство сходных «антипатерналистских» представлений именно в немногочисленных обеспеченных слоях российского общества (в то время как малообеспеченные группы, занятые в основном в государственном секторе продолжали демонстрировать патерналистскую установку, требуя от государства обеспечения прожиточного минимума, жилья, работы и т. д.), свидетельствует, что описываемые нами индивидуалистические представления состоятельных слоев вполне бы могли закрепиться в качестве стереотипов, если бы в России в течение 1990-х годов

сформировался достаточно устойчивый слой населения, чьи профессиональные и экономические интересы могли бы поддерживать существование такого отношения к государству.

Соответственно постепенное ухудшение материального благосостояния населения, а также проблемы существования частного сектора и связанных с ним профессиональных групп, обостренные кризисом 1998 года, находят выражение в постепенном уменьшении политических стереотипов, обеспечивающих поддержку либеральной идеологии, а также в росте числа стереотипов, идеализирующих советское прошлое, советскую политическую и экономическую системы, которым приписываются гуманизм, справедливость, близость к народу и т. д. Параллельно с этим обнаруживается тенденция к формированию крайне негативного образа современной власти (некомпетентной, коррумпированной и т. д.), которой противопоставляется советская власть (своя, близкая народу, заботящаяся о нем). Хотя количество стереотипов, идеализирующих советское прошлое и постулирующих необходимость возврата к состоянию общества до 1985 года, не могут быть четко увязаны с социально-экономической принадлежностью населения, тем не менее, полученные данные свидетельствуют, что такие стереотипы в большей степени распространены среди работников государственного или полугосударственного секторов, простых рабочих и служащих, реже среди руководителей, то есть опять-таки среди менее адаптированных групп, нуждающихся в патерналистской политике государства.

В электоральных процессах подобные перемены в распространенности стереотипов выражаются в том, что число сторонников партий, декларирующих либеральные ценности, уменьшилось с 1993 года по 1999 год почти в три раза. Суммарно в 1993 году российские либеральные партии получили около 36 % голосов, уровень недостижимый для них в последующие годы, поэтому, если выборы 1993 года и нельзя связать с победой либеральных стереотипов, то они не могут рассматриваться и в качестве их проигрыша. Кроме того, весьма показательно, что именно в этом году мало пользуется популярностью коммунистическая идеология, возрождение которой начинается значительно позже, в 1995 году, и сохраняется до настоящего времени. Особенно яркой чертой парламентских выборов 1993 года является, скорее всего, своеобразный бунт населения против существующих властных структур, выразившийся, в том числе, в достаточно низкой по сравнению с ожидаемой поддержкой «партии власти» ДВР, но не бунт против либерализма как такового. Парламентские выборы 1995 года продолжают тенденцию противостояния власти и народа, в сочетании на этот раз уже с активизацией просоветских стереотипов, приведших к успеху КПРФ.

Победа коммунистов на президентских выборах в 1996 году могла бы логически завершить сложившуюся политическую ситуацию, показать абсолютный возврат стереотипов советского периода и то, что либеральные стереотипы не нашли достаточного закрепления в культурной традиции России. Однако этого не происходит, напротив, выборы 1996 года знаменуют «примирение» народа и власти.

Естественен вопрос, что обусловило подобную перемену настроений россиян? Несмотря на частое объяснение этого казуса активной атакой со стороны продемократических СМИ, оно не является исчерпывающим. Подобная позиция связана со следующим рядом факторов:

1. Несмотря на масштабную пропаганду в поддержку Б. Ельцина, включавшую стереотипы о страшном коммунистическом прошлом, по данным ВЦИОМ, большая часть россиян была уверена, что приход к власти Г. Зюганова не повлечет существенных изменений во внешней и внутренней политике страны и не скажется на их жизни. Подобные данные снижают некоторый драматизм, часто приписываемый этому моменту, и несколько преуменьшают значение СМИ во всей этой коллизии.
2. В последующие годы, вернувшееся было негативное отношение к Б. Ельцину, фиксируемое многими опросами, тем не менее не мешало большинству россиян выражать высокий уровень доверия (вплоть до 60 %) каждому новому премьер-министру, воспринимавшемуся в качестве приемника президента. Это изначальное доверие, позволяло предположить наличие в российском массовом сознании своеобразной веры в то, что заведомо «прогнившая» власть окажется способной создать некий механизм (в данном случае, видимо, выдвинуть положительного приемника), способный урегулировать положение в стране.
3. Несмотря на то, что стереотипы приписывают современной власти крайне негативные формы, протестная политическая активность населения не только существенно не повышается, но и наоборот, опросы ВЦИОМ, еще до выборов 1999 2000 годов, неизменно фиксируют, представления людей, содержащие готовность поддерживать только тех лидеров, партию или политическое объединение, которые имеют поддержку властных структур или являются партией власти. По данным ВЦИОМ, электорат такой «партии власти» уже в 1998 году составлял 20 25 % населения страны, что заметно превышало поддержку «партий власти» в предшествующие годы и выглядело удивительно, учитывая негативный образ реальной на тот момент власти. Эта тенденция проявляет себя на парламентских выборах 1999 года, во-первых, в том, что уровень поддержки политических объединений (в данном случае) полностью коррелирует с уровнем ассоциации их с «партией власти». Во-вторых, в слабой поддержке, по сравнению, например, в случае с А. Лебедем в 1996 году, независимых от власти кандидатов.

Все вышеперечисленное, позволяет предположить, что примерно в 1996 1997 годах начинает укрепляться тенденция, возможно, присутствующая ранее в более скрытом виде, заметно отличающаяся от тенденций, обуславливающих процессы, происходившие в России до 1996 года, и, следовательно, содержащая качественно иной комплекс политических стереотипов. Отличительной чертой этой тенденции является то, что связанные с ней политические стереотипы, практически не зависят от социально-экономических интересов и групп. Во всяком случае, опросы общественного мнения по общероссийской выборке не позволяют сколько-либо существенно их увязать с социально-экономической, профессиональной и т. п. стратификацией общества.

В контексте данного исследования подобные стереотипы обозначаются, как стереотипы параллельного существования власти и народа. С одной стороны, такие стереотипы фиксируют тот факт, что власть не способна влиять на их жизнь (например, в 1999 году большинство респондентов не понимало, как результаты парламентских выборов могут

сказаться на их жизни). С другой стороны, большинство россиян не считает право человека влиять и контролировать власть чем-то естественным и необходимым. Подобный комплекс стереотипов включает также стереотипы, крайне негативно описывающие процесс выборов и институт многопартийности, которые воспринимаются как ненужные, а подчас и вредные элементы современной политической системы; стереотипы, негативно описывающие политику как сферу деятельности, и политика как человека в этой сфере функционирующего.

В данном случае, необходимо подчеркнуть, что наличие таких политических стереотипов связано не только с разочарованием россиян в конкретных политических деятелях и методах проведения выборов. Иначе этой форме политического участия были бы противопоставлены другие: забастовки, митинги и т. д., уровень которых в России, как уже упоминалось выше, в настоящий момент крайне низок. Наличие подобных стереотипов обусловлено скорее политической традицией, отсутствием навыка связывать свою жизнь с политическими событиями в стране и понимания необходимости контролировать власть.

Кроме того, политические стереотипы, сопровождающие этот комплекс, содержат идеи о самодостаточности власти и об отсутствии обязанностей со стороны ее носителей заботиться или нести ответственность перед народом, который их делегировал. Хотя подобные стереотипы, естественно, не декларируются, а зачастую не осознаются, тем не менее, их можно реконструировать. Образы двух российских президентов, существующие в российском массовом сознании, практически полностью исключают наличие у них таких качеств, как «готовность защищать интересы простых людей», «уважительное отношение к простым людям», «бескорыстие» и т. д., что, однако не мешало поддержке их на президентских выборах 1996 и 2000 годов.

Подобные стереотипы реконструируются и из анализа представлений электоратов движения «Единство», очевидной «партии власти», и ОВР, воспринимавшегося как партия власти его сторонниками. Поддержка этих политических объединений слабо мотивирована идеей, что они будут защищать интересы людей, за них проголосовавших, или обеспечат стране «нормальную, достойную жизнь». Сходная тенденция присутствует и среди электоратов других партий, хотя и в меньшей степени. Подобные данные свидетельствуют о наличии в российском массовом сознании политических стереотипов, обеспечивающих возможность поддержки правящей власти без выдвижения требования о защите ею интересов людей, ее избравших, стереотипов, которые фактически предполагают отсутствие особой необходимости в установлении между властными структурами и народом отношений «контроля и ответственности».

Суммируя все выше сказанное, можно предположить, что на протяжении 90-х годов XX века в России параллельно сосуществовали две линии развития стереотипов. Первая линия была связана с формированием новых стереотипов (либеральных), вызванных к жизни вначале СМИ и укоренившихся в тех группах населения, в которых они соответствовали их профессиональным, экономическим и т. д. интересам. Эта тенденция была направлена на преодоление политической традиции, что, однако не увенчалось успехом. Постепенно эта линия развития стереотипов сходит на нет, в связи с уменьшением доли групп, способных выступить в качестве ее носителей.

Вторая линия развития стереотипов особенно явно проявляется после 1996 года и связана с представлениями о «параллельном сосуществовании власти и народа». Эта линия в большей степени связана с воспроизводством некоторой политической традиции России, некоторого механизма культуры, о чем говорилось раньше, который воспроизводится в результате разочарования населения в демократических ценностях, ассоциируемых с властью Б. Ельцина и заставляет население прибегать к тем способам выживания, которые ранее доказали свою эффективность и были культурно закреплены. Остается открытым вопрос о природе политической традиции, связанной с вышеописанными стереотипами, точнее о том, в каком историческом периоде времени следует локализовать ее возникновение. Ответить на него можно только гипотетически. Внешние признаки позволяют увязать эту традицию с советским периодом (негативные стереотипы о многопартийности, отсутствие навыка политического участия и т. д.). Однако весьма показательно, что она начинает воспроизводиться не в среде коммунистического электората и, следовательно, содержит, так называемый, антикоммунистический стереотип. Поэтому, гипотетически, истоки ее значительно глубже, а с советским периодом эта традиция имеет связь в той степени, в какой она проявлялась и в этот период. В настоящий момент, правда, приходится воздержаться от однозначной оценки природы этой традиции и связанных с ней политических стереотипов, так как для этого требуются более детальные исследования в области менталитета народа, политической культуры россиян и т. д., которые позволили бы судить о причинах возникновения подобной традиции и о факторах, обеспечивших ее сохранение на протяжении длительного периода времени.

Однако уже и сейчас можно сделать вывод о существенном воздействии политических стереотипов на электоральное поведение россиян, воздействию, связанном с существованием в массовом сознании как краткосрочных, так долгосрочных вариантов этих психологических феноменов. Такое воздействие не может рассматриваться как однозначно негативное, заставляющее россиян воспроизводить только устаревшие, схематизированные клише и модели отношения к политической реальности, коль скоро сами политические стереотипы на поверку обладают определенной динамикой, особенно, в той части, которая связана с экономическими и профессиональными интересами населения. Вместе с тем нельзя и отрицать того, что стереотипы обеспечивают сохранение определенного коллективного опыта населения, воспроизводя как представления советских, так, возможно, и досоветских времен. Одновременно едва ли имеет смысл рассматривать политические стереотипы как самодостаточные механизмы массового сознания, подкрепляющие старый и закрепляющие новый опыт населения, не обращая внимания на развитие в России политического и других процессов. Сокращение групп населения, способных выступать в качестве носителей новых либеральных стереотипов, или возобладание факторов, мешающих населению доверять политическим партиям, лидерам и отдельным институтам, в немалой степени обуславливали политические стереотипы россиян, так же как те, в свою очередь, влияли на развитие политического процесса. В этой связи можно говорить о многоуровневой зависимости между объективно существующими политическими факторами, событиями и явлениями и их отражением и закреплением в политических стереотипах, о взаимном влиянии объективных и субъективных измерений политики. Существование политических стереотипов прекрасно иллюстрирует, насколько субъективно-психологическая реальность обеспечивает

сохранность и функционирование объективной реальности в политике, будучи, с одной стороны, сама производной от нее, с другой стороны, производной от объективной реальности прошлого, которая закрепляется в стереотипах и продолжает оказывать влияние на современный политический процесс уже на уровне распространенных субъективных представлений.

Шелекасова Н.П.

Проблемы исследования неосознаваемых аспектов политических коммуникаций

(Опыт избирательных кампаний регионального уровня)

Психологические факторы, определяющие характер политических коммуникаций, все больше переводят фокус внимания исследователей в сферу неосознаваемого. Предваряя изложение наблюдений, сделанных в процессе проведения электоральных исследований в период избирательной кампании в Московскую областную Думу в декабре 2001 года, хотелось бы отметить, что отсутствие системного финансирования крупных исследовательских проектов, посвященных проблематике неосознаваемых аспектов политической коммуникации, вынуждает специалистов реализовывать научные интересы в рамках тех или иных коммерческих проектов. При этом к результатам политико-психологических исследований политические лидеры и их консультанты в области политического PR проявляют неподдельный интерес, используя предвыборные «психотехнологии» как невидимое оружие борьбы за голоса избирателей. Между тем исследования, проводимые в режиме реальной избирательной кампании, не отличаются необходимой научной строгостью, так как их цели и задачи могут существенно корректироваться в изменчивых условиях предвыборной гонки. Однако при всех очевидных недостатках в такой исследовательской ситуации есть и некоторые достоинства, а именно, неограниченное пространство для творчества и возможность непосредственно проверять исследовательские гипотезы на практике. Надо сказать, что исследованиям неосознаваемых аспектов политических коммуникаций сопутствуют и другие трудности — трудности, связанные со сложной и малоизученной природой бессознательного, а также с отсутствием общепринятых методов оценки и интерпретации психологических феноменов. И, несмотря на это, ряду специалистов в этой области удалось достичь серьезных и значимых

результатов.⁰⁴²

На сегодняшний день изучение политической коммуникации с точки зрения существующих психологических оснований, как в индивидуально-личностной сфере политического деятеля, так и в массовых электоральных процессах, представляется достаточно интересным и перспективным. Вместе с тем, исследование образов власти в контексте коммуникации субъектов политического процесса (политических деятелей, элит и представителей государственной власти, СМИ и электората) является сложной, но одновременно необходимой политико-психологической задачей.⁰⁴³ Формирование образов лидерства в общественном сознании происходит в ходе перекрестного взаимовлияния различных политических акторов. Так, освещение политических событий средствами массовой информации воздействует на мнение широкой общественности, элит и чиновников. Последние в свою очередь являются источником информации для прессы и таким образом оказывают опосредованное влияние на процессы, происходящие на электоральном поле. Несомненно, важным является то, что в число ключевых факторов создания политического образа входят и общие электоральные ожидания, и прежние политические и экономические достижения, приписываемые лидеру, и внешние события, составляющие специфический контекст политической ситуации, и наличные политические ресурсы, оцениваемые по-разному экспертами и простыми избирателями.

Однако нужно отметить, что изучение политических образов не может быть исчерпывающим и результативным, если оно затрагивает только поверхностный слой осознаваемых представлений о власти. Рациональные оценки качеств политических деятелей, а также специфики политического взаимодействия или избирательной ситуации вне зависимости от содержания и декларируемого в них отношения, все же не дают возможности надежно прогнозировать развитие политической ситуации. Избирательная кампания — очень емкое политическое событие, в период которого предельно интенсивно разворачивается практически весь спектр возможных политических коммуникаций. Это коммуникации кандидата с действующей исполнительной и законодательной властью всех уровней, с оппозицией, с федеральными и региональными СМИ, с собственной командой, с избирателями, в дружественных, нейтральных и враждебных аудиториях, в параллельных или перекрестных взаимодействиях, непосредственно или опосредованно, при формальном или неформальном контакте, вербально и невербально, и, наконец, осознанно или не осознанно.

При этом практика показывает, что неосознаваемое взаимовлияние участников политической коммуникации является очень важным фактором, детерминирующим как политическое восприятие, так и политическое поведение и в элитах, и на электоральном поле. От владения и эффективного использования информации, которая остается за пределами сознания, во многом зависит функциональность и успешность политического деятеля на выборах.

Рассматривая региональный и местный уровни избирательных кампаний необходимо отметить, что одним из существенных их отличий от кампаний федерального уровня является значительно более частое появление совершенно новых и неизвестных широкой общественности претендентов на власть, у которых к официальному старту избирательной

кампании рейтинг известности в лучшем случае составляет 5-7 %, даже при условии предварительной раскрутки в СМИ. С учетом социологической погрешности такие показатели являются слабо информативными и не дающими оснований для серьезных выводов и прогнозов. Происходит это потому, что вне контекста избирательной ситуации респонденты пропускают подавляющее количество информации относительно возможных кандидатов. А в ситуации нулевой узнаваемости рациональные оценки респондентов перестают быть сколько-нибудь значимыми. И здесь чрезвычайно полезными для исследователя оказываются методы сбора информации, апеллирующие к неосознаваемому уровню восприятия образа политического лидера.

В качестве примера можно привести ассоциативные методы в работе с визуальными (фотография, плакат, видеозапись) или аудиальными (звучание фамилии, речь) образами политического лидера, которые позволяют получить важные с точки зрения разработки и коррекции стратегии позиционирования политического имиджа результаты. В зависимости от индивидуальных психологических особенностей воспринимающих субъектов визуальные и аудиальные образы могут дополняться кинестетическими или обонятельными образами, а также рациональной информацией. Другим примером может послужить метод фоносемантического анализа А.П. Журавлева, используемый в психолингвистической экспертной системе ВААЛ.⁰⁴⁴ Этот метод позволяет выявить соответствие между значением слова и его звуковой формой, а также определить эмоциональное воздействие определенного сочетания звуков на перцепиента. Фоносемантический анализ дает возможность тестировать образы, возникающие у избирателей при восприятии политических слоганов, имен и фамилий политических лидеров, а также, при прочих равных, выявлять дополнительные возможности по усилению образа кандидата или его конкурентов.

Еще одним интересным примером политико-психологического исследования неосознаваемых феноменов является проведенное в 1999 г. американскими специалистами (Keating, Randall & Kendrick) изучение физиогномических образов президентов Клинтона, Рейгана и Кеннеди.⁰⁴⁵ Оно продемонстрировало наличие зависимости оценок респондентов относительно личностных и профессиональных качеств этих политических лидеров от тончайших и потому неосознаваемых изменений в физиогномике оцифрованных лицевых образов. Эти изменения производились в соответствии со специально разработанной экспериментальной методикой. Результаты исследования свидетельствуют о том, что неосознаваемые изменения в непосредственно воспринимаемых физиогномических чертах изменяют восприятие хорошо известных политических деятелей, несмотря на их устоявшиеся персональные репутации и независимо от политических предпочтений воспринимающих. Данные феномены глубинной человеческой чувствительности лежат за порогом осознания и своими корнями ведут, по всей видимости, к древнейшим формам коммуникации, основанным на жизни в тесном контакте и подчиненным жестким требованиям естественного отбора.

Это лишний раз подтверждает тот факт, что избиратели в целом имеют достаточно точные внутренние психологические критерии, которые позволяют им давать оценки образа политического лидера, соотносимые с оценками экспертов, даже если эти оценки основаны

не на рациональных суждениях, а на эмоциональных впечатлениях. Объяснение таких политико-психологических феноменов является важной задачей политической психологии как междисциплинарной области знания. Существующие гипотезы о наличии общего для всех людей семантического пространства, в котором информация передается не рациональным путем, а посредством образов, которые задействуют более глубокие эмоциональные слои бессознательного, включая механизмы интуитивного познания, пока еще далеки от строгого научного обоснования. Однако уже сейчас в практических исследованиях образов власти продуктивным оказывается использование методов и накопленного опыта в области изучения мифологических образов, образов культуры и языка.

Политическая коммуникация представляет собой сложный многоуровневый процесс взаимодействия и взаимовлияния разных политических сил и интересов с целью обмена информацией и лишь с частичным осознанием глубинных мотивов действия основных политических фигурантов. Большая часть коммуникативного процесса, в рамках которого происходит трансформация образа политического лидера остается за кадром, если не ставятся и не решаются специальные исследовательские задачи. Поэтому использование методов, позволяющих провести анализ неосознаваемых аспектов образа политического лидера в избирательной кампании является эффективным инструментом политического прогноза, при помощи которого можно отследить скрытые тенденции и смоделировать развитие предвыборной ситуации. Особенно важным это оказывается если учитывать тот факт, что в процессе циркуляции политической информации по системе вертикальных и горизонтальных связей, по официальным и неофициальным каналам возникает множество реальных и потенциальных возможностей для ее преобразования и искажения на сознательном и на бессознательном уровнях.

Так в электоральных исследованиях, проведенных автором в период региональной избирательной кампании 2001 г. при помощи фокусированных интервью с использованием фотографических образов кандидата и его основных конкурентов, удалось выявить неосознаваемые аспекты их восприятия избирателями, которые существенно облегчили разработку базовой имиджевой концепции и скорректировали стратегию конкурентного позиционирования кандидата.⁰⁴⁶ Результаты исследования позволили не только заранее определить основного конкурента, но и высветить его сильные и слабые с точки зрения электоральной привлекательности стороны, понять потенциальные возможности, направления и ограничения в развитии образа, принять меры по их нейтрализации.

В дополнение также надо сказать, что использование подобных методов предоставляет большие возможности по исследованию специфики контекста политической ситуации, в которой происходит электоральный выбор. Социальный и политико-психологический контекст предвыборной ситуации является важным фактором, влияющим на восприятие образов политических лидеров. В этой связи представляется уместным привести некоторые наблюдения, сделанные в процессе исследуемой избирательной кампании.

Во-первых, степень осознанности социально-экономических проблем у респондентов в среднем значительно превышает осознание существующих политических проблем. И, если социально-экономическая проблематика идентифицируется респондентами достаточно

четко, варьируясь в основном по степени остроты восприятия этих проблем, то представления о политической жизни оказываются более абстрактными, схематичными, стереотипными и противоречивыми.

Во-вторых, политические представления могут быть более или менее ангажированными, однако, в целом у респондентов на сегодняшний день преобладают депрессивные настроения, подавленность, апатия, тотальное неверие и отсутствие интереса к политической жизни. Интересным оказывается то, что на пониженном эмоциональном фоне действующие политики не могут вызвать в отношении себя ни активной поддержки, ни сильного раздражения или протеста. Эмоциональной основой отношения населения к политическим деятелям, представителям политических партий и движений является безразличие. В большинстве своем респонденты предпочитают занимать позицию невмешательства, сохраняя нейтралитет, в лучшем случае, склоняясь к «консервативной» политике пропрезидентских партий. Общим мнением является то, что депутаты регионального уровня должны, прежде всего, принадлежать народу, а не партиям, и отстаивать его интересы.

В-третьих, несмотря на то, что большинство респондентов декларирует отсутствие интереса к политике, при более внимательном рассмотрении справедливым это оказывается только в отношении сфер, где требуется гражданская позиция, политическая активность, ответственность и приложение усилий. Неизбежно возникающий информационный вакуум успешно компенсируется посредством использования неформальных коммуникативных средств (сплетен, слухов), являющихся для респондентов популярным и хорошо отработанным механизмом получения объема информации, необходимого как для принятия ситуативных решений, так и для формирования достаточно устойчивых убеждений.

В-четвертых, одной из особенностей жизни в пригородах Москвы является слабая насыщенность событийного ряда, обыденность существования. Около половины активного и трудоспособного населения работает в столице, реализуя там свои интересы. Основные политические события, запомнившиеся людям за последние годы: выборы Президента РФ и террористические акты в США. Выборы в Государственную Думу РФ 1999 г. помнятся уже плохо, и, несмотря на беспрецедентную войну компроматов, развязанную в тот период времени в средствах массовой информации, респонденты зачастую не могут вспомнить основных политических фигурантов или партию, за которую они голосовали. В отношении лидеров регионального уровня – Губернатора Московской области, депутатов Московской областной Думы – обозначилась тенденция общего положительно-нейтрального восприятия при практически полном отсутствии конкретной информации. Местный уровень власти воспринимается более осмысленно: оценки проводимой ею политики поляризуются, появляются активные сторонники и противники. Органам представительной власти население доверяет значительно меньше, чем исполнительной. О функциях и предназначении депутатов респонденты имеют очень ограниченные представления. Тем не менее, идеальный образ представительной власти рисуется респондентами достаточно четко, подробно и согласованно. По нашим данным в среднем это: мужчина 40-45 лет, с высшим техническим, экономическим или юридическим образованием, местный житель, хорошо обеспеченный, без определенной партийной принадлежности, в крайнем случае, стоящий на позициях политического централизма, авторитетный, семейный.

В-пятых, в процессе исследований выявлены некоторые особенности восприятия, мышления и поведенческих реакций населения, которые зависят от тех доминант в отношении власти, которые существуют в общественном сознании. В качестве примера можно привести несколько наиболее распространенных доминант, таких как «свой лучше чужака», «добрый царь, плохие слуги», «надо всех менять», «новое лицо», «засаленная колода карт», «мы ничего не решаем», «шайка бандитов и воров», «рыба тухнет с головы», «сытый голодного не разумеет». Эти доминанты представляют собой модели политического поведения, и обычно они связаны с половозрастными, статусными и территориальными характеристиками людей.

Составляя политико-психологический профиль различных электоральных групп, старшую возрастную группу можно охарактеризовать как носителей общественного стереотипа. Этим людей отличает высокая степень подчас абсурдной убежденности в правоте принимаемых решений, когнитивная простота и эмоциональность восприятия, выраженность чувства обиды на невнимание со стороны власти, реваншистские настроения. Отсутствие занятости, неостребованность обществом и более высокий уровень социальной ответственности позволяют пенсионерам накапливать значительные эмоциональные ресурсы и агрессию. Избиратели среднего возраста менее категоричны в своих оценках, настроены на сотрудничество и проявляют больше заинтересованности при обсуждении вариантов. Для них характерны более взвешенные оценки, гибкая позиция, склонность к анализу. Эту категорию населения волнует реальная способность кандидата экономически и политически изменить ситуацию в районе. Здесь присутствует большая ориентированность на конкретику, осязаемую с точки зрения их собственного кошелька. Молодежная среда, чувствуя себя относительно благополучно и, надеясь на свои силы в достижении поставленных целей, более оптимистично воспринимает будущее. Среди молодежи сильно развиты индивидуалистические настроения, склонность строить жизнь по западному образцу, выражена мотивация достижения. Молодые люди имеют более или менее развернутое мнение по вопросам политической и социально-экономической жизни района, декларируя при этом свою абсолютную аполитичность. Их отличает социальная мобильность, динамика, острое восприятие проблем и быстрая реакция. Но на выборы молодежь не приходит, даже при проведении специальных целевых акций. Стабильно и сознательно участвуют в голосовании старшая и большая часть средней возрастной группы населения.

Надо сказать, что лидеры мнений существуют как среди женщин, так и среди мужчин. Однако женщины отличаются меньшей терпимостью и более склонны превращать обсуждение болевых вопросов в склоку с выбросом негативных эмоций. При этом женщины более консервативны и догматичны в своих суждениях, глубоко и лично воспринимают обиды. Их труднее переубедить логическими аргументами, но проще воздействовать на эмоциональную составляющую механизма принятия решений. В отличие от мужчин, женщины в большей степени подвержены действию иллюзорного восприятия. Внешние и поверхностные параметры ситуации, такие как привлекательность, мужественность и обходительность политического лидера, могут оказать на них серьезное влияние. Мужчин же отличает некоторая «заикленность» на своих проблемах и большая замкнутость. Для них предпочтительна логическая аргументация, однако стереотипность мышления зачастую не позволяет им отличить логику от псевдологики, часто применяющуюся в системах

убеждения. Поэтому в большинстве своем они, также как и женщины, реагируют на формальные признаки или руководствуются в оценках устоявшимися взглядами.

Очевидно, что данные политико-психологические особенности, выявленные в процессе исследования электоральной ситуации, в совокупности создали специфический контекст восприятия образа политического лидера респондентами, и, в конечном счете, послужили основой для формирования такой мотивации к выбору, которую невозможно было бы предсказать, опираясь лишь на логику рациональности.

Реалии политических коммуникаций, особенно в рамках избирательных кампаний, как показывает опыт, представляют собой манифестацию бессознательных психологических процессов, действующих в недрах индивидуальной и коллективной психики. Эти процессы детерминируют электоральную ситуацию в пределах совпадающих по своей структуре доминирующих комплексов политического деятеля и поддерживающего его электората. В этой связи оказывается далеко небесполезным исследование неосознаваемых аспектов мотивации к участию в выборах, как со стороны политического лидера, так и со стороны электората. Так, например, отсутствие внутренней мотивации, слабая или неадекватная мотивация кандидата способны полностью разрушить или очень существенно исказить ход избирательной кампании, что незамедлительно скажется на качественных результатах выборов. Поэтому, с одной стороны, чтобы победить в избирательной кампании, согласно высказыванию известного французского специалиста в области политических коммуникаций Ж. Сегелы, «достаточно выбрать того кандидата, который победит»⁰⁴⁷, то есть кандидата, имеющего сильную и адекватную мотивацию к победе. А, с другой стороны, нужно уловить тончайшие эмоциональные нюансы электоральной психики, настроиться на ее волну, чтобы при благоприятном развитии ситуации кандидат оказался на ее гребне.

Позволю себе высказать предположение о том, что политический субъект, кандидат осуществляет запуск коммуникативного процесса в политико-психологическом пространстве своей психологической динамикой. В процессе политической коммуникации психологическая интенциональность политического лидера проецируется на электоральную ситуацию, формируя как внешние, так и содержательные ее параметры. Электоральное поле реагирует на эту динамику и трансформируется согласно образу ее действия. Поэтому первой причиной систематических коммуникативных ошибок, проникающих как вирус в информационную систему, является, прежде всего, сам политический лидер, особенности его глубинных психологических характеристик. В примерах как положительного, так и крайне негативного воздействия психологии кандидата на результат избирательной кампании недостатка нет.

Подводя итог, необходимо сказать, что в исследовании неосознаваемых аспектов политических коммуникаций важным представляется, во-первых, изучение психологических особенностей политического деятеля, и, прежде всего, его мотивационного статуса. Во-вторых, изучение глубинных электоральных ожиданий и особенностей восприятия избирателями конкретного политического лидера. И, в-третьих, сопоставительный анализ полученных данных. Результаты подобных исследований позволяют анализировать внутреннюю структуру и бессознательные причины политических коммуникаций, и, что

особенно значимо, эти результаты позволяют довольно эффективно прогнозировать развитие политического взаимодействия и исход политической ситуации в целом.

РАЗДЕЛ 2

ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТИ

Малинова О.Ю.

Программы как средство самопрезентации политических партий

(на примере «Единства» и «Отечества»)

Те, кому приходилось заниматься анализом программно-идеологических материалов, знают, как непросто бывает вычлениить из формализованных текстов, изобилующих штампами и банальностями, «изюминки», которые определяют лицо той или иной партии. С одной стороны, российские политики неплохо освоили демократический «хороший тон» и не устают твердить о своей приверженности правам человека, социальной справедливости, патриотизму и прочим респектабельным ценностям. «Основной набор» таких ценностей можно обнаружить в любой программе, различия касаются лишь нюансов, связанных с их интерпретацией. Неизменность этого набора бросается в глаза даже когда речь идет о программах партий, находящихся на разных флангах политического спектра. Что уж говорить о «соседях» по спектру: анализ их программных текстов напоминает задание из детского комикса («найдите 10 отличий»). В конечном счете, приходится констатировать, что наши партии действуют на давно возделанном идейном пространстве и в основном

повторяют с теми или иными вариациями хорошо известные комплексы идей.

С другой стороны, для многих партий разработка программы представляется рутинной задачей, ибо электоральный успех связывается с усилиями не столько идеологов, сколько политтехнологов. Не секрет, что тонкое и деликатное дело написания партийных программ нередко поручается специалистам, работающим «на заказ»: соответствующие документы в российском контексте воспринимаются скорее как неизбежный антураж, нежели как необходимый атрибут и результат коллективных творческих усилий. В результате принимаемые на съездах тексты получают серыми и безликими — ведь важен сам факт их наличия. Разумеется, такое отношение к программе — следствие не только небрежности или невежества партийных штабов, но главным образом — вполне объективных обстоятельств. У российских партий очень мало шансов реализовать свои программы (фактически, только в стенах Думы, где «творчество» является результатом межфракционной борьбы или торга). Таким образом, в нашем контексте программы почти не работают в своем основном и непосредственном качестве — как программы будущей деятельности. Что касается коммуникативной функции — по-видимому, в условиях доминирования аудиовизуальных СМИ программы являются не самым эффективным средством политической коммуникации. Работа с ними — дело кропотливое и неблагодарное, а успех на выборах, как показывает опыт, возможен и в отсутствие внятной программы. Вместе с тем, если программы и могут иметь какое-то практическое значение, то именно в качестве «идеологий», задающих ориентиры для той рдеющей части электората, которая склонна к «перцептивной» модели выбора⁰⁴⁸.

Вместе с тем, у программ остается и еще одна важная функция: несмотря на формальный характер и кажущуюся «факультативность», они остаются *главным средством идейной самоидентификации и самопрезентации* партий. В конечном счете, именно эти тексты выходят из-под пера программных комитетов и комиссий, и именно за них голосуют на съездах. Даже если принятые таким образом программы отнюдь не блещут теоретическими инновациями — все равно именно их наши политические объединения рассматривают в качестве своих официальных «визитных карточек», именно они, с точки зрения, по крайней мере, лидеров и функционеров партии, призваны дать ответы на вопрос: «Кто мы и чего хотим». И в этом смысле их изучение сохраняет актуальность. Однако традиционные приемы изучения текстов, ориентированные на анализ содержания, видимо, окажутся не слишком продуктивными для работы с партийными программами в данном их качестве, ибо здесь зачастую важнее не то, *что* содержится в программе, а то, *как* это подается. Иными словами, идеология партии может рассматриваться не только как совокупность целей и задач, вытекающих из некой системы ценностей и принципов (каковой она является по форме), но и как схема самопрезентации, призванная позиционировать данное объединение по отношению к другим политическим акторам и обеспечить его потенциальных сторонников маркерами, облегчающими их идентификацию (что более точно отражает ее основную функцию). Иными словами, официальные документы (равно как и выступления партийных лидеров и идеологов) могут быть прочитаны как тексты, которые не только сообщают о целях и задачах политической организации, но и несут прямую и косвенную информацию о различных качествах и характеристиках, присущих «нам» (лидерам, членам, сторонникам партии) и «им» (ее противникам и даже врагам). При этом зашифрованная между строк информация о

том, «какие мы» и «какие они» психологически может быть даже более значима для индивидуальной самоидентификации, чем формально декларируемые цели и задачи.

Следует заметить, что существуют вполне убедительные основания для такого прочтения идеологических текстов. Способность идеологии служить средством самоидентификации и интеграции политической группы обычно рассматривается в качестве одной из ее основных функций⁰⁴⁹. Причем нередко содержание той или иной идеологии анализируется именно сквозь призму данной функции. В частности, такой подход был предложен нидерландским исследователем Т.А. ван Дайком, который, операционализируя понятие идеологии для нужд дискурс-анализа, определяет его как сумму фундаментальных убеждений, составляющих основу социальной репрезентации групп. Ван Дайк рассматривает задачу самоидентификации и интеграции группы в качестве определяющей функции идеологии и считает, что структура последней должна следовать более или менее фиксированным линиям базовых категорий, отражающих идентичность группы. Таким образом, он предлагает рассматривать идеологию как своего рода схему самоопределения группы, в которой отражается информация о критериях членства в ней, целях, нормах и ценностях группы, ее ресурсах, отношении к «другим» и др. Понимаемая таким образом идеология обнаруживает себя в самых различных текстах (не только тех, которые мы привыкли считать «идеологическими»). Общая стратегия вычленения идеологий связана с поиском речевых структур, осуществляющих главную стратегию идеологических дискурсов, выраженную правилом: «Говори (подчеркивай) хорошее о нас – говори (подчеркивай) плохое о них»⁰⁵⁰. Представляется, что самопрезентация по принципу противопоставления «мы» и «они» действительно является важным аспектом любой идеологии (хотя, разумеется, было бы неправильно сводить все содержание последней лишь к одному этому аспекту).

Нам показалось интересным проанализировать с точки зрения общей стратегии идеологического анализа, предложенной ван Дайком, программы бывших оппонентов, а ныне уже состоявшихся союзников «Единства» и «Отечества». На первый взгляд, объединение этих политических организаций – блестящее доказательство того, сколь несущественную роль идеология играет для многих из российских партий: ведь речь шла о союзе вчерашних не только политических соперников, но и казалось бы идеологических противников. Как известно, лидеры «Единства», поначалу обходившегося без «идейной родословной», сделали, в конце концов, крен в сторону консерватизма и в принятой в октябре 2000 г. программе определили свою организацию как «партию либеральных консерваторов»⁰⁵¹. Вместе с тем, их коллеги из «Отечества», которые вели поиски «на перекрестье идеологий», полагая, что «в современном мире нет такой «готовой» идеологии, которую можно было бы заимствовать, рассчитывая, что она сразу же укоренится в сегодняшней России»⁰⁵², проявляли явную симпатию к идеалам социал-демократии. Что, возможно, более существенно – при рождении обе политические организации, игравшие на одном электоральном поле, приложили немалые усилия, чтобы позиционировать себя относительно друг друга (что побуждало их придавать трудноуловимым различиям принципиальный характер). Тем не менее, идеологические размежевания, как и следовало ожидать, не оказались фатальными для объединения двух партий. Представляется, что дело

здесь не только в стимулах политической воли, и не в полном пренебрежении к идеологии (напротив, «Отечество» уделяло этому аспекту весьма серьезное внимание и располагает достаточно квалифицированными кадрами для такой работы). Как мы попытаемся показать, между психологическими моделями самопрезентации, представленными в программах «Отечества» и «Единства»⁰⁵³, есть немало общего.

Методика исследования предполагала выделение фрагментов текстов программ, содержащих прямую или косвенную информацию о различного рода характеристиках тех, кто включается в понятия «мы» и «они», и вычленение смыслового значения этих фрагментов. Например, фраза *«в условиях паралича политической воли, способной переломить неблагоприятные обстоятельства, мы готовы взять на себя ответственность за будущее страны»* (программа «Отечества») акцентирует «их» отрицательные качества (отсутствие воли, безответственность) и «наши» положительные (решительность, готовность принять на себя ответственность). Тезис: *«Мы тоже помним наше прошлое и думаем о завтрашнем дне. Но все мы живем настоящим. И знаем, что именно здесь и сейчас нужно обустроить жизнь страны и собственную судьбу»* (программа «Единства»), повествует о целом букете «наших» достоинств и «их» недостатков («мы» мудрые прагматики, при этом не хуже «них» (коммунистов?) помним прошлое и не меньше «них» (всех оппонентов, вместе взятых?) думаем о будущем; таким образом, в «нас» соединено куда больше достоинств, чем в них). Разумеется, квалификация качеств дело достаточно субъективное, ибо в одной и той же фразе иногда зашифровано сразу несколько разных качеств. Таким образом, анализ текста требует его многократного тщательного прочтения, с выделением основных характеристик «нас» и «их», и некоторой унификации этих характеристик (что необходимо для последующего сравнения). Настоящее исследование не является «строгим», поскольку основано на оценке одного эксперта. На основе вычлененных смысловых значений выстраивались «карты самопрезентации», на которых прорисовывались характеристики «нас» и «их» (с учетом частоты их упоминания и доли соответствующих фрагментов в общем объеме текста). Полученные «карты самопрезентации» «Единства» и «Отечества» представлены на рис. 1 и 2. Чем больше точка, обозначающая то или иное качество, удалена от флажка нулевой отметки, тем интенсивнее соответствующая программа акцентирует данное качество.

Как выяснилось, «карты самопрезентации» «Единства» и «Отечества» имеют между собой много общего. И в том и в другом случае в «нас» ценятся такие качества, как реализм, прагматизм, отсутствие доктринерства, готовность к разумному компромиссу, сила, уверенность, ответственность, мудрость, профессионализм. Обе программы считают недостатком оппонентов догматизм, словоблудие, неумение снять идеологические шоры, пустую оппозиционность, неумение взглянуть на вещи непредвзято, отсутствие ответственности.

Таким образом, сходство налицо. Но есть и заметные различия. В частности, как видно из общей конфигурации двух карт, «Отечество» довольно резко позиционирует себя по отношению к «ним»: его программа содержит гораздо больше фрагментов, в которых самопрезентация осуществляется путем прямого противопоставления. В карте самопрезентации «Единства» «они» играют более периферийную роль. Главное негативное

качество противников, подчеркиваемое идеологами «Отечества» некомпетентность и неготовность решать стоящие перед страной трудные проблемы. Одновременно наиболее акцентируемое положительное качество сторонников компетентность и профессионализм. В принципе, эти качества подчеркивает любая партийная программа (ведь ее назначение показать, как партия собирается решать проблемы). Однако идеологи «Отечества» делают особый упор на интеллектуальный и волевой потенциал своей организации, активно используя для формулировки партийных задач фразы, в которых непосредственно присутствует субъект, обозначаемый подлежащим «мы»: *«Мы полагаем, что в нынешней кризисной ситуации реформирование государства является тем звеном, потянув за которое мы вытащим Россию из поразившего ее системного кризиса»*. Тем самым формулировка партийных задач приобретает остроту противопоставления (присутствие «мы» подразумевает наличие «их», которые не понимают важности этой задачи). Та же фраза, сформулированная бессубъектным образом, лишь декларировала бы наличие задачи и готовность партии ее решать, свидетельствуя об ее «мудрости», но ничего не говоря об ее отличиях от «других». При этом авторы программы «Отечества» вполне прозрачно называют своими главными антагонистами «отцов шоковой терапии».

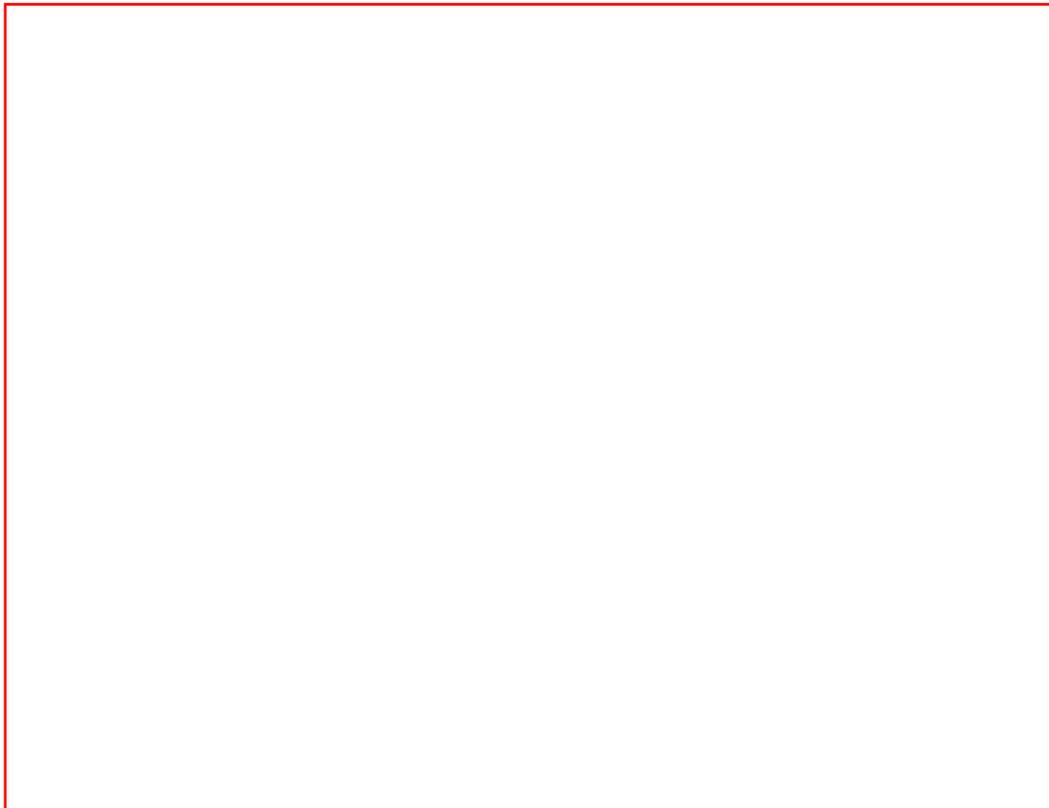
В отличие от них, идеологи «Единства» предпочитают конструкции, лишь косвенно намекающие на существование «их» *«Лозунг социальной справедливости не означает требования революционного передела собственности. Наша цель добиваться равенства не в бедности, а в богатстве»*. Мы можем только догадываться, что есть «они», которые думают по-другому на эту мысль наталкивает разделительная конструкция «не в.., а в!»». Нужно заметить, что в программе «Единства» позиционирование относительно «них» не играет такой существенной роли: в основном самопрезентация осуществляется не за счет противопоставления, а за счет акцентирования собственных достоинств.

Обращают на себя внимание и различия в образах «они», обрисованных в двух программах. Если «Отечество», как уже отмечалось, акцентирует «их» некомпетентность, то «Единство» «их» главный недостаток видит в отсутствии воли и готовности к ответственности. В представлении программы «Отечества», «они» далеко не безвольны и не бездеятельны; скорее, «их» действия ошибочны и даже преступны, поэтому их как можно скорее нужно остановить. Складывается ощущение, что речь идет о разных противниках (как оно, по видимому, и было в действительности: для программы «Отечества» отправная точка в системе координат это режим Б. Ельцина, программа «Единства» создавалась в условиях уже состоявшейся победы В. Путина; главные «они» для «Единства» это другие партии, лишь номинально конкурирующие с ним за власть). Так или иначе, но если смысл самопрезентации «Единства» в нескольких словах может быть сформулирован как **«хватит болтать, пора делать, у нас есть для этого воля»**, то «Отечество» представляет себя как силу, лозунг которой **«мы знаем, как надо, и у нас есть силы, чтобы это сделать»**. Налицо общий посыл воли и прагматической готовности к действию, но очевидны и различия в понимании собственных миссий.

В целом, на основе проведенного исследования можно сделать вывод, что модели самопрезентации двух партий, представленные в программах 1999-2000 гг., достаточно

близки (хотя и имеют важные различия), что дает основание утверждать, что с точки зрения идеологии их союз действительно возможен, хотя и не совсем комфортен. Нарисованные образы «нас» должны были встречать сочувствие у людей, склонных к прагматизму, умеренности, разделяющих позицию «золотой середины» и выражающих уверенность, что пора от слов перейти к делу. Вместе с тем, налицо было и различие в степени конфронтационности по отношению к действующей власти и оппонентам в борьбе за власть. Что более существенно, по-разному выделась роль и главные достоинства «нас».

Эти расхождения не помешали довести объединительный процесс до формально успешного конца: на третьем съезде Союза «Единства» и «Отечества» в октябре 2001 г. была учреждена Всероссийская партия «Единое Отечество» и принята за основу ее программа. Известно, что ответственные за ее разработку идеологи испытывали немалые трудности (это комментировалось в печати)⁰⁵⁴. В конечном итоге было решено взять за основу программы тексты президентских посланий. Что получилось в результате? К нашему удивлению, построить карту самопрезентации «Единства и Отечества» по той же схеме оказалось невозможно: в новой программе вообще отсутствуют какие-либо намеки на существование «их». Даже косвенные конструкции, присутствовавшие в программе «Единства», оказались сняты. Например, там, где программа «Единства» утверждала: *«Наша цель добиваться равенства не в бедности, а в богатстве»*, программа «Единого Отечества» безлично и безальтернативно декларирует: *«Наш идеал это общество, где нет места нищете и несправедливому распределению материальных благ»*. Программа новой партии вполне дежурным образом подчеркивает «нашу» мудрость, констатируя наличие проблем и перечисляя «наши приоритеты» в их решении. Причем перечень задач абсолютно «правильный», это то, под чем подписалась бы практическая любая партия (кто станет спорить с тезисом *«Наш программный принцип не человек для власти, а власть для человека»*? Или кто будет возражать против *«экономической модернизации при бережном отношении к тому, что было создано и преумножено нашими отцами и дедами»*?). Карты самопрезентации не получается, ибо основная идея самоидентификации, вытекающая из новой программы **«мы те, кто поддерживает Путина»**. Мы партия большинства, мы сильные, ответственные и знаем, как надо действовать. Такая программа хорошо решала бы задачу самопрезентации в однопартийной системе, где в принципе не возникает потребности позиционировать себя относительно «них» (внутри своей страны). Остается только надеяться, что в ближайшее время такая потребность у наших партий не исчезнет окончательно, а плоский ландшафт, который являла бы собой не составленная нами карта самопрезентации «Единого Отечества», не столько сигнал к возвращению политической системы, в которой есть только «мы», сколько результат реальных сложностей объединительного процесса, в ходе которого единственным способом бесконфликтной самоидентификации стала ориентация на действующего президента.

Владыкина И.К., Плесовских С.Н.

Экономический статус как фактор восприятия власти гражданами и стратегии их взаимодействия с властью

За последние годы психологи провели достаточно много интересных исследований, посвященных анализу восприятия личности политиков. Накоплен материал, касающийся бессознательных аспектов в восприятии личности политиков, непосредственно влияющих на электоральные предпочтения. Сформирована методическая база. Но сейчас хотелось бы выйти за рамки привычного подхода, посмотреть на проблему восприятия политиков с несколько иной позиции.

Восприятие людьми друг друга зависит от тех отношений, в которых эти люди находятся. Зависимость восприятия партнеров по общению от статуса, социального положения людей является одной из традиционных тем в социальной психологии. Проблеме же влияния экономического статуса человека или группы на мотивацию взаимодействия, взаимоотношения и восприятия между людьми не уделяется в российской политической психологии должного внимания. Вместе с тем именно через эту призму реальных взаимодействий и взаимоотношений, обусловленных различиями в экономическом статусе, преломляется непосредственное восприятие личности политиков различными социальными группами электората.

Характер взаимоотношений между представителями власти и электората может быть различным. Власть предполагает не только собственно властные взаимоотношения, руководство и подчинение между представителями власти и гражданами. Это также доверие граждан к властным структурам, их надежда на защиту, помощь, поддержку в сложных жизненных ситуациях со стороны власти и способность власти (или ее неспособность) соответствовать этим ожиданиям. Кредит доверия к власти определяется во многом ее умением наладить благополучную жизнь граждан. Интересующая власть активность граждан, их готовность идти на выборы, позитивное отношение к личности политика, желание проголосовать за него, все это зависит от характера реальных взаимодействий, которые складываются между властью и электоратом.

Взаимодействие между властью и электоратом в значительной степени опосредуется экономическим статусом представителей различных социальных групп населения. Различия по социально-экономическим параметрам определяют стратегии взаимодействия, и как следствие, особенности восприятия личности политиков.

Трансформации, произошедшие в российском обществе в результате перестройки, привели к существенным изменениям в экономическом и социальном положении граждан. Фактически появились новые типы социальных групп, которые еще не достаточно консолидированы. Это,

например, «новые русские», бюджетники, челноки, политики и другие. Изменения, касаются не только типов социальных групп, но их статуса, социальной роли в современной российской действительности. Так изменилась роль и социальный статус российских военных. До войны в Афганистане военные 30 лет почти не воевали, но были авторитетными, уважаемыми, высокооплачиваемыми людьми. Сейчас никого не удивляет вид нищего с боевыми наградами на груди. Значительную социальную динамику претерпела российская интеллигенция.

Несмотря на значительные изменения, произошедшие внутри социальных групп, явных тенденций к консолидации внутригрупповых интересов не ощущается. Осознанию и отстаиванию общегрупповых интересов могли бы способствовать политические партии. Однако существующая партийная структура на наш взгляд не отражает в должной степени интересов конкретных социальных групп и слоев общества. Можно сказать, что партии СПС, «Яблоко» отражают интересы определенных социальных слоев в обществе. Но это скорее исключение. В основном соотносимость деятельности партий с интересами социальных групп в обществе отсутствует или сильно размыта. А ведь именно политические партии, отражающие интересы конкретных социальных групп населения, занимая определенные позиции, влияя на принимаемые в стране решения, фактически должны опосредовать взаимоотношения, взаимодействие граждан и власти.

В экономически развитых странах, где значительно представлен средний класс, такое размежевание между партиями с их социальной опорой не столь необходимо. В российской же действительности с ее колоссальным разбросом в экономическом положении представителей различных групп населения своеобразие партий и их соотносимость с интересами этих групп могла бы быть более отчетливой.

В России сейчас имеет место многоукладность форм собственности, соответствующие им социальные группы и различные стратегии взаимоотношений представителей этих групп как между собой, так и с представителями власти. Не вдаваясь в экономическую подоплеку имеющих место процессов в обществе, хотелось бы очертить некоторые социальные тенденции и аналогии.

Так, например, взаимодействия между представителями политической элиты, на наш взгляд, больше соответствуют тому типу, который связан с моделями развитого социализма или даже коммунизма. Обеспеченность основных потребностей за счет общественных фондов потребления (жилье, лечение, транспорт, коммуникации, отдых), возможность быть свободным от материальных проблем, социальные гарантии формируют социалистический стиль взаимодействий и взаимоотношений между людьми. Это определенный уровень внутриличностного комфорта, спокойствия, коллективная заинтересованность в сохранении своих позиций, бдительность во взаимоотношении с соратниками. Тотальный контроль друг за другом, заразивший представителей сегодняшней ГД, компенсируется пониманием общности интересов, корректностью, подчеркнутой деликатностью во взаимоотношениях. Учет и контроль за тем, что происходит — чисто социалистический стиль поведения.

В рамках большого бизнеса доминирует капиталистический стиль взаимодействий и взаимоотношений. Причем там, где используется квалифицированный труд специалистов,

отношения между работодателем и подчиненными имеет характер капитализма «с человеческим лицом». Это связано с тем, что у подчиненных есть своя собственность. Это их интеллектуальный потенциал.

Отношение к образованию у современной молодежи меняется на глазах. Вместо формального отношения к учебе, как средству получения диплома, растет стремление к овладению профессией. Образование все больше оценивается не столько как средство повышения интеллектуального уровня, социального и экономического статуса.

Стратегии взаимодействия и критерии в восприятии политиками «денежных мешков» как части электората вполне понятны. Они часто спонсируют того или иного кандидата. Главными критериями в восприятии и оценке кандидатов является их послушание, подконтрольность, способность лоббировать интересы. Известны случаи прекращения финансирования избирательных кампаний в ситуации нелояльности кандидата. С этим связан интерес к получению предварительных углубленных психологических портретов кандидатов в периоды, предшествующие избирательным кампаниям.

Хорошо оплачиваемые наемные работники преуспевающих коммерческих предприятий, как и предприниматели позитивно относятся к власти и ее представителям. Имеет место понимание, что не только конкретный работодатель, но и власть обеспечила для них нормальные условия работы и существования.

Наглядным примером были президентские выборы в 1996 году на Сахалине. К 8 утра на избирательные участки пришли все местные корейцы. Они быстро оценили преимущества новой власти, дающей простор для частного предпринимательства и стояли горой за эту власть.

Иная ситуация в бизнесе, использующем труд неквалифицированных работников в условиях массовой безработицы, например в сельской местности. Там производственные отношения имеют характер крепостного права, а сами люди осознают себя рабами. Как правило, каким бы прибыльным ни был бизнес, людям платят столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду. О социальных гарантиях вообще речи не идет. Подобный стиль взаимоотношений между работниками, их работодателями или «хозяевами», как люди называли своих руководителей, можно было наблюдать на заготовках леса, предназначенного на экспорт. «Мы работаем в лютый мороз, в праздник. Если хозяин сказал работать, никто рот не откроет, иначе уволят, безработных сколько хочешь».

Наиболее привлекательные политики для них – Брежнев, Ленин. «Тогда можно было отстаивать свои права, был профсоюз». Естественно это электоральная база коммунистов. Социальное положение людей существенно влияет на выбор эталонов в восприятии политических фигур.

В то же время это и очень послушная часть электората, которую при существующих условиях проведения выборов можно принудить проголосовать так, как нужно непосредственному работодателю.

Подобный стиль отношений имеет место и между электоратом и непосредственно представителями местной власти. Так глава администрации, выдвинувший свою кандидатуру в депутаты Законодательного собрания, на встречах с избирателями заявлял: «Если за меня

не проголосуете, оставлю без комбикорма, солярки, тепла т. д.» Как воспринимали личность кандидата? Пьяница, хам, скандалист, связан с криминальным бизнесом. Проголосовали? Конечно.

В настоящее время проводится работа по выстраиванию так называемой «вертикали власти». Сверху власть становится похожей на самодержавие, а снизу подкрепляется крепостничеством. Такая ли власть нужна России?

У крепостной зависимости на селе вековые корни. Терпение и зависимость поддерживались у россиян традицией христианства. «Бог терпел и нам велел».

Наиболее предприимчивые, самостоятельные крестьяне, «средняки» были репрессированы в первые годы Советской власти. Среди оставшихся зависимость подпитывалась несправедливым положением крестьянина в период сталинизма. У сельского труженика в сталинский период даже не было на руках паспорта, он хранился в правлении колхоза. Получить паспорт, а значит и возможность уехать в город, было чрезвычайно трудно. Это еще одна форма культивирования зависимости. Формализм и коллективная безответственность на селе в доперестроечный период не способствовали формированию самостоятельности личности сельского труженика. Крепостная зависимость экономически не выгодна. Она ведет к апатии, безинициативности, застою в настроениях людей.

Вряд ли можно было бы держать большую часть трудящегося населения страны годами без зарплаты, если бы не вековые традиции зависимого положения. Но идти вперед и строить экономически благополучное гражданское общество можно только на основе иных личностных установок.

Опасность в том, что часть населения охотно принимает на себя эту роль зависимого, беспросветного холопства. Можно жаловаться, канючить, жалеть себя, находить отдушину в самогоне. Восприятие представителей власти сиюминутно меркантильное. «Вот на прошлых выборах кандидат валенки раздавал, а ты что дашь?» Конечно, это далеко не единственная линия поведения сельчан, многие из которых занимают конструктивную позицию, но она существует и весьма опасна.

Неквалифицированные работники бюджетной сферы, с трудом перебивающиеся на мизерную зарплату, имеют лишь один критерий в восприятии представителей власти потенциальную возможность облегчить их участь. «Надо, чтобы людям жилось хорошо, чтобы пришел в магазин, взял, что надо, а там, хоть черт пусть правит балом». Примером такого восприятия служат ассоциации кандидата в губернаторы с «лисом, хозяйничающим в курятнике». Мнения, высказанные на фокус-группе, «Пусть вор, пусть 8 классов образования, но сделал что-то для облегчения участи людей, стало чуть-чуть лучше, значит нужно избирать на новый срок».

На протяжении всех 1990-х годов ведущее место в образе востребованного политического лидера неизменно занимали нравственные качества. Кандидат, по мнению людей, должен был быть в первую очередь честным, порядочным, некоррупцированным. Сейчас этот бастион в представлениях об идеальном политическом лидере начинает разрушаться. Во всяком случае, реально люди голосуют, опираясь на другие личностные особенности кандидатов, а главное, на ту систему взаимоотношений и взаимодействий, которые

сложились в период, предшествующий выборам. Значительная часть обнищавшего населения в восприятии представителей власти ведет себя скорее ситуативно, чем, руководствуясь стратегическими интересами и представлениями.

Пенсионеры в сельской местности с разрушенным сельским производством – самые обеспеченные люди на селе, потому что им платят пенсию. «Они деньги получают». Они ощущают на себе поддержку федеральной власти и позитивно к ней относятся. Это самая активная часть электората.

Более сложные, многообразные стратегии взаимодействия с властью у представителей высокообразованной части работников бюджетной сферы. Здесь можно обнаружить, по крайней мере, две стратегии взаимодействия с властью и отношения к политикам. Непринятие и протестное отношение к власти выражается либо в принципиальном и сознательном игнорировании выборов, либо в демонстративном голосовании «против всех». Смысл подобного голосования – в демонстрации своей гражданской позиции.

Для другой части представителей интеллигенции характерен, напротив, повышенный интерес к личностям кандидатов, их публичным выступлениям, публикациям. Мнение одного из членов фокус-группы: «Я очень внимательно смотрю и читаю все обо всех кандидатах, стараюсь разобраться в том, что это за люди. А пойду ли на выборы, еще не решила. Пойду только, если найду достойного кандидата». Характерная тенденция в настроениях – это потребность людей в уважении к себе со стороны власти.

При анализе стратегий взаимодействия власти и электората необходимо остановиться еще на двух аспектах проблемы.

Власть в условиях современной России зачастую сфокусирована на решении своих собственных проблем, мало внимания уделяя тому, что происходит за пределами самой власти. Рядовой гражданин, убедившись в отсутствии не только экономической, но и правовой защищенности, в бездействии институтов суда, милиции, государственных органов, также теряет всякий интерес к власти. Отсюда большое количество людей, которые не интересуются политикой, политиками и не ходят на выборы.

К счастью, есть и обратные примеры и тенденции. Политики, которые реально живут интересами людей, вкладывают себя в общее дело, получают всеобщую любовь населения. Примером может быть мэр города Воркуты, который живет интересами города, решает насущные и перспективные проблемы города и его жителей, задает ритм, оптимистический настрой в настроениях людей. Он является организатором многих инициатив, направленных на развитие экономики, культуры, образования. При этом постоянно находится в прямом контакте с жителями Воркуты, ежедневно обсуждая насущные проблемы города и его жителей в прямом телеэфире. Любопытная деталь. Жителям города очень нравится то, что их мэр рано встает и все знает о том, где что происходит. Жители города горой стоят за своего мэра. Он получает доверие и поддержку всех социальных групп населения.

Одна из характерных тенденций в современном мире в условиях глобализации – это тенденция к единению, формированию единого сообщества. Формирование гражданского общества в России должно базироваться на наиболее позитивных стратегиях взаимодействия

власти и населения.

Нестерова С.В.

Отношения власти и населения. Проблемы презентации власти и ее восприятия гражданами

Во взаимоотношениях власть держащих и населения нас будет интересовать в первую очередь то, что А. Захаров назвал «образными репрезентациями», т. е. представления о власти, существующие в головах людей.

Согласно многочисленным социологическим исследованиям в нашем общественном мнении слабо различаются механизмы и функции власти, институты власти, роли и действия конкретных лиц (лидеров), наделенных властью.

Большинство исследователей отмечает, что с середины XIX в. вопрос о власти был одним из ключевых в российской политике. По сравнению с ним все проблемы взаимоотношений между различными социальными группами или идеологическими постулатами неизменно отходили на второй план. В какой-то степени это говорит о слабой политической дифференциации общества, об отсутствии горизонтальных связей, где главной опорой оставалась властная вертикаль. Во многом такая структура власти связывалась со сложившимися условиями, как со слишком большой протяженностью страны, так и со склонностью населения к анархизму, именно этими двумя причинами российские философы Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский объясняли формирование жесткой сильной и порой авторитарной власти. [055](#)

По мысли В.В.Розанова в трудные времена великорусский народ, прежде всего, принимался за восстановление царской власти. А отсутствие у власти такой характеристики, как *сила* всегда воспринималась как недостаток. [056](#) Скорее всего, сильная, даже в какой-то степени авторитарная власть является одним из архетипов российской менталитета. [057](#) Если мы попробуем перенести эту теоретическую модель на ситуацию конца 90-х XIX начала XX века, то увидим, что власть обвиняют в слабости не только обычные люди, но и политики. О существовании в России комплекса власти говорил и бывший президент Ельцин. Так, в «Записках президента» он отмечал, что в России всегда существовал комплекс власти: «Власть всегда воспринималась как образ какой-то невероятной, тотальной силы, настолько устрашающей и несокрушимой, что даже сама мысль о попытках переворота, путча, мятежа

казалась достаточно абсурдной. Власть может рухнуть только сама собой». ⁰⁵⁸

При всем при этом между властью и народом в России складывались непростые отношения. В 1990-е годы «разгосударствливание» (термин Ю. Левады) советского человека, усиление его ориентации на сферу частного существования скорее не нейтрализует, а наоборот активизирует потребность в социальной опеке. В результате увеличивается спрос на социальные гарантии и усиливается ностальгия по доперестроичным временам. Если использовать психологическую теорию Э. Берна, то сложившаяся система отношений между властью и гражданами напоминает взаимоотношения «взрослый» «ребенок», где государство должно обеспечить работой, выплатами и т. п.

Многие исследователи считают, что по отношению к власти сложились две противоположных друг другу системы установок. С одной стороны, это установка на то, чтобы избавиться от опеки государства, а с другой (и вероятно такие установки встречаются чаще), это ожидание от власти помощи и заботы.

Если в советский период деятельность власти не подлежала сомнению, то первые же опросы постсоветского периода показали резко негативное отношение, как к власти, так и к ее институтам. Больше всего в ответах респондентов встречаются обвинения власти в том, что она слабая и не может выполнить своих функций по отношению к населению. Более половины россиян, в конце 1990-х годов характеризуют нынешнюю политическую ситуацию, как «безвластие и анархию». ⁰⁵⁹

Еще одной чертой нынешней власти называют ее *отчужденность*, т. е. люди не ощущают себя ответственными ни за действия своего правительства, ни за происходящее в стране. Причем любопытно, что по данным как ФОМа, так и ВЦИОМа, восприятие нынешней власти как «чужой» и «далекой» противопоставляется образу «своей» власти, «при которой простым людям жилось лучше всего», которая ассоциируется у граждан (независимо от возраста) с брежневским застоем.

В одном из наших исследований ⁰⁶⁰ было выявлено, что отношение к власти как к «чужой» характерно и для политиков-закондателей, которые считали, что от них ничего не зависит, и они сами не очень ощущали свою ответственность за развитие политической ситуации в нашей стране. Возможно, это связано именно с тем, что исполнительная власть в силу сложившейся ситуации действительно имеет больше рычагов влияния.

Чего же люди хотят от власти? Используя теорию потребностей Маслоу, в нашем исследовании ⁰⁶¹ выяснено, что в требованиях к власти ведущей была потребность в безопасности, которая набирала 65,2 %. Власть респонденты воспринимали как нерешительную, неподконтрольную народу, бессильную перед преступившими закон, и, следовательно, неспособную защитить их, а к тому же не имеющую представления о том, по какому пути будет развиваться страна дальше.

Большинство наблюдателей отмечает, что с конца 1999 г., (а особенно с марта 2000), с того момента, как Путин стал президентом, начинает меняться политическая ситуация, меняются правила политической игры. Изменения, как политической ситуации, так и

институционального дизайна, приводят к изменению взаимоотношений власти и населения, восприятия самой власти и ее институтов. Уже полтора года исследователи пытаются ответить на вопрос, с чем же связан такой высокий рейтинг президента, почему период правления Ельцина, который традиционно связывался у социологов с эрой недоверия всем ветвям власти, сменился.

В конце 2000 на кафедре политической психологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Е.Б. Шестопаля было проведено исследование, главной задачей которого стал анализ отношения людей к власти, попытка понять с кем они ее ассоциируют и почему, выяснить различается ли отношение к власти в эпоху Ельцина с нынешней властью. *По многим критериям, власть воспринимается также, за исключением одного существенного власть стала восприниматься «сильной».* [062](#)

Кроме того, образы власти анализировались нами по таким параметрам как:

- знак, т. е. позитивное или негативное отношение к власти;
- четкость образа, т. е. складывается ли у наших граждан определенный образ или нет.

Таблица 1. *Знак*

--

Таблица 2. *Четкость образа*

--

Как мы видим полученные образы власти достаточно нечеткие, размытые, бессубъектные. Власть в правление Ельцина рисуется нашими респондентами в основном эмоционально негативно. Претензии, которые предъявляют власти на том этапе – слабость, несоблюдение законов, коррупция, непрофессионализм. «Власть эгоцентрична, склочна и заботится только о собственном благополучии», а также неустойчива, нерешительна, неподконтрольна и бессильна перед теми, кто нарушает законы.

Также нас интересовал вопрос, чего же люди хотят от власти? Также как в 1996–2000 гг. главным упреком ельцинской власти была названа ее неизвестность и неопределенность. Это, кстати, является одним из главных упреков, предъявляемых и к президенту В. Путину.

Еще одно отличие современного периода – произошло существенное обеднение политического поля, причем как на институциональном, так и на личностном уровнях. Если в эпоху Ельцина влиятельными политическими институтами, кроме президента и его администрации, респонденты называли обе палаты ГД, партии, губернаторов и т. п., то в конце 2000 и в 2001 году, кроме Президента и Администрации президента и редко губернатора, в этом перечне ничего не осталось. Такие же изменения коснулись и «персонального» уровня. Так, если раньше политический процесс в России напоминал некий «сериал», где взаимодействовало большое количество политических лидеров (ну что стоит, например, взаимодействие Ельцина и Зюганова, Немцова и Жириновского и т. п.), то в сегодняшней России, используя лексику президента, произошла «зачистка» политического поля, и мы видим в массовом сознании доминирование одного Героя. Политика начинает носить более закрытый характер.

Как видно из анализа рационального уровня политического сознания, с одной стороны, наши респонденты отождествляют власть с политическим влиянием Президента и его Администрации, с другой – представления о власти в период правления Путина достаточно неопределенны и размыты.

Для выявления более глубинных представлений о власти использовался проективный тест. Незаменимость проективных методик заключается в том, что они вскрывают уровень иррациональных проявлений поведения и неосознаваемых отношений. Однако возникает проблема соотношений личных проекций и действительного отношения к объекту⁰⁶³. Безусловно, изобразительный ряд отражает личностные особенности каждого респондента, но следует обратить внимание и на то, что есть большое количество совпадений, часто встречающихся элементов, что позволяет говорить скорее об особенностях объекта, в нашем случае об образах власти, существующих в головах людей.

Методология проведения исследования была достаточно проста. Мы просили респондентов (а это были преимущественно студенты II–V курсов различных московских ВУЗов) нарисовать власть в сегодняшней России. После того, как рисунок был закончен, испытуемые давали свой комментарий к нему.

Полученные образы власти оценивались нами по таким критериям как:

- привлекательность / непривлекательность образов;

- простота / сложность;
- сила / слабость;
- активность / пассивность;
- агрессивность / неагрессивность;
- отсутствие или наличие субъекта;
- качества, приписываемые власти.

Анализ изображений позволяет сделать вывод, что власть воспринимается нашими опрошенными скорее не рационально, а эмоционально. Число изображений, отражающих власть как систему взаимодействия различных политических институтов невелико (9 %). Более того, у студентов старших курсов, нередко высказывания, что «так должно быть в теории, но в нашей стране все происходит по-другому».

Привлекательность образа

На большинстве изображений власть выглядит либо нейтрально (40 %), либо крайне непривлекательно (52,5 %). Доля позитивных образов составляет лишь (7,5 %). Это говорит о том, что власть в глазах интервьюеров выглядит довольно несимпатично. Правда, у ряда респондентов власть ассоциируется с *силой и агрессивностью*, это встречается практически у каждого четвертого опрошенного (22,5 %), но при этом респондентам власть скорее не нравится. Многие респонденты ощущают бессознательный страх перед силой и агрессивностью власти, которая может быть на них направлена.

Простота / сложность

Ряд респондентов связывают образ власти с достаточно простыми символами: власть ассоциируется с деньгами (причем, однозначно с долларами), флагами, зданиями, силой (выраженной в наличии на рисунках оружия) и даже с пятнами нефти, но доля таких изображений не превышает 9 %.

Большинство полученных образов власти достаточно неоднозначны и сложны. Это говорит о том, что власть в глазах людей представляется довольно сложной конструкцией с различными основаниями.

Отсутствие или наличие субъекта

Большинство опрошенных воспринимают власть как размытую и неопределенную, субъект присутствует лишь у каждого четвертого опрошенного. Более того, ряд респондентов отмечает, что власть это «не то, что кажется», а некоторая «непонятная сила», «неизвестно кто», «люди, стоящие за кадром». Это отчасти показывает закрытый и теневой характер власти, что может быть связано с нехваткой информации о том, что представляет собой нынешняя команда Путина, но, скорее всего это свидетельство непрозрачности политической системы в целом.

Активность / пассивность

Более 40 % воспринимали власть как пассивную и нединамичную. В свою очередь, активной властью считали 22,5 %. У части опрошенных активность власти связывалась либо с различными поездками и приемами тех или иных политиков, либо с внутриэлитной борьбой за достижение власти, но при этом, по мнению наших опрошенных, обычных людей это абсолютно не касается. Другие отмечают, что если власть начинает действовать, то чаще всего это связано не с активностью самой власти, а с внешними обстоятельствами.

Отношение власти и населения

Надо сразу отметить, что рядовые граждане в образах власти появляются лишь у каждого третьего респондента.

По сравнению с субъектами, олицетворяющими власть, образы простых людей на несколько порядков меньше. На большинстве рисунков показано сильное разделение власти и народа с помощью непроходимых стен и заборов, роль обычных людей сведена либо к выполнению функциональных задач власти, либо к массовке, которая поддерживает политика, приветствует того или иного политика или собирается за него голосовать. Наши граждане чувствуют, что власть достаточно отчуждена от интересов обычных людей, живет собственной жизнью. В заключение рассмотрим несколько изображений образов власти подробнее.

На рисунке 1 показано стремление тех или иных политиков достигнуть власти. Дерево обозначает властную вертикаль, на котором висит заветный плод, обладание которым удовлетворит ту самую жажду власти. Ряд политиков только собирается достичь власти, кто-то ею уже обладает и поэтому очень счастлив. Но это только видимость, на самом деле яблоко (власть) оказывается червивым, и реальные хозяева власти остаются за кадром, мы видим лишь их агрессивный характер.

Рисунок 1

Иллюзия власти и реальная власть встречается и в ряде других изображений.

Например, на рисунке 2 мы видим властную вертикаль, наверху которой находятся счастливики, «обладающие» властью, но это только видимость, на самом деле те, кто реально управляет, проезжают мимо на машине с «мигалкой». Этим также подчеркивается теневой и закрытый характер власти и некоторые активные действия власти, которые непонятно на что направлены.

Рисунок 2

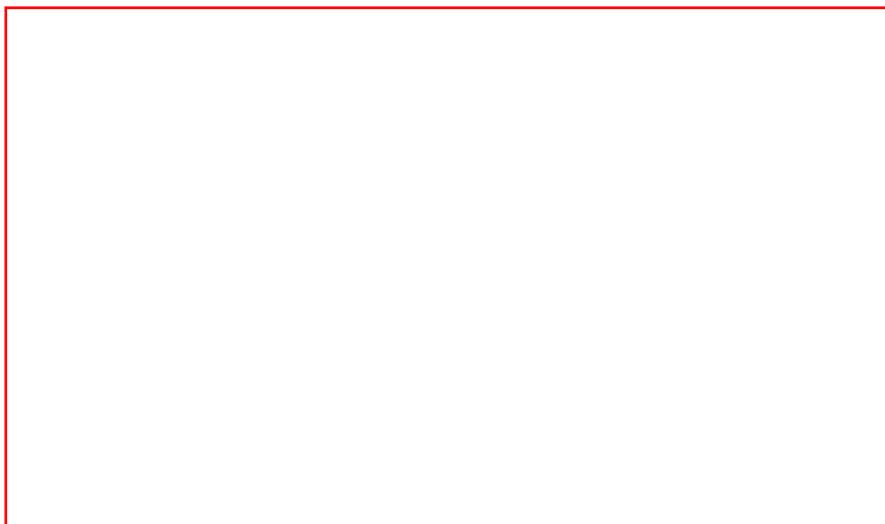

Рисунок 3 подчеркивает сильный и агрессивный характер власти, «поглощающей» обычных людей, которые плохо осознают интересы и желания власти. При этом возникает

неосознаваемый страх перед силой и агрессивностью власти, которая может быть направлена на обычного человека, причем без всяких объяснений. Власть показана настолько больше простых людей, что вызывает просто священный ужас.

Рисунок 3

Если обобщить эти представления об образах власти, можно отметить, что власть воспринимается эмоционально, а не рационально. С одной стороны, она выглядит достаточно непривлекательной, пассивной, нединамичной и очень далекой от интересов простых людей. С другой — сильной, агрессивной и вызывающей чувство страха.

Одной из главных претензий к власти на современном этапе является ее неопределенность и размытость, причем на бессознательном уровне это выражено сильнее, гражданам не совсем понятно не только куда она стремится, но и что она из себя представляет. Теневой и закрытый характер власти вызывает у граждан чувство опасения.

Использование проективного теста позволило выявить некоторые более глубинные отношения к власти, настороженность граждан перед силой, мощью власти, которая может быть направлена против граждан, тем более, что власть (по мнению наших респондентов)

отражает лишь интересы тех или иных политиков, и очень отдалена от простых людей.

Преснякова Л.А.

Влияние личностных особенностей на восприятие политической власти в России (1990-е годы)

Восприятие политической власти является одним из сложнейших процессов, определяющих взаимоотношения политической системы и личности. Эмпирические исследования восприятия политической власти в России в 90-е годы XX столетия фиксируют существенные рассогласования в этом восприятии — люди симпатизируют и доверяют одним политикам, а голосуют на выборах за других. Поиск причин этих явлений представляется чрезвычайно важным как для политической практики, так и для политической науки, поскольку адекватных объяснительных схем этих феноменов пока не найдено. Особенно важным представляется изучение этого процесса на личностном уровне, поскольку именно в сознании *отдельной личности* складывается тот образ власти, на основе которого человек строит свое политическое и электоральное поведение. Однако проблема восприятия власти рядовыми гражданами вообще и отдельной личностью в частности является одной из наименее разработанных — как в зарубежной, так и в российской политической психологии.

На формирование образа власти у личности влияют множество факторов, идущих как извне или со стороны среды, так и изнутри или со стороны индивида. Все факторы, влияющие на восприятие власти личностью, можно разделить на 4 группы.

К первой группе факторов можно отнести *объектные* компоненты восприятия власти личностью, т. е. характеристики самой политической власти и фигур, ее репрезентирующих политических лидеров. Восприятие власти вообще как абстрактной категории, восприятие властных институтов и политических лидеров на личностном уровне различается: для людей характерно *персонифицированное* восприятие политической власти, которое редуцирует всю совокупность властных отношений до фигуры конкретного политического лидера.⁰⁶⁴ Свою специфику имеет восприятие властей различного уровня,⁰⁶⁵ а также различных типов власти тоталитарной, авторитарной, демократической.⁰⁶⁶ Существенным фактором, определяющим восприятие власти индивидами, становятся личностные особенности политических лидеров, которые при персонифицированном типе восприятия выходят на первый план.⁰⁶⁷

Другую группу факторов, оказывающую влияние на восприятие власти личностью, можно обозначить как *коммуникативные компоненты* восприятия. К ним относятся психологические механизмы перцепции и, в частности, процесс политического восприятия, в результате которого образ власти и формируется в сознании индивида.⁰⁶⁸

К третьей группе факторов, влияющих на то, какой образ власти сложится в сознании индивида, относятся *ситуативные компоненты* восприятия, т. е. социальный, экономический и политический контекст, в котором происходит восприятие политической власти. Восприятие политической власти современным типичным россиянином, происходящее на фоне политической, экономической и социокультурной трансформации от авторитарного режима к демократическому, отличается рядом особенностей. Одним из наиболее значимых ситуативных факторов, влияющих на восприятие власти в сегодняшней России, является ситуация нормативного вакуума,⁰⁶⁹ характерная для постсоветского общества, возникшая в результате отсутствия эффективного механизма ретрансляции новых, демократических политических ценностей от политической элиты к гражданам (как это было в коммунистические времена), что существенно затрудняет принятие на личностном уровне демократической системы ценностей. Ситуативный контекст порождает такие особенности восприятия власти в России, как: *противоречивость массового политического сознания, рассогласованность установок в отношении власти и политиков, преобладание бессознательных компонентов над осознанными, персонификация власти, авторитарные установки в восприятии.*⁰⁷⁰ Именно на таком фоне массового сознания происходит восприятие власти отдельной личностью.

Наконец, четвертую группу факторов, оказывающих влияние на формирование индивидуального образа политической власти, составляют собственно *субъективные компоненты* восприятия, т. е. характеристики воспринимающего субъекта, среди которых можно выделить социальные и психологические особенности личности.

К *социальным* особенностям относятся пол, возраст субъекта восприятия, уровень образования, социальный и материальный статус.⁰⁷¹ Среди *психологических* характеристик субъекта восприятия выделяются особенности Я концепции личности и ее самооценки, особенности когнитивного стиля, особенности мотивационного блока — потребности, мотивы, ценности, локус-контроля, установки и система ценностей и политических убеждений.⁰⁷²

Определенная конфигурация вышеописанных психологических особенностей воспринимающего индивида, представляющих собой по сути «фильтр» восприятия власти личностью, конституирует особый личностный профиль, который в политической психологии получил название *авторитарного синдрома.*⁰⁷³ Главной отличительной чертой авторитарного личностного профиля становится нерелевантное отношение к любому типу власти: авторитарный тип личности ищет во властных институтах или их представителях объект для подчинения, идентификации. Согласно этой концепции комплекс черт, формирующий авторитарный тип личности, становится «человеческой базой» поддержки определенных типов политических режимов, например, тоталитарного или авторитарного. В этом случае режим не просто навязывает личности чуждое ей авторитарное сознание, но

апеллирует к уже существующим в структуре личности авторитарным чертам, что облегчает интериоризацию, принятие антидемократического режима такой личностью.

Мне бы хотелось предложить собственное понимание авторитарного синдрома как комплекса личностных черт, объединяющего *когнитивные особенности личности* (стереотипность, ригидность и догматизм), *потребностно-эмоциональные* характеристики личности (авторитарное подчинение и авторитарная агрессия) и *систему ценностей и представлений* личности (конвенционализм).

Авторитарный синдром, как и образы политической власти, складывается у индивида в процессе *социализации*. При этом наиболее важным для понимания отношения индивида к власти оказывается этап *первичной* социализации, который формирует в личности наиболее стабильные и почти не поддающиеся изменению механизмы восприятия власти.⁰⁷⁴

Для изучения характера влияния личностных особенностей, и в частности, авторитарного синдрома в структуре личности на восприятие политической власти в России в июле 2000 года при поддержке Фонда «Общественное мнение» было проведено *эмпирическое* исследование. В исследовании использовалось сочетание *стандартизированных* и *нестандартизированных* методов сбора и анализа данных, в частности, массового опроса, глубинных интервью и анкетирования, а также проективных методов (метода ассоциаций⁰⁷⁵ и теста «несуществующее животное»⁰⁷⁶).

В ходе эмпирического исследования было выявлено, что личностные особенности граждан и, в частности, авторитарный синдром, оказывают существенное влияние на образы политической власти, которые у них складываются, а также на психологический механизм восприятия власти личностью. Выяснилось, что *авторитарные* респонденты склонны проявлять большую *лояльность* (доверие, симпатию и намерение голосовать) по отношению к *официальной власти*, ее институтам и политическим лидерам, ее представляющим Президенту, Премьер-министру, Спикеру Государственной Думы. Именно эта группа респондентов также значимо чаще склонна доверять Администрации Президента и значимо реже высказывать негативное или скептическое отношение к властным институтам. Наконец, «авторитарные» респонденты, наряду с более высоким уровнем доверия и симпатии официальной власти, значимо чаще склонны поддерживать *коммунистическую оппозицию* и ее лидера Г. Зюганова. При этом группа «авторитарных» респондентов также в большей степени, чем россияне в среднем, склонна разделять «левую» систему политико-идеологических ценностей. Симпатия этой группы респондентов по отношению к левой оппозиции объясняется конвенциональностью «авторитарной личности» или высокой степенью приверженности общераспространенным нормам, к которым, как показало исследование, на сегодняшний день относятся ценности «левого» политического спектра, что позволяет говорить о существовании в России «левого» авторитаризма.

Группа «*неавторитарных*» респондентов, выступающих в качестве своеобразных «антиподов» «авторитарным», наоборот, проявляет большую «нелояльность» официальной власти: они значимо чаще выражают недоверие Путину и не хотят за него голосовать; эта группа респондентов намного чаще склонна не доверять ни одному из властных институтов и

голосовать против всех кандидатов. «Неавторитарные» респонденты проявляют позитивное отношение и голосуют строго за политиков, представляющих «правый» идеологический полюс Г. Явлинского, И. Хакамаду, С. Кириенко, А. Чубайса и пока, судя по всему, представляют «неконвенциональный» полюс идеологического спектра.

Таким образом, судя по результатам исследования, «авторитарная» личность в целом ведет себя по отношению к власти более лояльно, нежели «неавторитарная». То есть, на первый взгляд, может показаться, что авторитарный синдром в структуре личности становится источником стабильности любого, а не только авторитарного или тоталитарного политического режима.

Однако это не совсем верно. Высокий уровень лояльности «авторитарной личности» по отношению к официальной власти основан не столько на нормальном, «естественном» механизме идентичности, сколько на авторитарной потребности в подчинении сильному лидеру, авторитету. Так, «авторитарные» респонденты ищут во власти и лидерах могущественные и сильные объекты для поклонения, что выражается в повышенном внимании со стороны этой группы респондентов к такому параметру образов современных политиков, как *сила-слабость*. Одновременно с проявлением силы они ждут от власти заботы и внимания, наделяя образ идеальной власти патерналистскими чертами. Кроме того, психологический механизм восприятия власти «авторитарными» респондентами отличает наличие существенных противоречий между рациональными и бессознательными компонентами образов власти.

Судя по результатам глубинных интервью, авторитарный синдром в структуре личности этих респондентов актуализирует механизмы компенсации психологических травм, полученных при интеракции с неполитической властью в ходе первичной и вторичной политической социализации. В основе вышеописанных особенностей восприятия власти «авторитарной личностью» лежит специфический *механизм вытеснения* в бессознательное страха и ненависти по отношению к авторитарным властным фигурам из детства, в основном родителям, и переноса этих эмоций на область политического. Этот психологический механизм закладывается в структуру личности в ходе *авторитарной первичной социализации*, основанной на жестком подавлении ребенка со стороны родителей, жестоких наказаниях, постоянном контроле, нетерпимости к неконвенциональному поведению детей и общей атмосфере недоверия в семье, которая, судя по полученным данным, является наиболее *влиятельным* фактором формирования авторитарного синдрома в структуре личности: так, среди наших респондентов, которых можно определить, как «авторитарных», нет ни одного, чья социализация носила бы «неавторитарный» характер, а описанный выше паттерн «авторитарной» семейной социализации с той или иной степенью жесткости повторяется у большинства проинтервьюированных нами респондентов. *Личностный опыт*, как показал анализ отдельных случаев, может только усилить или ослабить влияние авторитарных тенденций, заложенных в ходе первичной социализации.

Неавторитарный паттерн первичной социализации, основанный на использовании разрешительных стратегий, доверии, уважении ребенка, коммуникации с ним, продуцирует спокойное и рациональное восприятие власти, облегчает интериоризацию демократической системы ценностей, в рамках которой власть и лидеры интерпретируются как функция

политики, а не как ее главные творцы.

Неавторитарные респонденты, в отличие от своих антиподов, воспринимают власть как профессиональную деятельность, поэтому ждут от нее эффективности, которая определяется деловыми качествами политиков – именно на них чаще обращают внимание «неавторитарные» респонденты. Образы власти у *неавторитарных* респондентов более согласованы – рациональный уровень восприятия соответствует бессознательному. Отмеченное выше скептическое отношение к властям в группе «неавторитарных» респондентов коррелирует с поведением человека эпохи «постматериализма» (по терминологии Р. Инглхарта⁰⁷⁷), когда, с одной стороны, степень влияния любого типа власти и авторитета уменьшается, а с другой, «постматериалистический» человек может вести себя относительно неконвенционально. Кроме того, современная политическая российская власть, пользующаяся массовой поддержкой как раз в той части общества, ценности которой можно определить как «ковенциональные», вероятно, пока еще не в состоянии мобилизовать механизмы политической поддержки среди «неавторитарных» респондентов.

Таким образом, наше исследование подтверждает, что личностные особенности и, в частности, авторитарный синдром в структуре личности, оказывают существенное влияние на индивидуальное восприятие политической власти, обуславливая как содержательные компоненты образа власти, который складывается у личности, так и психологические механизмы восприятия этого образа. На наш взгляд, исследовательское внимание к индивидуальному уровню восприятия является весьма перспективным подходом, отчасти позволяющим понять некоторые закономерности и особенности массового восприятия политической власти в современной России.

РАЗДЕЛ 3

ОБРАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ

Уинтер Д.

Восприятие политическими лидерами кризисов и их угрозы. Сравнительный анализ кризисов 1914 и 1962 гг.

Кризисы часто приводят к войне вследствие того, что лидеры обеих конфликтующих сторон склонны преувеличивать враждебные намерения своего противника. Однако далеко не каждый кризис развивается в войну. Данное исследование представляет собой сравнительный анализ содержания воспринимаемых образов власти — то есть угрозы — во время британо-германского противостояния в 1914 году и американско-советского мирного урегулирования Карибского кризиса в 1962 году.

В 1914 году газеты и дипломатические документы в Англии, и Германии демонстрировали все более асимметричный характер заявлений обеих сторон: уровни интенсивности образной мотивации другой стороны излишне подчеркивались, в то время как собственные уровни принижались. В противоположность этому газеты 1962 года не обнаруживали подобного асимметричного образца. Эти результаты подтвердили уже ранее полученные данные по изучению эскалации конфликтных ситуаций и не противоречат многим другим социально-психологическим феноменам, экспериментальным результатам. Полученные данные наводят на мысль, что взаимные ошибки в восприятии угрожающих намерений являются одним из важнейших механизмов эскалации конфликта.

Важность намерений

В этой статье мы обсуждаем некоторые психологические механизмы, включая восприятие власти, которые могут способствовать переходу конфликта к стадии насилия и развертывания военных действий. Вопрос «Почему война?» является очень древним. Рассуждая в 431 году до н. э. о причинах Пелопонесской войны, Фукидид пришел к выводу, что «сила Афин возросла, и это привело к появлению боязни в Спарте, что сделало войну неизбежной»⁰⁷⁸. Другими словами, Спарта боялась силы Афин и поэтому не доверяла ее намерениям. Важно понять, что в объяснении Фукидида решающим фактором выступает не сила или потенциальная способность, а именно намерение. Россия и Соединенные Штаты до

сих пор имеют достаточно ядерного оружия для уничтожения друг друга. Однако мы уже не боимся друг друга так, как это было во времена холодной войны: то есть большинство американцев не считают, что в планы России входит уничтожение США, и (как я надеюсь) большинство россиян тоже убеждены, что Соединенные Штаты не стремятся уничтожить Россию. Таким образом, намерение использовать военную силу и вера в эти намерения могут быть гораздо важнее силы как таковой.

Однако для одной стороны в конфликте является проблематичным правильно оценить или знать намерения другой стороны. Так, к примеру, в 1962 году во время Карибского кризиса советские архивные документы содержали мысли о том, что основным стремлением Никиты Хрущева в развертывании ракет на Кубе было желание защитить Кубу⁰⁷⁹. Но в то же время американские власти были убеждены, что действительной целью Хрущева было намерение «потеснить» Соединенные Штаты в Берлине, Турции или в Латинской Америке⁰⁸⁰. Так, в начальной стадии конфликта президент Кеннеди заявил: «Их не интересует Куба. Их интересует Берлин». Сегодня для того, чтобы избежать войны и сохранить мир, очень важным для обеих сторон является адекватное восприятие намерений противоположной стороны. Как отмечает Жервис (Jervis), любые из многочисленных ошибок в восприятии намерений способны привести к войне.⁰⁸¹

Определение и оценка намерений

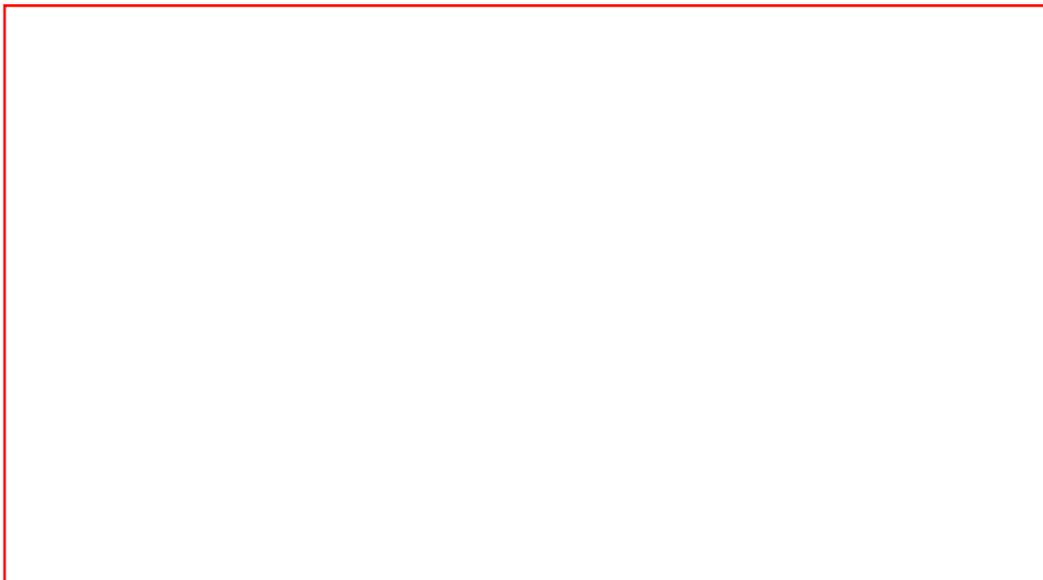
В данном исследовании мы определяем *намерение* как определенный баланс между заботой о власти (обладании влиянием на другого человека или групп людей, престижем) и мотивом аффилиации (желанием иметь теплые, доверительные отношения с другим человеком или группой людей). Мы измеряем этот баланс через контент-анализ текстов о властных и аффилиативных образах⁰⁸². Важно осознавать, что эти закодированные системы отражают именно подразумеваемые намерения и стремления, а не те, которые высказываются открыто. То есть они оценивают второстепенное значение и образы, которыми описывается цель чаще, чем четко выраженную цель саму по себе. То есть подразумеваемые намерения не затрагивают специфические политические действия, позиции или поступки — часто скрытые под слоем «желательности», стратегического притворства или искаженные вследствие стремления их защитить, так что они являются трудным объектом для раскодирования и интерпретации — а скорее описывают образы, с помощью которых эти позиции и поступки артикулируются и осуществляются на практике. Результаты обширного исследования наводят на мысль, что скрытые и выраженные намерения не коррелируют между собой и отражают фундаментально различные уровни⁰⁸³. Исследования в политической психологии показали, что вполне возможно четко выразить практически любой политический курс, как при помощи любых скрытых образов, так и без них.⁰⁸⁴

Таблица 1. Мотивы власти и аффилиации

	Мотивация власти	Мотивация аффилиации
<i>Словесное описание образов</i>	Забота об осуществлении воздействия, контроля или влияния на других людей или групп людей путем принудительных действий, контроля или регулирования поведения других; попытки повлиять или убедить их; непрошенная помощь или приобретение престижа.	Забота об установлении или сохранении дружеских отношений среди людей или различных групп.
<i>Действия</i>	Зависят от уровня ответственности: успешного лидерства; высокой степени соподчиненности; морального состояния расточительной импульсивности.	Кооперация и дружественные отношения в мирных условиях; оборонительные и даже враждебные действия под воздействием угрозы.
<i>Стиль общения</i>	Эксплуататорский, агрессивный.	Кооперация в мирных условиях; оборонительный и даже враждебный стиль под воздействием угрозы.
<i>Обращение за помощью к)</i>	Политическим экспертам.	Друзьям и подобным им группам.

Таблица 1 представляет собой краткое описание словесных образов и действий, связанных с каждым мотивом⁰⁸⁵. Относительно формулировок намерений существуют следующие интерпретации: комбинация из большого количества властных образов (много примеров в тексте, состоящем из 1 000 слов) и малого количества аффилиативных образов (всего несколько случаев в этом же тексте) свидетельствует о наличии угрожающих намерений; противоположная комбинация (низкая властная образность и высокая аффилиативная), напротив, говорят о наличии мирных и доброжелательных стремлений.

Рисунок 1. Выражение властной мотивации в 1914 году и во время Карибского кризиса 1962 года

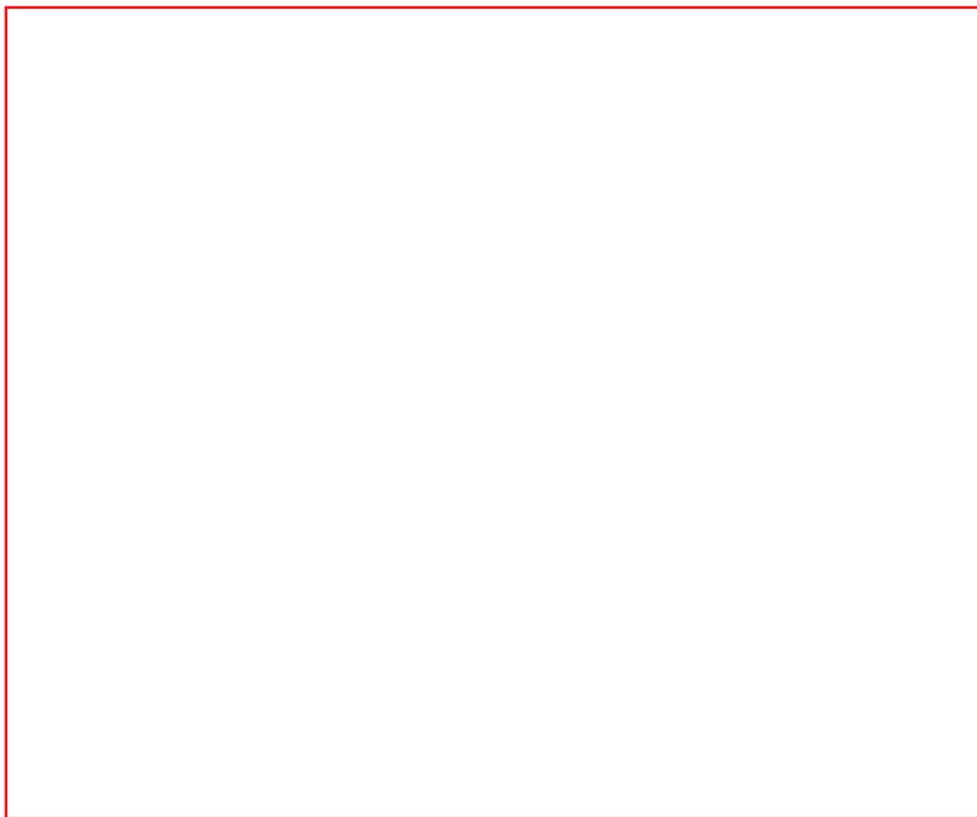
Выражение намерений в 1914 году и во время Карибского кризиса

Используя метод контент-анализа для изучения опубликованного собрания дипломатических документов, я еще в 1993 году оценил намерения британских и германских властей, выраженных в официальном общении друг с другом в течение кризиса 1914 года, впоследствии приведшего к началу Второй мировой войны⁰⁸⁶. (Кризис начался с убийства эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 года и привел к развертыванию военных действий в начале августа того же года. Германо-британский «дуэт» сыграл решающую роль в превращении того, что могло стать локальным конфликтом между Австро-Венгрией и Сербией, во всеобщую европейскую войну). Как показано на левой части Рисунка 1, заявления каждой из сторон менялись от относительно мирных до угрожающих по мере того, как конфликт углублялся и развивался. То есть относительный баланс между властными и аффилиативными образами изменялся с ранней до последней фазы кризиса в сторону преобладания властных заявлений. Затем, была изучена коммуникация конфликтующих сторон во время Карибского кризиса 1962 года (период 22-28 октября) — речь президента Кеннеди и официальная реакция советского руководства, опубликованную ТАСС, а также письма, которыми обменивались Кеннеди и Хрущев. Этот пример, изображенный на правой стороне Рисунка 1, демонстрирует противоположный образец: в течение кризиса заявления обеих сторон изменялись от преобладания властных образов (и низкой степени аффилиации) до доминирования аффилиативной мотивации и, соответственно, мирного разрешения возникшего кризиса.

Восприятие намерений в 1914 году и во время Карибского кризиса

Намерения не только выражаются, но еще и воспринимаются. Для понимания роли намерений в эскалации конфликта важным вопросом, уже обсуждавшимся выше, является следующий: «Что другая сторона *говорит?*» Другим не менее важным вопросом выступает и следующий: «Как именно каждая сторона *воспринимает* или *понимает* то, что говорит ей противоположная?» Если Хрущев пишет письмо, в котором он выражает скрытые намерения, то как Кеннеди может понять и интерпретировать это послание? Как он воспринимает подразумеваемые намерения Хрущева? Восприятие стремлений можно изучить при помощи уже известных двух измерений, властных и аффилиативных образов, выявленных при помощи контент-анализа. Однако в случае с восприятием намерений мы применяем закодированные системы контент-анализа к ментальным представлениям объекта о коммуникации его сообщениям, эссе, кратким изложениям и так далее. Если первоначальный текст недоступен (как в случае со многими обсуждаемыми дискуссиями и разговорами), мы можем оценивать воспринимаемые намерения в относительных терминах, сравнивая различные средства коммуникации каждой из сторон. На Рисунке 2 показано соотношение между выражаемыми и воспринимаемыми намерениями.

Рисунок 2. *Выражение и восприятие намерений*

Чтобы изучить восприятие намерений во время кризиса 1914 года были собраны все газетные статьи из немецкого (Norddeutsche Allgemeine Zeitung) и британского (The Times), которые цитировали или суммировали официальные заявления властей этих государств. Затем их произвольно смешали и были вычислены уровни властной и аффилиативной мотивации.

Полученный результат указан на Рисунке 3. Сравнивая уровни образной мотивации в одних и тех же заявлениях, но в версиях разных сторон, можно проследить некоторые искажения и преувеличения, имевшие место на ранней фазе кризиса. Однако на более поздних этапах конфликта был продемонстрирован асимметричный образец искажений: образы власти в заявлениях «чужой» стороны излишне преувеличивались, в то время как по отношению к собственным высказываниям наблюдалась их редукция. Таким образом, каждой газетой другая сторона воспринималась как имеющая более высокий уровень властной мотивации, следовательно, и ее намерения рассматривались как враждебные или угрожающие. Другими словами, по мере развития и углубления кризиса искажение в восприятии намерений все возрастало.

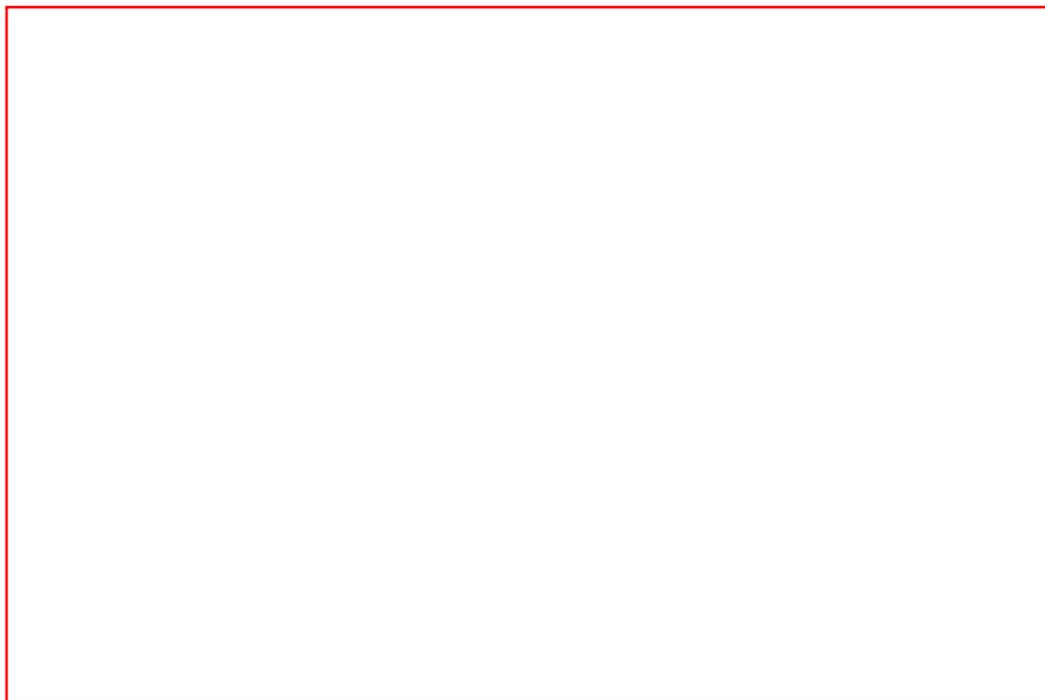
Рисунок 3. *Восприятие уровней властной мотивации в 1914 году*

Конечно, эти результаты могут быть рассмотрены как попытка газетных редакторов повысить энтузиазм по отношению к войне или военный дух путем преувеличения угрозы со стороны противника. Однако мы можем обнаружить нечто похожее и в дипломатических отчетах. В 1914 году немецкий посол в Великобритании, принц Карл Макс Личновский (Karl Max Lichnowsky) часто встречался с британским Секретарем иностранных дел сэром Эдвардом Греем (Sir Edward Grey). После каждой встречи Личновский телеграфировал в Министерство иностранных дел в Берлине, сообщая, что он сказал, и что сказал Грей. Подобным же образом Грей телеграфировал собственное видение того, что Личновский сказал и что он сообщил британскому послу в Германии, сэру Эдварду Госхену (Sir Edward Goschen). Так как мы не знаем, о чем действительно говорили Личновский и Грей во время своих встреч, из опубликованных записей этих телеграмм мы можем вывести две противоположные версии того, что именно каждый из них сказал. Как показано на Рисунке 4 до начала кризиса в 1914 году, а также во время первой его фазы, не наблюдалось никакого

искажения. Тенденция к преувеличению властной мотивации каждой из сторон (следовательно, и к угрозе) возрастала лишь на протяжении последнего этапа конфликта. И Личновского нельзя было обвинить в том, что он занимал антибританскую позицию. Действительно, руководство Министерства иностранных дел Германии обвиняло его в англomanии, в том, что британцам слишком легко одурачить его. Таким образом, в 1914 году похожий пример искажения возник и среди этих двух дипломатов тех, кто был действительно заинтересован в адекватном восприятии и коммуникации.

Рисунок 4. *Восприятие уровней властной мотивации во время Карибского кризиса 1962 года*

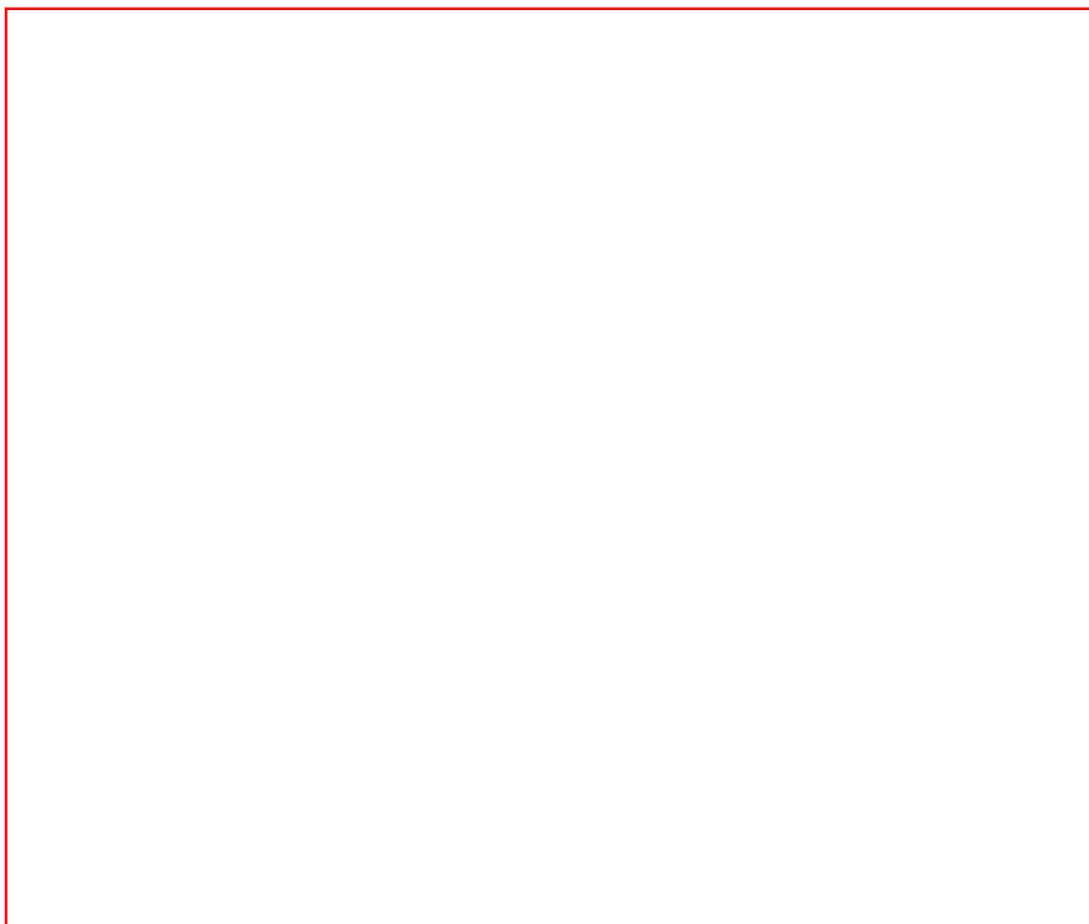
При проведении подобного исследования Карибского кризиса 1962 года, для параллельного изучения заявлений каждой из конфликтующих сторон были взяты американские и советские газеты того времени (был определен временной промежуток со времени вступления президента Кеннеди в должность в январе 1961 года до конца 1963). Как показано на Рисунке 4, были получены совершенно иные результаты, чем при исследовании конфликта 1914 года. До начала кризиса наблюдалось значительное искажение воспринимаемых другой стороной намерений. Мы можем обозначить это как «базовый уровень» искажений во времена холодной войны. Внезапно в начале кризиса образец восприятия изменился: не наблюдалось ни искажений, ни преувеличений властных мотиваций другой стороны. После окончания конфликта и на протяжении всего 1963 года это отсутствие искажения или адекватное восприятие намерений сохранилось. Таким образом, Карибский кризис продемонстрировал совершенно иной образец восприятия, чем тот, что существовал между Британией и Германией в 1914 году. Обе стороны начинали с недоверия, готовые к восприятию враждебных намерений, однако это изменилось с течением времени и осталось в измененном состоянии на протяжении, по меньшей мере, всего 1963 года (этот период определяется как «оттепель» в советско-американских взаимоотношениях).

Выводы

Намерения выступают решающим фактором по отношению к тому, разовьется конфликт в войну или разрешится мирным путем. Исследования конфликта 1914 года и Карибского кризиса 1962 года наводят на мысль, что и выражаемые, и подразумеваемые или скрытые намерения могут играть роль в эскалации конфликта. Когда стремления содержат в себе высокий уровень властной мотивации и низкий аффилиативной (или когда они *воспринимаются* как имеющие такие показатели) эскалация очень вероятна.

Соответственно, противоположный образец демонстрирует тенденцию к мирному разрешению конфликта. Эти два параллельных вывода могут быть соединены вместе в интегративной модели мотивационного восприятия, как показано на Рисунке 5. Угроза из любого источника повышает уровень выражения властных образов одной стороной конфликта. Через механизм преувеличения, обсуждаемый здесь, это может привести к искаженному восприятию намерений другой стороной, что неизбежно повышает чувство угрозы, а это, в свою очередь, приводит к дальнейшему повышению уровня выражаемой властной мотивации, и так далее.

Рисунок 5. *Модель мотивационного восприятия в процессе эскалации конфликта*

Этот механизм работает в совершенно различных конфликтных ситуациях: в интернациональных кризисах, в семье, в разборках бандитских группировок на улице в целом между группами людей, которые настроены враждебно и испытывают недоверие по отношению друг к другу. Конечно, мы не знаем, являются ли эти психологические механизмы причиной или эффектом действительной агрессии. Это может быть установлено только в ходе дополнительного исследования, особенно при повторных изучениях локальных конфликтов. Однако даже если эти механизмы являются всего лишь эффектом или эпифеноменом, они все равно могут быть с успехом использованы для предсказания эскалации конфликта и, таким образом, для вмешательства с целью предотвратить его.

Таким образом, сегодня этот «заколдованный круг» более не является неизбежным. Это не случилось в 1962 году. Существуют несомненные условия диспозиционные и ситуационные факторы которые руководят процессом того, будет ли этот круг работать по часовой стрелке (в сторону эскалации) или против часовой стрелки (в сторону мирного разрешения проблемы). Одно лабораторное исследование, проведенное Кеммельмейером (Kemmelmeier) и Уинтером (Winter) в 2000 году свидетельствует о том, что взывание к чувству исторической перспективы может снизить тенденцию к преувеличению властной мотивации в коммуникации, осуществляемую другой стороной.⁰⁸⁷ Это не то же самое, что изучение «уроков прошлого», которые зачастую могут оказаться неприменимыми или просто неправильными. (К примеру, в 1960-е годы американские политики неправильно пытались применить уроки Мюнхенского умиротворения 1938 года к Вьетнаму). Пожалуй, наличие исторической перспективы означает способность видеть «sub specie ?ternitatis», что рассматривается в соотношении с вечным чаще, чем с сегодняшним днем. Разговаривая с американским писателем несколько лет спустя после Карибского кризиса Никита Хрущев выразил свое видение этой ситуации: «Что хорошего даст мне в последний час моей жизни осознание того, что хотя обе наши великие нации лежат в руинах, национальная честь Советского Союза осталась нетронутой?»⁰⁸⁸

Перевод *Элины Шамсеевой*

Зорин В.А.

Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности

Оценки восприятия образа политического лидера являются объектом сложной и противоречивой природы. Данные, полученные в результате изучения образов политиков, нуждаются в многослойной интерпретации, они представляют собой некий срез, на котором отражены самые разные социальные феномены.⁰⁸⁹ Этим данным можно найти место в различных исследовательских контекстах, таких как изучение установок, стереотипов массового сознания, анализ политической культуры или, например, дискурс-анализ процесса политических коммуникаций. Вместе с тем, эти данные могут быть полезным источником информации для исследования проблемы личности политического лидера и занять определенное место в его психологическом портрете.

Мы ставим перед собой вопрос о том, какими качествами обладает тот или иной политик. Что мы хотим знать или, лучше сказать, что нам нужно знать, чтобы ответить на этот вопрос? Каждый из нас знает, например, о В.В. Путине достаточно много: как он выглядит, откуда родом, как стал президентом, какие поступки совершил на этом посту. Кто-то знает больше, кто-то меньше — это зависит от степени заинтересованности каждого конкретного человека в политике, от его информированности, от его политических пристрастий и симпатий. В общем-то, ни один публичный политик не способен утаить от своих избирателей свои внешние, телесные, моральные, психологические, политические, профессиональные, деловые и, возможно, какие-либо иные качества. Люди всегда обращают на них внимание и, независимо от того, насколько обоснованно их мнение, они его составляют, определяя для себя, каков на самом деле тот или иной политик. Таким образом, если мы хотим узнать что-то важное о каком-либо политике, то мы можем попросить людей рассказать нам о нем.

Вместе с тем, такой подход содержит в себе и очевидный недостаток: никто и никогда не сможет поручиться за то, что тот образ, который мы обнаруживаем в сознании наших респондентов, является «подлинным». Иначе говоря, те качества политического лидера, которые приписываются ему обществом, могут иметь источник в сознательно вырабатываемых политтехнологами программах, которые предлагаются избирателю и могут быть обозначены как «имидж» кандидата. Ни для кого не секрет, что мастерство политтехнолога как раз и состоит в умении сделать образ своего клиента более привлекательным, чем он есть на самом деле.

Казалось бы, что из этого следует то, что, если мы хотим знать самое главное о личности политика, мы должны прежде всего отказаться от использования подобных «вторичных» источников и сосредоточить наше внимание на материалах, в которых личность лидера отражена «как таковая», то есть без искажений, диктуемых пиаровскими соображениями и электоральными интересами. Психологическая наука дает исследователю множество возможностей для изучения истинных, аутентичных в психологическом смысле, характеристик личности. В самом деле, любой политик — прежде всего человек и у него гораздо больше общего с простым обывателем, чем отличного. Любому политику свойственны все те же психические свойства и состояния, его психика может быть проанализирована через особенности его памяти, мышления, восприятия, воображения, интуиции и т. д. Но, если мы сделаем акцент на подобном подходе, то мы неизбежно столкнемся с двумя фундаментальными проблемами.

Первая состоит в том, что все многообразие психологических методов изучения личности предназначено для непосредственной работы с объектом, который часто выступает в роли пациента. Мы могли бы многое узнать о политике, если бы он согласился нарисовать для нас несуществующее животное, или если бы он согласился прилечь на кушетку психоаналитика, или подвергнуться гипнотическому воздействию. Если бы все эти возможности были нам предоставлены, мы могли бы с уверенностью (при этом нужно учитывать то, что эти данные нуждаются в интерпретациях, которые у разных экспертов могут отличаться) сказать, например, правы или неправы респонденты, когда приписывают личности этого политика то или иное качество или характеристику.

Влиятельная традиция в политической психологии была основана Лассуэллом, который в 1930-е годы смог получить доступ к историям болезней пациентов одной уважаемой психиатрической лечебницы, в которой в разное время наблюдались различные политики, как правило, среднего уровня. Лассуэлл высказал предположение, что каждый человек, который становится субъектом политического процесса, привносит в него свои внутренние конфликты и комплексы в рационализированном виде. Таким образом, то, что кажется позицией, которую политик занимает по определенному вопросу, на самом деле оказывается переосмыслением конфликтов собственной души в общезначимых терминах. Однако, обстоятельства, в которых Лассуэлл проводил это исследование, не являются типичными. Как правило, ученые сталкиваются с проблемой непосредственной недоступности объекта своего исследования. [090](#)

Классик современной политической психологии Гринстайн в своих работах неоднократно характеризует несостоятельность критики личностных исследований, опирающейся на положение о том, что очень трудно найти источники, адекватные целям, которые исследователь ставит перед собой с помощью метафоры о пьянице, который ночью ищет потерянные им ключи именно под фонарем только лишь по той причине, что там светлее. [091](#) Таким образом, Гринстайн призывает политических психологов проявлять героизм и преданность науке и искать «ключи» в кромешной тьме. Но даже если мы не отступим перед трудностями и встанем на путь поиска того, что найти почти невозможно, мы в любом случае будем вынуждены признать, что эта проблема существует.

Перед тем, как перейти к описанию второй проблемы, необходимо сказать несколько слов о том, что в политической психологии существует исследовательская стратегия, позволяющая оценивать различные психологические характеристики политических лидеров без непосредственного погружения в их психику, то есть «при свете дня». Речь идет о дистантной оценке. Ее возможности были продемонстрированы американскими политическими психологами Д. Уинтером, М. Херманн, С. Уокером и У. Уайнтраубом, которые создали психологические профили президентов Дж. Буша (старшего) и М. Горбачева, а также сделали ряд прогнозов относительно перспектив их коммуникации и взаимодействия в свете развития советско-американских отношений в начале 1990-х годов. [092](#) Принцип дистантной оценки предполагает, что личность находит свое отражение во внешних, вербальных проявлениях, таких, как авторские тексты. Исследователь пытается выявить в тексте некоторые структуры, которые генетически связаны со структурой

личности политического лидера, которая включает такие компоненты, как мотивация, убеждения, личностные качества и т. д.

Сущность второй проблемы состоит в том, что даже затратив массу сил и энергии на выяснение интересующих нас особенностей психики политического лидера и добившись на этом пути относительных успехов, мы все равно можем оказаться ни с чем. Внутренний мир любого человека удивительно богат и с трудом поддается систематизации, при этом вряд ли будет ошибочным утверждение о том, что в личности есть нечто такое, что нам вовсе не обязательно знать, если объектом нашего интереса является политический лидер. Вместе с тем, несомненно, что при определенных обстоятельствах определенные качества и характеристики личности могут становиться политически значимыми факторами, поэтому исследователь должен подходить к изучению личности политического лидера с четким осознанием того, какие именно ее стороны актуальны для политики.

Для адекватного ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к рассмотрению феномена политики как таковой. Политика обычно связывается с государственным управлением, главной функцией политического лидера считается принятие решений, от которых зависит многое в жизни общества. Если мы отталкиваемся от этого понимания политики, то вопрос о психологическом изучении личности лидера становится особенно актуальным. На первый план выходит вопрос о «весе»: как много в действительности зависит от индивидуального политического актора, выполняющего определенную роль в политической системе. Различные исследователи характеризуют размер влияния личности с различной степенью оптимизма или пессимизма. Наиболее взвешенным представляется подход Ф. Гринстайна, который выделяет ряд факторов, наличие которых в характеристиках роли политического лидера, увеличивает вероятность того, что его личные качества окажут влияние на ход политического процесса. ⁰⁹³

Несомненно, такой подход к пониманию феномена политики оправдан и рационален. Но вместе с тем, он не является универсальным и не вмещает в себя множество явлений, с которыми мы сталкиваемся и которые считаем по своей природе политическими. Кроме того, представляется, что такое понимание политики актуально для изучения прежде всего «трансформирующего» (термин Дж. М. Бернса⁰⁹⁴) лидерства. Этот тип лидерства предполагает, что от принятия решений тем или иным политиком непосредственно зависит ход важных социальных процессов, то есть, это такое лидерство, которое способно изменять, трансформировать общество. Противоположный тип характеризуется как «транзактное» лидерство и предполагает, что выполнение субъектом своих ролевых предписаний и обязанностей укладывается в четкие и устойчивые рамки, которые не дают обилия возможностей для проявления своей индивидуальности. Другими словами, в обычных условиях государственная машина работает тихо и незаметно, что делает любого, пусть даже самого влиятельного индивидуального актора, обезличенной частью механизма, осуществляющего управление. Именно к первому типу принадлежит лидерство в современной России, а также, например, в наиболее близких ей в культурном, историческом и прочих отношениях государствах — Украине и Белоруссии.

В другом смысле политика является неким пространством, игровым полем, на которое

каждый человек при желании может посмотреть. Это мир, сотканный из выпусков телевизионных новостей, газетных статей, разговоров на кухне, это особая, в каком-то смысле «виртуальная» реальность, отражающая существование отдельного социального поля, обладающего своими законами и правилами игры. В работах французского социолога П. Бурдьё показано, что «основной ставкой в политической игре являются не только и даже не столько монополия использования объективированных ресурсов политической власти (финансов, права, армии и т. п.), сколько монополия производства и распространения политических представлений и мнений: именно они обладают той мобилизующей силой, которая дает жизнь политическим партиям и правящим группировкам».⁰⁹⁵ В этом понимании политика оказывается феноменом общественного сознания. Это значит, что каждый член общества конструирует политическую реальность для себя и в соответствии с закономерностями функционирования своего сознания. Вместе с тем сознание является социальным феноменом, в его основе лежит механизм отражения. Это позволяет нам говорить о том, что, несмотря на многообразие индивидуальных различий, существуют некоторые общие, универсальные структуры, которые обеспечивают существование политики как цельного явления, то есть мы можем рассматривать политику как феномен именно общественного сознания.

Теперь мы можем вернуться к вопросу, с которого мы начинали, то есть к проблеме личности. Что нам нужно знать о политическом лидере и что является несущественным для политико-психологического анализа личности. Для этого нам придется внести ясность в используемые нами понятия.

Что такое личность для политического психолога? В самом общем виде под личностью мы понимаем некоторую совокупность признаков, характеризующих индивида. Но, «дело в том, что одни и те же особенности человека могут стоять в разном отношении к его личности. В одном случае они выступают как безразличные, в другом те же особенности входят в ее характеристику».⁰⁹⁶ А.Н. Леонтьев понимал личность как новое качество индивида, которое возникает по мере его включения в систему общественных отношений.

Применительно к политическим лидерам мы можем говорить о «личности как таковой» (понимая под ней всю совокупность психических и физиологических свойств и состояний, объективно присущих индивиду), а также о «имидже» (в который включаются атрибуты, приписываемые индивиду и существующие как бы независимо от присущих ему в реальности качеств). Если мы изучаем личность как субъекта политики, понимая под последней процесс управления и принятия решений, то нас должен интересовать не столько «имидж», сколько «личность как таковая». Такое понимание личности в данном случае позволит нам видеть индивидуально-психологические детерминанты политических решений.

Но, если мы пытаемся рассмотреть личность политика как элемент политического сознания, объект его отражения, то нам потребуются иная концепция, иное понимание того, что такое личность в политике.

Насколько адекватно этот феномен отражен в том, что понимается под «имиджем»? Не ставя под сомнение тот факт, что в имидже политического лидера присутствуют характеристики, важные и актуальные для понимания его личности, все-таки нельзя не отметить, что имидж

по своей природе вторичен по отношению к личности. Имидж является продуктом осознанной деятельности целой группы акторов, то есть в нем отражена не столько личность, сколько некоторые процессы, источники которых лежат вне сферы как собственно личности, так и общественного сознания. То есть, в общественном сознании нам нужно искать не остатки (или результаты) работы имиджмейкеров, а собственно «политическую личность», которая и является субъектом политики в нашем понимании.

Таким образом, вводя понятие «политическая личность», мы предполагаем существование особой категории анализа и особой сущности, которая находится в определенной взаимосвязи как с «личностью как таковой», так и с «имиджем». Подобно тому, как личность возникает в результате развития индивида, «политическая личность» формируется как продукт трансформации «личности как таковой» в результате участия субъекта в политической деятельности. Этот механизм описан в работах А.Н. Леонтьева следующим образом: «Субъект, вступая в обществе в новую систему отношений, обретает также новые системные качества, которые только и образуют действительную характеристику личности». ⁰⁹⁷ Таким образом, сущность «политической личности» непрерывно трансформируется под влиянием того поля деятельности, в которую она оказывается включенной.

Очевидно, что «политическую личность» нужно поместить как бы между «личностью как таковой» и «имиджем», в соответствии с тем, что она является феноменом особой реальности общественного сознания отличной как от собственно психологической реальности, выраженной в «личности как таковой», так и от сферы избирательных технологий. По своей природе политическая личность, несомненно, является образом, т. е. неким идеальным конструктом, формирование которого проходит как результат процесса отражения в общественном сознании «личности как таковой». Это означает, что в том ряду образов, которые составляют сущность «политической личности», нет ничего такого, чего нет в «личности как таковой». Люди наблюдают за политиками, оценивают их по собственным критериям, обращают внимание на одни аспекты их личности и игнорируют другие. Так, например, внешность политического лидера может быть или не быть важной характеристикой его политической личности в зависимости от того, насколько этот аспект актуален для общества. Таким же образом общество осуществляет отбор и сортировку прочих качеств и характеристик личности по степени их актуальности и значимости.

Когда мы говорим о такой специфичной структуре как имидж политика, мы имеем в виду, что формирование и функционирование таких представлений находится под влиянием и даже под давлением неких посторонних сил. Но в действительности существует гораздо больше факторов, опосредующих восприятие политического лидера. Нам представляется, что важнейшим из них является не деятельность политтехнологов, а собственные установки, ценности и ориентации избирателей. В сознании граждан образ политического лидера оказывается многогранным и противоречивым, он с большим трудом поддается манипуляциям, (речь идет, прежде всего, об образах политических лидеров, хорошо знакомых обществу, мнение о которых складывается с учетом информации из различных источников, с возможностью сравнения, испытания и проверки своих гипотез и

предположений). Таким образом, на уровне общественного сознания мы можем выделить некоторые характеристики, которые правомерно рассматривать как истинно присущие «политической личности» лидера.

В соответствии с вышесказанным структура «политической личности» может быть представлена в виде двух уровней. Первый — это более устойчивые характеристики, отражающие аутентичные психологические свойства и состояния личности, актуальные для политики, существующие независимо от общественного сознания и становящиеся объектом отражения в нем. Второй уровень содержит в большей степени мобильные, изменчивые характеристики личности, которые можно обнаружить лишь непосредственно в сфере общественного сознания. Качества личности, которые мы обнаруживаем на втором уровне, раскрашивают и уточняют психологические характеристики. Изучая взаимосвязь и взаимодействие этих уровней, мы получаем целостную структуру «политической личности», которая возникает как результат двойного рассмотрения объекта: «изнутри» и «извне».

Единство описанных выше уровней рассмотрения «политической личности» основывается не только на общности синтетического объекта исследования, но и на потенциальном методологическом единстве исследовательских стратегий, применяемых в рамках ее изучения. Дело в том, что рассмотрение обоих уровней возможно в рамках так называемой «дистантной оценки», которая предполагает наличие некоторых объектов, опосредующих восприятие личности. Фактически, исследователь ставит перед собой задачу поиска инструмента, с помощью которого он способен добраться до глубинных структур личности. На уровне внутреннего анализа таким инструментом может быть авторский текст, воспоминания современников и т. д.; на уровне внешнего анализа — массовое сознание, в котором содержатся некоторые образы, связанные с личностью лидера и выявляемые в ходе соответствующих исследовательских процедур.

Внутренний анализ «политической личности» предполагает акцент на психологических методах. Одним из наиболее разработанных и широко распространенных в современной политической психологии методов является метод политической психобиографии. Его методологические основы содержатся в работах американских ученых Х. Лассуэлла, А. и Дж. Джорджей, Дж. Д. Барбера, Б. Глэд, У. Раниена и других.⁰⁹⁸ По определению Б. Глэд психобиографическим является любое исследование личности, опирающееся на какую-либо эксплицитную психологическую теорию. В качестве таковых, как правило, используются разнообразные психоаналитические концепции. Цель психобиографии — выявить в биографии объекта существенные паттерны, объясняющие различные когнитивные, аффективные и поведенческие характеристики последнего. Важной особенностью метода является его психодинамический характер — психобиография рассматривает процессы становления, вызревания и функционирования определенных личностных структур.

Дж. Д. Барбер выделяет три компонента в структуре личности политического лидера: мировоззрение, характер и стиль. Эти компоненты, которые также можно определить как когнитивный, аффективный и поведенческий, отражают актуальные для политики установки, ценности и ориентации личности. Барбер создал серию психобиографических портретов американских президентов XX века, используя для анализа эту схему и определенное

представление о динамике формирования этих компонентов, согласно которому наиболее устойчивой и ригидной структурой является характер, основы которого закладываются в детстве под влиянием семьи, школы и т. д. Затем формируется мировоззрение, под которым Барбер понимает механизмы, с помощью которых индивид объясняет мир, структурирует его, находит свое место в нем. Этот процесс протекает в подростковом возрасте. В раннем взрослом возрасте вырабатывается стиль, т. е. совокупность привычных для личности способов достижения своих целей. На усвоение определенного стиля политиком важнейшее влияние оказывает первый самостоятельный успех на этом поприще. Индивид воспринимает его как своего рода образец, стандарт, и даже рецепт успеха, к которому он будет стремиться прибегать и в дальнейшем. ⁰⁹⁹

Таким образом, когнитивные, аффективные и поведенческие структуры, выявляемые в ходе психобиографического исследования, представляются наиболее адекватным отражением внутренней стороны «политической личности».

Для описания *когнитивного компонента* политической личности в зарубежной политической психологии используется понятие «операциональный код», ¹⁰⁰ который состоит из вопросов, ответы на которые составляют как бы каркас, лежащий в основе представлений лидера о тех или иных событиях, явлениях, фактах и т. д. Вот эти вопросы:

- какова природа политической жизни: гармония или противоборство?
- как политик относится к возможности добиться своих целей: с оптимизмом или с пессимизмом?
- что играет главную роль в истории: воля людей или случай?
- какие цели нужно ставить перед собой: глобальные и долгосрочные или конкретные и ограниченные?

Аффективный компонент содержит такие фундаментальные психологические характеристики личности как самооценка и социальная адаптация. Можно предположить, что индивид с высокой самооценкой, успешно прошедший процесс социальной адаптации, обладает необходимой психологической устойчивостью для того, чтобы действовать в соответствии с общественным интересом, в то время, как его антипод склонен действовать в соответствии с классической формулировкой Лассуэлла ¹⁰¹ о «переносе частных мотивов на социальные объекты и их рационализации в терминах общественного интереса». Таким образом, при анализе аффективных структур политической личности нас, прежде всего, интересует степень ее конгруэнтности, от чего зависит адекватность восприятия политики и оценка своего места и своей роли в политическом процессе.

Поведенческий компонент политической личности проявляется в ее отношении к исполнению ряда обязательных для влиятельного политического лидера (такого, как президент) функций: риторической, межличностного взаимодействия и «домашней работы». В соответствии с тем, на каком аспекте стиля лидер делает акцент, выделяются три типа: агитаторы, администраторы и теоретики. Эти типы отличаются в способах самовыражения в политике.

Анализ динамики формирования и развития структур, составляющих когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты политической личности, позволяет нам рассмотреть ее «внутреннюю сторону», то есть, те объективно присущие индивиду качества и характеристики, которые находят свое выражение в ее политическом поведении, благодаря чему становятся объектом восприятия общества и получают отражение в общественном сознании. «Внешняя сторона» политической личности — это те качества и характеристики, которые не содержатся в психодинамических структурах и приписываются лидеру обществом. Помимо того, что думает, что чувствует и как ведет себя политический лидер, мы должны обращать внимание и на то, насколько сильными, привлекательными и активными являются его идеи, эмоции и поступки.

Для реализации исследовательской задачи, связанной с оценкой и описанием «внешней стороны» политической личности, необходимы совершенно иные методы: мы должны посмотреть на политика глазами его избирателей, выявить его образ и отыскать в структуре последнего атрибуты изучаемой политической личности. К ним относятся такие качества, как привлекательность, сила и активность. Они выступают в роли отдельных измерений, в рамках которых мы интерпретируем как рациональные, так и бессознательные оценки, составляющие образ лидера.

То, как человек воспринимает политика, зависит от множества факторов, сами по себе эти оценки необычайно изменчивы, они могут выступать в качестве подтверждения народной мудрости, согласно которой от любви до ненависти один шаг. Тем не менее, можно утверждать, что все факторы, влияющие на восприятие образа политического лидера и опосредующие его, составляют три группы. Первые связаны с «личностью как таковой», это некоторые устойчивые структуры личности, которые отражаются в общественном сознании и поддерживают связь образа политика с психологической реальностью его личности. Вторые имеют ситуативную, контекстуальную природу — специфика выявляемых образов меняется в зависимости от степени успешности, узнаваемости, от участия политического лидера в тех или иных событиях. Источник третьих следует искать в личностных структурах респондента (например, есть работы, исследующие влияние «авторитарного синдрома» на то, как респондент воспринимает власть вообще и власть как конкретных лидеров, ею обладающих).¹⁰²

Предмет нашего интереса составляет то, какое место в оценках восприятия политического лидера занимает собственно его личность. Очевидно, что мы не вправе напрямую приписывать личности те характеристики, которые содержатся в текстах ответов респондентов на вопросы исследователя. Иначе нам пришлось бы согласиться с утверждением, что мы — есть то, что о нас говорят. Кроме того, изменчивость оценок также не позволяет видеть в них непосредственно то, что мы ищем — то есть, «политическую личность».

Поэтому, во-первых, необходимо тщательно обрабатывать данные исследований восприятия и интерпретировать их в соответствии со строгой схемой анализа, предполагающей кластеризацию всех получаемых образов в терминах привлекательности, силы и активности, характеризующих образ политического лидера в той или иной степени. Это позволяет связывать оценки восприятия с определенными личностными структурами.

Например, для политика актуально такое качество как привлекательность, кроме того, очевидно, что люди обладают этим качеством в разной степени. Дать оценку степени привлекательности политического лидера невозможно никаким иным способом, кроме как с помощью анализа восприятия его образа гражданами. Сами по себе привлекательность, сила и активность — это не только методологически обоснованные в работах Ч. Осгуда кластеры любых субъективных оценок, ¹⁰³ но и атрибуты политической личности постольку, поскольку она живет и действует в особом пространстве политики как одной из форм общественного сознания.

Во-вторых, чтобы увидеть роль и место личности лидера в системе субъективных оценок, их следует рассматривать как некоторый потенциал. Параметры привлекательности, силы и активности каждого индивида имеют свои рамки, точки максимума и минимума. Показатели этих переменных, которые присутствуют в конкретном образе, занимают некоторое промежуточное положение между этими двумя крайностями. Динамика перемещения локуса оценки от минимума к максимуму зависит от прочих факторов, опосредующих восприятие респондентом образа. В данном случае, анализ восприятия гражданами образа политического лидера представляет собой один из возможных путей дистантной оценки его личности, в ходе которого последняя рассматривается как бы извне, отраженной в зеркале общественного сознания.

Объединяя две исследовательских стратегии, две методологические программы, мы получаем возможность составить профиль личности, отражающий ее качества и характеристики, имеющие большое значение для понимания ее специфики как субъекта политики. «Политическая личность» сочетает в себе субъективные и объективные оценки лидера, что соответствует нашему представлению о политике как о феномене общественного сознания, которое по своей природе объединяет объективные основания и субъективные изменчивые ситуативные характеристики.

Гришко А.А.

Некоторые особенности социальной категоризации

политики в современной России.

К построению профиля идеального Президента

Введение

Построение категориального профиля идеального Президента как метод исследования массового сознания относительно новый инструмент в методологическом арсенале отечественной политической психологии. По сравнению с традиционными методами анализа ценностей, установок и ожиданий населения в отношении важнейших политических фигур и институтов, изучение социальной категоризации политики обладает рядом особенностей. В языке, в данном случае в языке политики, языке политического дискурса, ценности культуры и установки массового сознания даны непосредственно, как система категорий.

Категориальный строй языка политики фиксирует тончайшие сдвиги общественных настроений, потенциальные направления их динамики. Категориальный профиль может служить матрицей сравнения представлений об идеальном лидере и образов конкретных политиков, претендующих на занятие высокого поста, апеллирующих к политической и электоральной поддержке граждан.

Цель исследования. Методология

Настоящая работа посвящена построению профиля идеального Президента России на основе анализа системы категорий, в которых массовое сознание осваивает данный концепт.

Категориальный профиль будет рассмотрен как отражение в языке ценностей, установок и ожиданий российских граждан в отношении фигуры лидера, главы государства, Президента.

Традиция исследования социальной категоризации была заложена в 50-х годах XX века одними из основателей когнитивной психологии Дж. Брунером и У. Найссером. По Брунеру, категоризация представляет собой необходимый этап познания на переходе от восприятия к мышлению.¹⁰⁴ Каждый объект, будь то элемент эмпирической реальности, или, в данном случае, ментальный образ, в восприятии индивида сопряжен с некоторым уже имеющимся знанием о нем, которое выступает как основание категоризации, «гипотеза» в терминологии Брунера. Во многом аналогичное брунеровской «гипотезе» понятие было предложено Найссером. «Когнитивная схема» интегрирует предшествующий опыт индивида, его знания и навыки и выполняет функцию предвосхищения событий во внешнем мире, организует поведенческую готовность субъекта. Важно, что схема всегда коренится в том опыте культуры, которому причастен субъект познания.¹⁰⁵

Представляется допустимым принять в качестве языкового аналога «гипотезы» и «схемы» систему категорий (лексических единиц), иерархических организованных в соответствии с частотностью употребления и сложностью (наполненностью их семантического поля) собственно категориальный профиль. Для такого сложного концепта как Президент России, анализируемого в перспективе группового (массового) сознания, можно предположить наличие целого ряда схем, различных по генезису и разнонаправленных в плане поведенческих реакций.

В качестве эмпирической основы исследования были использованы результаты опроса Фонда «Общественное мнение» на тему «Президент России». ¹⁰⁶ Исходную базу составили около двух тысяч высказываний респондентов, репрезентативных для населения России в целом. Структура высказываний отличалась высоким разнообразием, варьируясь от упоминания единичной категории до приведения системы иерархически соподчиненных категорий, которые сопровождались соответствующими атрибутами и характеристиками.

Высказывания респондентов были подвергнуты процедуре контент-анализа с выделением в качестве категорий анализа существительных единственного числа мужского и женского рода («категории», представляющие различные наименования Президента). Отдельные словоформы рассматривались как единицы анализа, единицей счета было упоминание каждой словоформы в базе, количество упоминаний измерялось натуральным рядом чисел в абсолютном выражении. За единицу контекста принималось отдельное высказывание, которое в подавляющем большинстве случаев исчерпывалось одним предложением.

Категориальный профиль идеального Президента России

В результате применения указанных исследовательских процедур был получен набор из 30 категорий, разбитых на три группы в соответствии с частотой употребления.

Группа 1. Приоритеты категоризации

Первая группа представлена категориями «Глава» (346 упоминаний), «Человек» (246 упоминаний), «Руководитель» (175 упоминаний), «Хозяин» (173 упоминания).

Категория «Глава» (346) является самой распространенной. Она фактически не несет оценочной нагрузки и представляет самую общую категориальную рамку исследуемого концепта. Атрибут «Государство» исчерпывает более 50 % связей группы атрибутов. Это позволяет выделить отдельную категорию «Глава государства», которая также носит нейтральный, безоценочный характер. Однако, анализ семантического поля категории выявляет противоположные по смыслу конструкты: «выбранный Глава государства управляет» и «умный Глава семьи должен заботиться» представляют различные по содержанию и генезису социально-психологические типы.

	«Глава государства»	
	«Глава»	
умный (1)	страны (37)	должен быть (2)

выбранный (1)	России (24)	должен заботиться (2)
	семьи (10)	управляет (1)
	народа (6)	представляет (1)
	всему (4)	направляет (1)
	власти (2)	
	правительства (1)	

Категория «Человек» (246) также безоценочна. Отсутствие в ее семантическом поле существительных-атрибутов позволяет интерпретировать указанную категорию как вводную для действий и характеристик. Последние же отличаются высоким разнообразием и отражают набор языковых ситуаций, релевантных концепту «Президент». Наиболее показательные конструкторы: «ответственный Человек представляет интересы», «первый Человек гарантирует права» в противовес «справедливый Человек болеет за народ», «добрый Человек заботится о людях». В семантическом поле категории отмечается значительное преобладание конструкторов второго типа.

Категории «Руководитель» (175) и «Хозяин» (173) при относительно равной частоте употребления, на первый взгляд, отличаются противоположной семантикой. «Руководитель» наименование лица с фиксированным кругом полномочий, обладающего высоким статусом в формальной организации. Политический руководитель государства, избранный на установленный срок чиновник высшего ранга представления, характерные для современной демократической культуры. Напротив, «Хозяин», тем более «Хозяин», стоящий во главе страны относится, скорее, к авторитарно-традиционалистским представлениям. «Хозяин» не связан законом, он правит, опираясь на собственные волю и разумение. Подчинение хозяину основано на глубоко личных отношениях служения и преданности. Однако имеющиеся в базе словоупотребления отчасти снимают столь жесткую дихотомию:

- «Демократическим образом выбранный руководитель страны, служащий для блага общества»;
- «Человек, который руководит правительством и всеми комитетами»;
- «Больше чем руководитель государства»;
- «Хозяин хороший, руководитель»;
- «Руководитель, вождь»;
- «Вождь, хозяин в государстве»;
- «Хозяин, старатель для народа»;
- «Отец родной, хозяин в семье, царь-батюшка»;
- «Хозяин над чиновниками»;
- «Правозащитник, хороший хозяин в доме».

Очевидно, что для российского массового сознания характерна определенная интерференция современных либеральных и авторитарно-традиционалистских представлений. В семантике категории «Руководитель» наряду с формальным статусом и фиксированными полномочиями присутствует значительный элемент личного участия. «Хозяин» также, с одной стороны, фигура, семантически близкая к «Вождю», «Царю», «Отцу», с другой — связанная главенством над чиновниками и отстаиванием прав народа. К схожим выводам приводит анализ семантического поля данных категорий.

	«Руководитель» (175)	
хороший (4)	страны (74)	решает (2)
главный (4)	государства (31)	обеспечивающий (1)
честный (3)	России (7)	командует (1)
высший (2)	власти (2)	должен погонять (1)
верховный (1)	народа (1)	должен вывести (1)
грамотный (1)	населения (1)	
большой (1)		
политический (1)		
порядочный (1)		
образованный (1)		
достойный (1)		
выбранный (1)		
сильный (1)		

Категория нагружена оценочными характеристиками. Большая их часть может быть отнесена к первому и третьему типам¹⁰⁷ «главный», «высший», «верховный», «политический», «выбранный» и т. д. Меньшая часть соответствует второму типу: «хороший», «честный», «порядочный», «достойный», «сильный» и пр. Аналогично обстоит дело с атрибутами и действиями, входящими в семантическое поле категории. Незначительная их часть нагружена традиционалистской семантикой: «Руководитель народа», «Руководитель населения», в противовес современным «Руководитель страны», «государства», «России»,

«власти». Характерные действия: наряду с «решает», «обеспечивает», «командует», присутствуют «должен вывести» и «должен погонять».

Семантическое поле категории «Хозяин» (173) менее развернуто. Вместе с ироничным «Хозяин тайги» выделяются оценочные атрибуты второго типа «Хозяин народа», «жизни», «в семье». В действиях ярко выражена модальность долженствования «должен быть». Среди характеристик представлены нравственные требования «честный», а также качества, отражающие авторитарно-традиционалистские черты образа: «полный Хозяин», «хороший», «настоящий», «сильный» и пр.

	«Хозяин» (173)	
хороший (3)	страны (71)	должен быть (2)
настоящий (2)	России (9)	решает (1)
честный (1)	государства (5)	
полный (1)	дома (4)	
сильный (1)	народа (1)	
рачительный (1)	тайги (1)	
стойкий (1)	жизни (1)	
	семье (1)	
	хозяйства (1)	

Группа 2. Значимые категории

Во вторую группу вошли категории с частотой от 70 до 25 употреблений: «Гарант» (71), «Власть» (58), «Царь» (52), «Отец» (41), «Лицо» (38), «Защитник» (32), «Правитель» (30), «Голова» (25). Большинство из них могут быть отнесены ко второму типу авторитарно-традиционалистским представлениям.

Категория «Гарант» (71) наиболее встречаемая во второй группе, выделяется из общего ряда. В ее семантическом поле при минимуме характеристик и действий широко представлены атрибуты (30): от «конституции», «прав и свобод» до «детей», «жизни» и «будущего». По всей видимости, категория «Гарант», которая вошла в отечественный политический лексикон в период президентства Ельцина, превратилась в распространенное клише, отражающее функциональные обязанности Президента в представлениях россиян. Показателен всеобъемлющий характер этих обязанностей.

Категория «Власть» (58) нагружена, в основном, нейтральными значениями. В ее

семантическом поле представлены статусные характеристики («верховная», «высшая»), качества и действия, определяющие функции («законодательная», «руководит»), а также мера легитимности власти («законная»). Конкретизируется субъект власти («государство», «человек») и ее объект («страна», «Россия»). Выделяется одна негативная ассоциация «Власть насилия».

	«Власть» (58)	
верховная (4)	страной (3)	должна быть (2)
сильная (2)	насилия (1)	руководит (1)
высшая (2)	государства (1)	
законная (1)	человека (1)	
законодательная (1)	законности (1)	
	России (1)	

Категорию «Царь» (52) и связанный с ней синонимический ряд («Монарх», «Властитель», «Император») можно однозначно отнести ко второму типу. В семантическом поле категории представлены традиционалистские и нейтральные характеристики: соответственно «степенный», «православный», «святой» и «умный», а также «главный» и «твердый».

Президент «Царь» воспринимается не без доли иронии «маленький Царек», «Царь без власти». При этом объект царских полномочий чрезвычайно широк: «Россия-Русь», «страна», «народ».

	«Царь» (52)	
степенный (1)	России (4)	должен быть (1)
православный (1)	страны (2)	болеющий (1)
умный (1)	без власти (1)	подобен (1)
главный (1)	эквивалент (1)	
твердый (1)	(на) Руси (1)	
маленький (1)	(над) народом (1)	

святой (1)		
------------	--	--

Достаточно распространенная категория «Отец» в полной мере отвечает традиционалистским представлениям. Об этом же свидетельствует ее семантическое поле. Обращает внимание важная для респондентов потребность в глубоко личном переживании близости к Президенту «Отцу».

	«Отец» (41)	
родной (12)	народа (4)	должен быть (4)
хороший (1)	семьи (3)	заботиться (3)
добрый (1)	государства (2)	
	России (2)	
	нации (2)	
	граждан (1)	
	страны (1)	

Категория «Лицо» (38) принадлежит к третьему, смешанному типу. В ее семантическом поле представлены нейтральные статусные характеристики и деловые качества. Набор атрибутов конкретизирует представления об объектах президентской власти в больших социальных организациях. Обращает внимание отсутствие действий в семантическом поле категории, что придает ей устойчивость и стереотипность. Президент – «первое Лицо государства», «главное должностное Лицо страны», «Лицо народа» и пр.

	«Лицо» (38)	
первое (11)	государства (10)	
доверенное (3)	страны (9)	
главное (2)	России (3)	
ответственное (2)	народа (3)	
высшее (2)	нации (2)	

должностное (2)	общества (1)	
вышестоящее (1)		
высокопоставленное (1)		

Категория «Защитник» (32), как и предыдущая, сопровождается развернутым набором атрибутов, фиксирующих объекты «Защиты»: от «прав», «интересов» и «благополучия» народа до «детства», «материнства», «всего» и «всех». Этот всеобъемлющий круг забот Президента позволяет однозначно трактовать категорию «Защитник» как компонент авторитарно-традиционалистских представлений. Этому соответствует и приводимая характеристика «великий».

	«Защитник» (32)	
великий (1)	народа (8)	гарантирует (1)
	граждан (2)	
	отечества (1)	
	материнства (1)	
	интересов (1)	
	детей (1)	
	детства (1)	
	всего (1)	
	всех (1)	
	страны (1)	
	прав (1)	
	права (1)	
	благополучия (1)	
	регионов (1)	
	общества (1)	

Категория «Правитель» (30) принадлежит ко второму типу. Об этом свидетельствует как ее собственное семантическое наполнение, так и соответствующий ряд характеристик и

атрибутов. При этом относительно бедный набор связей и коннотаций отражает низкую эмоциональную значимость категории для респондентов. «Надежный Правитель народа», «государства» устойчивое языковое клише для обозначения фигуры лидера, клише, обусловленное историческим опытом российской государственности.

Категория «Голова» (25) представляет собой несколько архаичный вариант «Главы». Категория соотносится с тем же набором атрибутов-объектов и предполагает единственную функцию «должен думать за народ».

	«Голова» (25)	
	страны (5)	должен 1
	всему (4)	думать 1
	государства (2)	
	России (2)	
	общества (1)	
	народа (1)	

Группа 3. Сопутствующие категории

Сопутствующие категории конкретизируют различные аспекты представлений о Президенте, отражая его функциональные обязанности и ролевые характеристики. В группу сопутствующих попали категории с частотой от 18 до 5 употреблений в базе. Указанный набор включил категории: «Лидер» (18), «Опора» (13), «Забота» (12), «Представитель» (12), «Политик» (12), «Главкомандующий» (11), «Бог» (9), «Судьба» (9), «Личность» (7), «Ум» (7), «Рулевой» (7), «Начальник» (6), «Фигура» (5), «Должность» (5), «Символ» (5), «Вождь» (5). Как и для значимых категорий, в группе сопутствующих наблюдается некоторое преобладание категорий второго типа.

Категория «Лидер» (18) устойчивый элемент современного политического дискурса. Употребляется, как правило, с соответствующей характеристикой «политический». Однако, в исследуемом контексте «Лидер» приобретает несколько иное значение. В семантическом поле категории выделяются традиционалистские характеристики «честный», «большой», что переводит категорию из разряда «современных демократических» в разряд «смешанных».

	«Лидер» (18)	

страны (4)	ведет (1)	выборный (1)
государства (3)		культурный (1)
организации (1)		честный (1)
		жесткий (1)
		большой (1)

Семантическое поле категории «Опора» (13) еще менее разработано и содержит 4 элемента. За исключением единственной характеристики «большая» категория сопровождается рядом объектных атрибутов. При некоторой неопределенности значения в исследуемом контексте «Опора» относится, скорее, ко второму (традиционалистскому) типу. Действительно, образ «станового хребта государственности» с трудом соотносится с современными демократическими представлениями о функциях главы государства.

	«Опора» (13)	
большая (1)	страны (4)	
	народа (2)	
	государства (1)	

Категория «Сила» (12) отличается крайней когнитивной простотой. Ее семантическое поле сворачивается до элементарной констатации, которая отражает противоречивость традиционалистских ожиданий. С одной стороны, «могущество» Президента предполагает его активные действия по защите интересов народа, с другой, это «могущество» не находит выражения в реальных делах.

	«Сила» (12)	
	не может работать (1)	могущественная (1)

Категория «Забота» (12) в исследуемом контексте отражает традиционалистское видение функций Президента. Набор атрибутов объектов «Заботы» конкретизирует эти представления.

	«Забота» (12)	
	(о) людях (4)	
	(о) народе (4)	
	(о) стране (1)	
	(о) благе всех (1)	

Категория «Представитель» (12) в полной мере соответствует представлениям об одной из важнейших функций Президента-политика (первый тип). Дифференцированный набор атрибутов-объектов представительства и соответствующих характеристик помещает категорию в разряд наиболее разработанных.

	«Представитель» (12)	
официальный (1)	страны (2)	
лучший (1)	народа (2)	
верховой (1)	власти (2)	
персональный (1)	(в) мире (1)	
	нации (1)	
	общества (1)	
	государства (1)	
	России (1)	
	(за) рубежом (1)	
	интересов (1)	

Семантическое поле категории «Политик» (12) содержит развернутый набор востребованных качеств демократического Президента, среди которых выделяются требования нравственного характера и запрос на высокие интеллектуальные качества.

	«Политик» (12)	
умный (2)		проводящий (1)
честный (1)		ведущий (1)
разумный (1)		отвечающий (1)
большой (1)		построит (1)
порядочный (1)		
хороший (1)		

Категория «Главкомандующий» (11) или «Верховный главнокомандующий», могла бы быть отнесена к устойчивым клише, по аналогии с «Гарантом». Однако, выбор объектов командирских усилий Президента («граждане», «общество») придает ей оттенок авторитарности. «Главкомандующий» не только зафиксированный в Конституции статус Президента, но и одно из проявлений востребованной заботы.

	«Главкомандующий» (11)	
верховный (2)	гражданами (1)	должен быть (1)
	(в) России (1)	стремится (1)
	корабля (1)	
	(в) армии (1)	
	(в) стране (1)	
	общества (1)	

Достаточно архаичным видится приращение Президенту сакрального статуса. «Бог» (9) выступает конечной инстанцией для апелляций граждан, от него же ожидается помощь и участие.

	«Бог» (9)	
твердый (1)		должен помочь (1)

		можно обратиться (1)
		должен быть (1)
		(ему никто) не перечит (1)

С Президентом связывается «Судьба» (9) «народа» и «страны».

	«Судьба» (9)	
	страны (3)	
	народа (2)	
	людей (1)	
	России (1)	

Важное требование к Президенту — необходимость быть «Личностью» (7), которая сочетает силу с высоким культурным потенциалом.

	«Личность» (7)	
	сильная (1)	
	культурная (1)	

Сопутствующая характеристика «Ум» (7) в исследуемом контексте соотносится с традиционалистским мотивом «вручения себя». «Ум государства» и «народа» — не столько характеристика высокого интеллекта, сколько результат самоуничтожения перед лицом верховной власти.

	«Ум» (7)	
	государства (1)	
	народа (1)	

Президент «Рулевой» (7), воспринимаемый не без доли иронии, также принимает ответственность за судьбы «народа» и «страны».

	«Рулевой» (7)	
	народа (1)	
	«Титаника» (1)	
	государства (1)	
	страны (1)	

Наконец, «главный Начальник (6) над страной», не только занимает «ответственную, руководящую Должность (5)», но и сам по себе «большая, опасная, всеобъемлющая Фигура (5)». Президент это «Символ (5) России» в целом, «Вождь» (5), соединяющий обязанности «Отца» и функции «Руководителя».

Когнитивная структура представлений россиян об идеальном лидере

Согласно принятым в лингвистике традициям, когнитивный анализ языка предполагает установление связей между категориями, описывающими некий объект, и представлениями носителей языка об этом объекте.¹⁰⁸ В соответствии с задачами исследования в ходе анализа высказываний были выявлены два типа категорий, отражающие характерные для современного российского массового сознания культурные модели президентства. Первая, либеральная, модель реализуется в когнитивной схеме с приоритетной категорией «Руководитель». Вторая, авторитарная, модель представлена схемой «хозяин».

В когнитивную схему «Руководитель» могут быть однозначно включены категории «Руководитель», «Лидер», «Представитель», «Политик», «Должность». Из них первая входит в разряд приоритетных категорий, остальные относятся к сопутствующим. Соответственно, в качестве ведущих ожиданий от Президента в данной культурной модели выступает, прежде всего, наличие высокого статуса. Этот статус обусловлен не только позициями во властной иерархии, но и высокими интеллектуальными и нравственными качествами лидера. Мерой легитимности Президента «Руководителя» является процедура демократического избрания на президентский пост. При этом выбранный руководитель должен вести активную политическую деятельность, принимая важнейшие решения, отстаивая интересы граждан.

Значительно менее востребованы представительские функции Президента. Подчеркиваются высокий статус и официальный характер этого представительства. Деятельность Президента конкретизируется через ожидание от него разумной, взвешенной политики и требование ответственности за принятые решения.

Когнитивная схема «Хозяин» гораздо более развернута. В ее структуру однозначно могут быть включены категории «Хозяин», «Царь», «Отец», «Защитник», «Правитель», «Голова», «Опора», «Сила», «Забота», «Бог», «Судьба», «Ум», «Рулевой», «Символ» и «Вождь». Очевидна высокая степень разработанности и конкретизации авторитарно-традиционалистской модели. Президент, прежде всего, должен быть настоящим хозяином для России, что означает полноту его власти, упорство в проведении своих решений. В то же время Президент обязан рачительно относиться к доставшемуся ему «хозяйству», сохраняя и преумножая накопленное трудом многих народных поколений. Характерна потребность в жесткой и сильной власти, схожей с властью отца в патриархальной семье. Ярко выражены ожидания солидности, степенности от президентской фигуры. Это требование диктуется почти сакральным статусом главы государства. Православие и даже святость Президента предполагают его неустанные труды на благо народа. Президент должен «болеть» за народ, заботиться о нем, великодушно прощая его недостатки, защищая его благополучие. Президент как истинный «Хозяин» и «Голова» воплощает в себе все нравственные и интеллектуальные качества своего народа, служит ему опорой в горе и в радости.

В целом, заметное преобладание авторитарно-традиционалистской модели президентства по сравнению с демократической свидетельствует о том, что заимствованные с Запада представления о Президенте, его месте и роли в современной политике оказались освоены на самом поверхностном уровне и очевидным меньшинством россиян. В текущей политической практике основную роль в восприятии Президента, оценке его деятельности продолжают играть ценности и ожидания, основанные на историческом опыте царской, патриархальной России. В то же время развитие современной российской государственности приводит к интерференции и синтезу двух культурных моделей. На основе соединения демократических и традиционалистских ценностей формируется новая, уникальная модель специфически российского президентства. Однако в ходе этого синтеза остаются актуальными разнонаправленные, подчас противоположные, ожидания граждан в отношении фигуры лидера. Действующий Президент и ведущие политики, стремясь завоевать и удержать общественную поддержку, вынуждены играть роль Двуликого Януса, совмещая противоположное, соединяя несоединимое.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что анализ социальной категоризации политики как метод изучения массового сознания обладает высоким научным потенциалом. В ходе исследования были выявлены две противоположные культурные модели, в которых происходит восприятие и оценка фигуры Президента, показана тенденция к синтезу

демократических и традиционалистских ценностей и ожиданий. Дальнейшее совершенствование методики связано, прежде всего, с применением строгого математического аппарата, процедур кластерного и факторного анализа для более четкой фиксации когнитивных структур, создания устойчивой матрицы сравнения представлений об идеальном лидере и реальных политических фигурах.

Киктева Е.А.

Особенности формирования негативного образа политического лидера

Идея изучения особенностей восприятия и формирования негативного образа возникла из реальной ситуации в одном из российских регионов, где муниципальная и республиканская власти находятся в конфликте, и последняя, имея целью на очередных выборах продвинуть своего сторонника и контролируя большинство СМИ в республике, формирует негативный образ главы самоуправления города.

В последние годы контрпропаганда стала неременным атрибутом практически любой избирательной кампании. Традиционное недоверие к власти у наших граждан и неудовлетворенность любой властью любого уровня облегчает приписывание политикам негативных характеристик. При этом исследованию формирования негативного образа в восприятии не уделяется достаточно внимания в сравнении с практикой по его созданию. Вопросы, как и раньше, больше чем ответов, опыт ускользает вместе с неисследованным материалом, накапливаемым в предвыборных кампаниях. В частности, не подвергались анализу такие давно подмеченные моменты, как неоправданно высокое доверие к «негативу» у наших граждан, легкость его проникновения в сознания избирателей, глубина и прочность его «застревания» в памяти.

В данной работе будут прослежены особенности восприятия негативного образа, рассмотрены некоторые феномены, связанные с тем, как информация о политике, преломляясь сквозь механизмы восприятия, воздействует на формирование образа политика и электоральные намерения. Объектом исследования стал образ лидера городского уровня (главы самоуправления столицы субъекта РФ), формирующийся под влиянием двустороннего воздействия информационных источников сторонников и противников. Количественное и качественное исследование восприятия проводилось на протяжении года в сочетании с количественным и качественным анализом продукции средств массовой информации. Проективные методы в фокусированных интервью (ассоциации с цветом,

запахом, животным, рисунки несуществующего животного) служили для выявления эмоциональных и неосознаваемых уровней восприятия политиков респондентами.

Социально-политический контекст

Два региональных лидера находятся в конфликтных отношениях друг с другом по многим принципиальным экономическим и политическим вопросам. На протяжении последних нескольких лет неизменно высоким доверием пользуется действующий глава республики (по разным исследованиям от 46 % до 68 %) и постоянно снижающимся глава столицы (около 18 % в декабре 2000 г., 10 % в июле 2001 года, 6 % в ноябре 2001 г.).

В течение года увеличивается число жителей города, считающих, что в республике экономическая ситуация значительно ухудшается, одновременно более 47 % уверены, что республике нужен тот же самый руководитель. Увеличивается число жителей города, считающих, что в столице ситуация стабилизируется и частично улучшается, при этом более 70 % горожан считают, что городу необходима смена главы. При этом при перечислении критериев «за» и «против» отмечается, что электоральный выбор определяется результативностью деятельности политика.

Информационное воздействие

Согласно результатам контент-анализа средств массовой информации, весной 2001 года в электронных СМИ глава республики упоминается более 250 раз, в их числе более 55 % положительных упоминаний, около 30 % нейтральных, около 10 % нейтрально-негативных); мэр города упоминается 80 раз, из которых более 80 % негативных упоминаний, около 15 % нейтральных. В конце лета 2001 года из общих (по всем СМИ) 414 упоминаний администрации столицы всего 6 позитивных.

Для дискредитации главы города противниками используются ряд отобранных тем, в частности сюжет о возможном соучастии мэра в уголовном деле (об этом только за 5 месяцев выходит 68 публикаций негативного характера). Позитивно и нейтрально настроенные СМИ не в состоянии составить конкуренцию более многочисленным изданиям, выступающим на стороне главы республики против мэра. Большинство так называемых независимых источников также лишают голоса представителей оппозиции, мотивируя свою позицию интересом продавать информационное пространство целиком «в одни руки». В этих условиях единственными возможными каналами для мэра становятся немногочисленные СМИ и встречи с населением.

Для формирования негативного образа противниками в основном используется стратегия «хвостов» и «взрывающихся бомб». Первое это постоянные на протяжении длительного

времени (не менее года) упоминания по поводу и без повода запущенных в разное время в информационное поле «грехов» «антигероя» и объяснения как бы «между прочим» причин его «плохого» поведения (то, что называется «промыыванием мозгов», например: «обязательства перед спонсорами, да и просто стремление сохранить хорошую мину при плохой игре заставляют его опять баллотироваться»). Причем все используемые СМИ сюжеты скоординированы, усиливают друг друга и не вызывают когнитивного несоответствия. На данном фоне периодически вбрасывается «бомба» серьезная разоблачительная информация, связанная с уголовными преследованиями. На определенное время эта тема почти на три четверти, по цифрам контент-анализа, блокирует все медиа-пространство и оплодотворяет подготовленную в сознании жителей почву. Иными словами, подкрепляет созданную ранее негативную установку, после чего прораствание и фиксирование негатива обеспечивается продолжающимися «хвостами». Таким образом созданный эмоционально-негативный фон восприятия получает рациональное обоснование («причину») и закрепляется и на осознаваемом уровне, давая возможность гражданам производить «аргументированные» мнения, суждения и решения о голосовании, воспроизводящие, на самом деле, навязанные клише.

Кроме того, в печатных изданиях уделяется особое внимание воздействиям на эмоциональный, неосознаваемый уровни посредством визуально-семантического подкрепления, для чего служат тщательно отобранные фотографии, акцентирующие внешнюю непривлекательность, в сочетании с острыми заголовками, например, «уши, зубы и хвосты» (причем изображения и заголовки могут относиться к разным, как будто независимым друг от друга материалам, главное, чтобы на полосе имела место их пространственная близость, формирующая неосознаваемые ассоциации).

Так как в период избирательных кампаний доверие к контрпропаганде резко снижается, обеспечить высокую степень доверия к негативной информации особенно важно в межвыборный период, чтобы выборы стали только естественным продолжением кампании. Подобный подход в формировании образа обеспечивает устойчивость сформированного отношения на разных уровнях и во многом определяет дальнейшую работу сознания с поступающей об объекте информацией. Новая отрицательная информация о политике легко фиксируется в сознании, воспринимается с доверием, хорошо запоминается, долго удерживается в памяти, блокирует поступление альтернативных сведений, либо организует их непротиворечивым образом в сложившуюся схему. Устойчивая негативная установка поддерживается в согласованном состоянии, оказываясь практически неуязвимой для диссонансной информации («ну, если он и не плохой человек, может быть даже и не вор, то, значит, у него плохая команда, которая его подставляет, значит, не умеет выбирать и организовывать правильных людей, значит все равно плохой политик»). Компоненты установки компенсируют друг друга, и поведенческий аспект, в свою очередь, начинает воздействовать на рациональный уровень («есть более чем достаточно оснований, чтобы за него не голосовать, поэтому уже не имеет значения то, что в чем-то он и неплохой человек»). Основания для переструктурирования опыта сводятся к нулю, так как защитная функция не позволяет подвергать разрушению созданное представление об объекте восприятия, а систематической работы с информацией, требующей особой мотивации, гражданами не

производится.

Рассогласованность в структуре восприятия

На первом этапе воздействию подвергается преимущественно эмоциональный уровень восприятия. Проективные методы выявляют рассогласование образа на осознаваемом и неосознаваемом уровне. Признание политика непривлекательным вкупе с вытесненной высокой степенью эмоционально отрицательного отношения к нему (отвращение, гнев, презрение, страх) сочетается у респондентов с нейтральным и нейтрально-негативным отношением на рациональном уровне. Отрицательная установка, неосознаваемое эмоциональное отношение переносится на рациональные оценки, чему благоприятствуют негативные представления о мире политики в целом. Так, высказывая негативное отношение к внешности, личности политика («непривлекательный, неумный, неэффективный, обычный, неинтеллигентный»), респонденты не могут объяснить, чем вызвано такое мнение, и на вопрос «чем он плох, что именно негативного/позитивного сделал для города и его жителей» дают стереотипные ответы о неэффективности, нечестности, непривлекательности власти вообще («все врут, все ничего не делают, все воруют и не выполняют обещаний, почти все плохо образованы»). При этом эти же высказывания практически повторяют ответы на аналогичные вопросы, касающиеся оппонента, главы региона, которого воспринимают как очень привлекательного и активного на бессознательном уровне, позитивно оценивают (и как человека и как политика) на рациональном уровне («привлекательный, умный, эффективный»), и собираются за него голосовать. Получается, что и «плохой» и «хороший» политики, по ответам горожан одинаково «эффективны» в своей деятельности («плохо решают проблемы города и республики, повышение цен, невыполнение обещаний, жилищные проблемы» и т. п.). При этом в рациональных обозначениях критериев оценки неизменно называются результаты деятельности «судим по делам». В попытках все же обосновать свою иррациональную симпатию и антипатию конструируются любые аргументы, вплоть до таких, как «он молодец, так как, несмотря на свою огромную занятость, находит время, чтобы приехать на телевидение и обратиться к гражданам, а этот не находит, ни одной минутки не выделит, чтобы по телевизору выступить, значит, пренебрегает людьми, игнорирует!».

Критерии выбора. Идеальный прототип

Для определения того, влияют ли на формирование негативного образа и каким образом, электоральные ожидания и идеальный прототип, был произведен соответствующий анализ. Какие же требования выявляются у жителей на рациональном и неосознаваемом уровнях, и каковы же в конечном итоге причины, по которым они отдают свои голоса? Тот факт, что

при отмечаемом улучшении экономической ситуации оценка деятельности мэра продолжает ухудшаться, и напротив улучшается восприятие главы республики, еще раз демонстрирует, что определяющими в отношении и, в конечном счете, в поведении являются эмоциональные (неосознаваемые), а не рациональные оценки. Граждане считают, что склонны поддерживать политика «за хорошие дела», тогда как бессознательно отдают предпочтение «привлекательности» и «масштабу личности», что выявляется через проективные методы. И, как было сказано, разрыв между своими собственными декларируемыми и реальными предпочтениями жителями не осознается. В ответах на прямые вопросы они традиционно настаивают на том, что внешность, привлекательность (в особенности физическая) политика не существенна, важна его деятельность, профессионализм, результаты. И это находит подтверждение в количественном опросе: 79 % считают, что для политика наиболее важно знание проблем города, 77 % деловая хватка, энергичность, 54 % опыт хозяйственной деятельности, 53 % ум и образование, и только 5 % привлекательность.

Такое расхождение между неосознаваемыми и рациональными ожиданиями говорит о противоречии между социально-приемлемыми стереотипными мотивациями и действительными потребностями граждан. Для жителей данного региона большой ценностью оказывается имиджевая сторона власти, им важно, как их оценивают со стороны: «наш лидер, наша власть – это лицо нашего города, по нему судят о нас»; лидер должен быть таким, чтобы можно было с ним себя и свой город идентифицировать (при этом, само собой, конечно, он должен решать задачи, то есть выполнять свои непосредственные обязанности). Такая мотивация, в частности, возможно, связана с высоким образовательным уровнем жителей, косвенным показателем чего может являться легкость ассоциаций, которую продемонстрировали респонденты этого города по сравнению с другими российскими регионами. Кроме того, важным фактором оказывается специфика их патриотического самосознания, и горожане считают существенным донести это до других с помощью достойного образа власти («наш город – это интеллигентный, образованный, европейский центр, мы достойны лучшего»). Можно предположить своеобразное раздвоение в сознании идеального прототипа для «внешнего употребления» и «внутреннего», тогда и требования в отношении деловых характеристик обретают свое место.

Представительный, «презентабельный» образ руководителя города проистекает и из образа предыдущего деятеля, занимавшего этот пост, и сформировавшего определенный эстетический стереотип (своего рода «первая любовь», которая диктует поиск аналогичного типажа). Наконец, связь образа власти с эстетическими потребностями на бессознательном уровне закрепились в связи с имиджевыми преобразованиями в городе, произведенными предшественником: при ответах на вопрос «назовите первое, что приходит вам в голову в связи с образом главы вашего города» жителями называются архитектурные объекты, строительство новых кварталов, внешняя европеизация города (можно заметить, что и образ мэра российской столицы мог способствовать закреплению подобного стереотипа).

Привлекательность в образе политика служит еще и экраном для проекции положительных эмоций, и спасает жителей интеллигентного города от «медиа-терроризма»: «мы же вынуждены на него смотреть изо дня в день, это же вытерпеть невозможно!». Подобный контрастный фон ожиданий еще более подчеркивает весь негативизм образа действующего

политика и его неприемлемость, приводя граждан к радикальному решению «кто угодно, только не он».

Парадоксы в обработке информации. Эвристическая обработка информации¹⁰⁹

Сформированные в восприятии респондентов готовые схемы, ригидная установка фильтруют позитивную информацию и препятствуют образованию причинно-следственных связей. Как уже было сказано выше, положительная корреляция между восприятием позитивных изменений в жизни города и положительными оценками деятельности мэра отсутствует, равно как и между негативными изменениями в республике и восприятием главы республики. Суждение о лидерах и желание их поддерживать проистекают из иррационального отношения, которое воздействует и на специфическую схему организации поступающей информации. Негативная установка активизирует механизмы приписывания, способствует канализации любой негативной информации и благоприятствует деструкции каузальных связей.

Какие же объяснения парадоксам в собственных высказываниях находят сами респонденты? Большинство положительных изменений в городе жители объясняют чем угодно, только не реальной причиной, тогда как все «плохое» приписано неизменно «козлу отпущения», в том числе и те явления, которые никаким образом не могут относиться к сфере его компетенции (распространенная шутка, отражающая почти реальное положение вещей: виноват в том, что зимой холодно, летом жарко). По словам горожан, воспроизводящих информационные клише, кроме него ответственность за все беды несет, разве что «вся система», которая «никуда не годится».

Что касается положительных фактов, при выстраивании предположений «в связи с чем жизнь улучшается», присоединения следствия к причине горожанами также не происходит, формирование гипотез возникает из уже имеющейся установки и направлено на ее согласование и укрепление. Положительные изменения в жизни приписываются, в первую очередь, самим себе («люди сами стараются улучшить свою жизнь»), во-вторых, некой безличной фаталистической силе, «естественному ходу вещей» («все само собой постепенно изменяется, в том числе и в лучшую сторону»), в-третьих используются опять же готовые схемы, почерпнутые из средств массовой информации («в стране сейчас ситуация стабилизации и экономического роста»), наконец, главный носитель положительного образа в регионе (глава республики) также имеет отношение к улучшению жизни, даже если ситуация никак не относится к его компетенции. Надо заметить, что в массовом сознании жителей данного региона отсутствуют четкие представления (как и во многих других регионах) о функциях того или иного уровня власти, и наблюдается тенденция приписывания ответственности в зависимости от удаленности лидера: чем «ближе», тем более виноват. Способствует подкреплению сложившейся схемы и «логика наглядности»: нерешенные

проблемы повседневного существования, проигнорировать которые проблематично, объясняются бездейтельностью «антигероя», решенные (те же самые проблемы) эффективностью «героя».

Одним из примеров искажения информации на стадии переработки является и восприятие личностных особенностей политика, также по принципу «виноват во всем» («всегда в своих дорогих костюмах постыдился бы без конца демонстрировать свои преимущества деньги ведь у жителей украл»), и одновременно «пришел на детский концерт в свитере совсем уважение к людям потерял»). Новые негативные сведения воздействуют на усиление отрицательного отношения к наиболее уязвимым сторонам политика, независимо от того, связаны ли эти факты с данными чертами. «Кривое зеркало» восприятия до неузнаваемости искажает личностные качества, переворачивая все буквально верх ногами. Так, высокая энергетика превращается в «пронырливость», «корысть», «агрессивность». Настаивание на своей точке зрения в принципиальном вопросе воспринимается гражданами как упрямство, недальновидность, карьеризм. Напротив, гибкость и способность идти на компромиссы в решении некоторых проблем, открытость разному опыту как беспринципность, несамостоятельность, отсутствие своей позиции и т. п. Первое и второе в сочетании с необаятельной внешностью и грубоватыми манерами «спортсмена-военного» провоцируют усиление ложных корреляций приписывания тупости, недалекости, необразованности. Посылаемые окружающим разнородные сигналы провоцируют конфликты когнитивного несоответствия, неизменно разрешающиеся через негативные приписывания. Сознание стремится во всем снимать противоречие и достигать отрицательной конгруэнтности образа политика: «он не может, не хочет, не делает».

Связь воздействия позитивной-негативной информации и формирования негативного образа с возрастом

В исследованиях проявилась тенденция, показывающая связь между восприятием негативного образа и возрастом. Так, представители старшего поколения (55 лет и старше), наиболее подвержены информационным воздействиям негативного характера, воспринимают их с высокой степенью доверия, обнаруживают наиболее согласованное на всех уровнях (рациональном, эмоциональном, осознанном и неосознаваемом) восприятие. Наименее подвержен негативной информации младший возрастной уровень (18-29 лет), оказавшись наиболее восприимчивым к позитивной. Что касается людей 30-55 лет (преимущественно работающих, с высшим и средне-специальным образованием), то, во-первых, у них оказалось амбивалентное отношение к воспринимаемой информации, как позитивного, так и негативного характера, во-вторых, восприятие в этой группе оказалось самым ригидным, слабее всего подверженным динамике. Мы предполагаем, что первый факт связан с тем, что старшему поколению свойственна повышенная внушаемость, усиливающая некритическое восприятие медиасообщений особенно на бессознательном уровне (о чем свидетельствует согласованность, целостность восприятия). Негативный образ политика более соответствует

их представлению о действительности, созвучен с пессимистичным ощущением жизни («все плохо, и лучше не будет»), коррелирует со стереотипами о современном мире политики как сосредоточении «всевозможных грехов». Кроме того, они – главные потребители местных СМИ. У молодежи (преимущественно европейски ориентированные студенты) преобладает общепозитивное восприятие действительности, эта группа отдает предпочтение информации центральных, а не региональных СМИ. Образ главы города у этой аудитории далек от действительности, они хуже всего его знают, при этом склонны приписывать больше позитива и подбирать оправдания отрицательным фактам его деятельности и биографии («молодой, значит энергичный, перспективный») не ошибается тот, кто ничего не делает) жизнь на глазах улучшается, у нас становится больше возможностей, значит и он к этому руку приложил) может он и вор, но раз для себя хорошо ворует, то и для города хорошо сможет!»). Средняя аудитория относится с недоверием к сообщениям любого рода, особенно не расположена оценивать и анализировать качество предлагаемых аргументов и «за» и «против», равно как и менять сложившееся представление. Поэтому ригидность имеет, скорее всего, защитный характер, обеспечивая подтверждение правильности убеждений и выбранных поведенческих решений. Наибольшее доверие в этой группе оказывается к нетрадиционным источникам информации, таким, как слухи. Интересно, что у старшего поколения на неосознаваемом уровне образ оказывается подвержен позитивной динамике (оценки сдвигаются в сторону привлекательности и агрессивности, особенно после «перегиба» с негативом), а у средней аудитории, наибольшая непривлекательность на бессознательном уровне сочетается с нейтральным ровным отношением на рациональном. Симпатия на рациональном уровне так же увеличивается после массивного вброса обвинений, при этом решение о голосовании «против» укрепляется еще больше. Молодежь и средний возраст конструируют аргументы в обоснование своих рациональных позиций и представлений, а старшее поколение – в поддержку своих эмоциональных состояний (по типу депрессия ищет причину).

«Контрустановочное» поведение и динамика восприятия

Еще одной демонстрацией ригидности негативного образа, а также гипотетическим подтверждением эвристической тенденции в работе с информацией можно считать тот факт, что граждане во многих случаях не устанавливают связи между поддерживаемой (одобряемой, принимаемой) ими политикой и позитивным отношением к лидеру, ее осуществляющему, даже при условии их собственного участия в реализации его политики.

Многими исследователями отмечается, что коррекция сложившихся убеждений, представлений возможна через изменение в поведении, через приобщение к деятельности, противоречащей сформированным мнениям. Если говорить в терминах установки, то вовлечение в контрустановочную деятельность повышает вероятность изменения

аттитюда.¹¹⁰ Но в нашем случае, как мы уже сказали выше, сформированное негативное отношение к политику оказалось настолько устойчивым, что не наблюдалось и малейших

подвижек в переломе ситуации. Так, например, попытка на практике реализовывать механизмы общественного самоуправления в городе приводит к тому, что люди еще легче и быстрее приписывают удачи и позитивные сдвиги самим себе, а не проводнику политики самоуправления; проводимый референдум собирает большое количество голосов в поддержку выдвинутых предложений, при этом люди, его поддерживающие, все равно собираются голосовать против инициатора поднятых на референдуме вопросов и т. п. Если люди добровольно привлечены лидером к осуществлению единых целей, которые они поддерживают («на благо города»), это все равно существенно не изменяет их к нему отношения: то, что политик выполняет важные для города задачи, не ставится ему в заслугу, так как «решать городские задачи — это его обязанность». Если развивать подобную «логику», выходит, что не оправданно зарабатывать очки на том, что политик выполняет свои функции, он должен выходить за рамки возложенных на него полномочий, и заслуживать расположение избирателей каким-либо дополнительным образом (что, конечно, противоречит их же собственным суждениям о том, что они судят и выбирают «по делам»). Если говорить о возможности изменения мнения, одним из ключевых факторов оказывается сочетание временного промежутка и степени глубины «негативизма» (а также уровня вовлеченности в деятельность, с точки зрения близости/удаленности от принятия решений).

«Предел негатива»

Еще один любопытный феномен был обнаружен в результате количественного измерения отношения жителей к руководителю города, которое было произведено после заявления во всех СМИ о начале следствия по уголовному делу, одним из фигурантов которого является глава самоуправления. По мнению противников, такой шаг должен был иметь эффект взорвавшейся бомбы (это было одним из «пиковых» этапов информационной кампании), подорвать самообладание мэра и его команды и привести к полной и окончательной деградации общественного мнения. Но полученный результат (количество сторонников мэра, по сравнению с предыдущим опросом, статистически не уменьшилось) позволил выдвинуть гипотезу о существовании некоторого «предела негатива». Мы предположили, что, во-первых, есть определенное количество сторонников, не подверженных информационным воздействиям (даже при столь серьезных обвинениях). Во-вторых, с «негативом» опасно перебарщивать: он инициирует дополнительные дискуссии, активизирует различные приписывания и начинает давать обратную реакцию (появление чувства сострадания к «мальчику для битья», который легко преобразуется в «борца-одиночку», и ощущения несправедливости, что «все на одного», «а кто у нас не ворует», «ему просто не повезло» и т. п.). Образ подвергается рассогласованию на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Проективные методы обнаруживают позитивную динамику в восприятии, в особенности по факторам привлекательности и активности при сохранении неизменным негативного отношения на рациональном уровне (вплоть до того, что «вор должен сидеть в тюрьме»). Увеличивается дельта между рейтингом доверия, остающимся практически неизменным и электоральным намерением отрицательного голосования. Таким образом, даже серьезные

фактические обвинения, выдвигаемые против политика, на определенном этапе уже не увеличивают число его противников, но, закрепляя негативный образ в глазах «убежденных» противников, понижают планку его проходимости на выборах.

Игра на чувстве презрения

Как правило, контрпропаганда, черпающая свои технологии из теории и практики информационных войн и советской пропаганды, строится на формировании образа врага, мифологизации и демонизации злого гения. Ведущей мишенью воздействия становится страх, сильное чувство, возвышающее того, кто его вызывает, заставляющее сплотиться в борьбе против него. Другой достаточно распространенной является стратегия осмеяния, в основе которой формирование ироничного отношения к политической фигуре.

В рассмотренном случае разворачивается дискредитация, «повседневизация» образа («мало того, что он такой же как мы, он намного хуже»), рисуется образ «никудашного человека», «урода в семье», от которого нужно поскорее избавиться, потому что вся семья несет на себе печать этого уродства. Основное спровоцированное чувство — это презрение к нему, стыд, что выбрали себе «такого», желание уйти от собственного позора. Соответственно основное воздействие строится на активизации защитного механизма коллективной самооценки, инициированные негативные эмоции увязываются с жертвой контрпропаганды, и эта спайка программирует сознание на избавление от нее, как от больного зуба.

Продолжительная направленная работа по формированию негативного восприятия политика, ведущее место в которой принадлежит средствам массовой информации, в итоге не только препятствует дальнейшему развитию политической карьеры данного деятеля, но способствует фиксации негативного отношения граждан к российской политической сфере в целом, облегчая дискредитацию в их глазах действующих в ней фигур.

Пищева Т.Н.

Образы политиков: особенности коммуникаций и барьеры восприятия

Радикальные преобразования общества и необходимость учета общественного мнения при

принятии любых решений обуславливают повышенный интерес к проблеме оценки личности политических деятелей их избирателями. В связи с этим чрезвычайно важен анализ процессов восприятия политиков различными группами населения. Знание отношения людей к конкретному политику позволяет определить ожидания, связанные с его деятельностью, а также границы, за которыми поступки и решения лидеров могут вызвать неприятие проводимого ими курса и резкую смену настроений в обществе.

Перед исследователями встает вопрос: на основании каких данных избиратели делают свой выбор, какие качества политика имеют для них принципиальное значение, а какие просто не замечаются, каковы механизмы этого сложного процесса, влияющие на конечный результат голосования «за» или «против» кандидата?

Г.Г. Дилигенский считает, что характерной чертой современного политического лидерства является «дистанционность».¹¹¹ Ее особенность в том, что лидер и последователи, как правило, не имеют прямых контактов между собой. Их отношения опосредуются средствами массовой информации, организациями, людьми, обслуживающими государственную политическую машину и т. д. Для того чтобы разобраться в огромном количестве факторов и влияний необходимо вычлнить те компоненты и механизмы, которые непосредственно воздействуют на сам процесс коммуникации.

В дальнейшем под политическими коммуникациями мы будем понимать систему взаимоотношений политика и избирателей, включающую в себя кроме этих двух компонент и целый ряд факторов, оказывающих на этот процесс воздействие. В упрощенном виде система политических коммуникаций выглядит следующим образом.

Первый компонент системы политических коммуникаций — это **окружающая среда**, которая включает объекты или события социальной действительности, окружения. Ее особенность в том, что она не только оказывает сильное влияние на весь процесс политических коммуникаций в целом, но и на каждый его элемент в отдельности, создавая, таким образом, двойные, иногда очень противоречивые, связи с субъектами и отдельными элементами процесса.

С одной стороны, окружающая среда определяет коммуникационный процесс, на нее ориентируются все его участники и она является той предметной областью, из которой выбираются информационные поводы для коммуникации. С другой стороны, с помощью коммуникации различные факты, политические события и вообще социальная реальность может интерпретироваться как в выгодном для политика свете, так и не очень, навязывая широкой публике нужное понимание и вытекающие из этого действия.¹¹²

Гибель подводной лодки «Курск» вызвала огромный резонанс в общественном мнении как внутри страны, так и вне ее, что поставило российское правительство в жесткие условия принятия решения. Несмотря на то, что дальнейшие события вызывают очень противоречивые слухи и комментарии, нельзя не согласиться с тем, что предпринятые под давлением общественного мнения Правительством и лично Президентом действия стали сами формировать событийную канву и оказывать влияние на общественное сознание.

Вторым компонентом и собственно «действующим лицом» политических коммуникаций

является сам **политик**. Он появляется как источник сообщения, а часто и как информационный повод для ситуации коммуникации. Политик заинтересован в том, чтобы его сообщение достигло аудитории, для этого он готов демонстрировать эксцентричные формы поведения или провоцировать создание кризисных ситуаций. В такой ситуации сама информация, которую политик передает, служит лишь поводом для его появления в информационном поле. Таким образом, в сообщении, передаваемом политиком необходимо разделять два уровня: собственно информацию об объектах и событиях социальной реальности и информацию об источнике сообщения (т. е. политическом лидере).

Первая часть сообщения несет в себе субъективный взгляд политика на ситуацию, факты или проблему, а вот вторая содержит информацию о передающем сообщении политическом лидере: его политическую и идеологическую позицию, нравственные и морально-этические принципы, статусно-ролевые и личностные характеристики, т. е. тот комплекс свойств, качеств и характеристик, которые составляют в совокупности имидж политического лидера. Через отдельные его элементы аудитории передается информация об особенностях личности политика, его мотивах и потребностях, моральных и этических принципах, профессионализме. Имиджевая составляющая сообщения включает в себя как внешние проявления (такие как одежда и прическа политика, его голос), так и содержательную наполненность выступления, пространственную и временную его организацию.

Третьим компонентом политических коммуникаций являются каналы передачи информации или **коммуникаторы**. Среди других возможных способов передачи сообщения от политика аудитории (митинги, демонстрации, личные встречи) в современном коммуникационном поле доминирующее положение занимают средства массовой информации и особенно телевидение. Именно от СМИ зависит отбор и объем информации из той, что предлагает сам политик. Одной из особенностей современных политических коммуникаций является то, что информация к каналам-коммуникаторам может поступать как от источника сообщения, так и непосредственно из окружающей среды. Кроме того, средства массовой коммуникации в ряде ситуаций являются и проводником обратной связи от аудитории к политику, публикуя рейтинги, результаты опросов, устраивая прямые эфиры или комментируя высказывания или поведение политика.

Четвертой компонентой политических коммуникаций является **аудитория**. Полученная информация о политике проходит процесс декодирования, расшифровки, где каждый имиджевый символ соотносится с системой понятий, знаний, стереотипов, культурных и исторических фильтров. Результатом этого является некая картинка или публичный образ, который формируется у избирателя и определяет его отношение к данному политику, а также желание или нежелание его поддерживать.

Исследования, проводимые на кафедре политической психологии МГУ на протяжении последних 10 лет ¹¹³ показывают, что граждане имеют специальные психологические инструменты, которые им позволяют с достаточной степенью вероятности определить особенности личности политика. ¹¹⁴

Избиратели на основе получаемой информации четко строят собственный психологический профиль политика. Он, как правило, не формулируется и не имеет жесткой структуры.

Однако при ответах респонденты в большинстве случаев без особых затруднений могут охарактеризовать политика с точки зрения его основных качеств. Безусловно, этот отраженный профиль может полностью и не совпадать с психологическим профилем реального политика. Это связано с тем, что, передача информации о личности политика опосредуется имиджевыми структурами, в которых соединяются и особенности личности политика (они часто оказываются тем фактором, который оказывает решающее влияние на весь процесс взаимодействия политического лидера с окружающим миром), и работа профессиональных консультантов, имиджмейкеров, пиарщиков, которые в большинстве случаев сознательно и часто искусственно формируют и контролируют характеристики политического лидера.

Методология исследования

Задачей нашего исследования был поиск причин «затрудненного общения»¹¹⁵ политика и избирателей, выделения факторов, определяющих успешность и неуспешность политических коммуникаций, а также барьеров восприятия через анализ публичных образов и имиджей политиков и их сопоставление.

При анализе ситуаций затрудненного общения В.А. Лабунская предлагает использовать подход, который обозначается как «личность в ситуации», что позволяет наиболее полно отразить существенные для ситуации затрудненного взаимодействия характеристики:

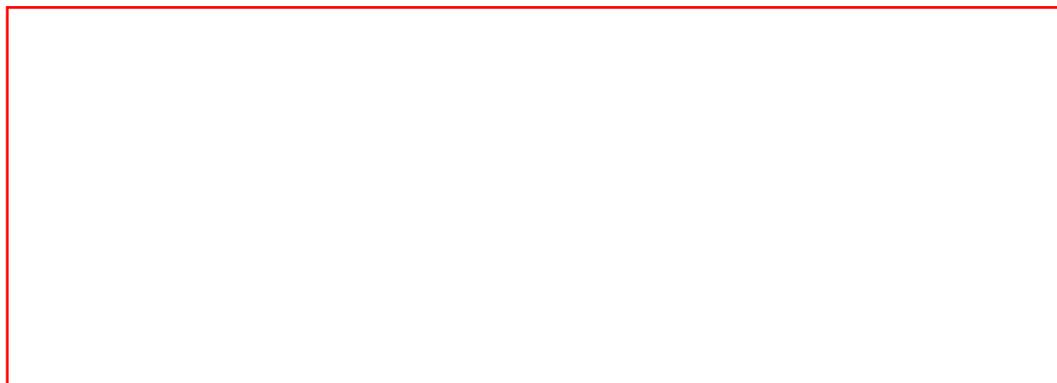
1) наличие барьера на пути достижения целей партнеров; 2) увеличение нервно-психического напряжения; 3) демонстрация непонимания; 4) сбои в интеракции.¹¹⁶

Эти критерии мы использовали для выделения ситуаций затрудненного общения в политических коммуникациях и в дальнейшем проводили сопоставление публичного образа политического лидера (сложившегося у избирателей) и его имиджевых составляющих (выделенных при анализе видеозаписей выступлений политика, публикаций рекламного и PR-характера, биографий политиков). Надо сказать, что мы не проводили анализ и разбор конкретных ситуаций взаимодействия политика и аудитории. Наше внимание было сосредоточено на изучении более устойчивых тенденций в политическом восприятии.

При их анализе использовались измерения, предложенные Е.Б. Шестопал (в основе которых лежит концепция Дж. Осгуда): привлекательность, сила и активность.¹¹⁷ Кроме того, мы выделили в качестве самостоятельных два дополнительных измерения: статусно-ролевые характеристики образа и его мотивационная структура. Добавление этих двух параметров оценки обосновано тем, что, с одной стороны, восприятие политика в значительной степени зависит от соотношения статуса политика, места, на которое он претендует или уже занимает, и уровня выборов регионального или федерального. С другой стороны, на отношение к политическому лидеру оказывают большое влияние представления избирателей о том, что руководит этим политиком, зачем ему нужна власть.

Используя обозначенные выше личностные измерения, мы построили соответствующие шкалы, которые позволили рассмотреть образ политика в комплексе его проявлений. А, учитывая то, что выбор гражданами конкретного политика подчас основывается на системе ценностей, которая может не совпадать с социально одобряемой, и в таких случаях «подлинные ценности, служащие основой для голосования, не осознаются человеком и носят иррациональный характер»,¹¹⁸ по каждой шкале мы анализировали как сознательные (или рациональные), так и бессознательные (иррациональные) уровни.

Схема 1: Психологические шкалы измерения образа политика

Объектами нашего исследования являлись образы более 30 российских политиков (федерального и регионального уровней), наибольшее внимание, однако, было уделено двум из них – Г.А. Зюганову и В.В. Путину. Выбор именно этих политиков для данного исследования определялся тем, что, с одной стороны, эти политики занимают лидирующее положение на нашей политической сцене, с другой стороны, один из них – действующий Президент, второй – в течение длительного времени претендует на этот пост; к тому же лидерство В.В. Путина, если верить многочисленным социологическим и психологическим исследованиям, публикуемым в СМИ рейтингам, оказывается едва ли не самым успешным среди всех современных российских политиков, в то время как лидерство Г.А. Зюганова постоянно проходит проверку на прочность и, по мнению тех же СМИ, не всегда ее выдерживает.

Анализ образов этих политических лидеров проводился на следующих материалах: 1) видеозаписи выступлений этих политиков за период 2000–2002 года по каналам ОРТ, РТР, НТВ; 2) данные фокусированных интервью, проведенных по общей методике с предъявлением в качестве стимульного материала фотографий политиков.

Барьеры в восприятии образов российских политиков

Анализ имиджевых составляющих и публичного образа политика позволяет выделить несколько групп барьеров, которые мешают лидеру в процессе политических коммуникаций

быть услышанным, понятым и принятым аудиторией. Следуя приведенной выше схеме все эти барьеры мы можем разделить на:

1. Барьеры в восприятии личности политика (барьеры личностной привлекательности).
2. Барьеры в выражении и восприятии личностной силы политика.
3. Барьеры в выражении и восприятии личностной активности политика.
4. Барьеры в восприятии мотивации лидера к достижению власти.
5. Барьеры в статусно-ролевом восприятии политика.

Привлекательность — один из главных факторов успешности политика. Она определяется как результирующая внешних, телесных, морально-этических, психологических, политических, профессиональных и деловых качеств политика¹¹⁹. Привлекательность конкретного политика не остается жесткой и неизменной на протяжении всей его политической жизни. Этот показатель очень изменчив, при этом часто недостатки по какому-либо одному параметру могут быть компенсированы достоинствами по другим.

Поэтому первая группа барьеров представлена барьерами восприятия внешности, телесных характеристик лидера, его морально-этических и нравственных принципов, психологических и политических особенностей.

Барьеры в восприятии внешних характеристик

Несмотря на то, что практически все политики и их консультанты понимают важность визуального образа, тем не менее, не всегда достаточно внимания они уделяют запросам самих избирателей. Причем это характерно как для начинающих политиков, так и для обладающих значительным политическим опытом. Именно поэтому анализ барьеров в восприятии мы решили начать с наиболее заметного и одновременно легче корректируемого барьера в восприятии внешности политика.

Начиная с 1999 года внешность Г.А. Зюганова претерпевает значительные изменения. В команде появляются профессиональные имиджмейкеры, которые придают этому политику несколько другой внешний облик, изменяя его в сторону нормативности в соответствии с современными веяниями политической моды: уход от светлых тонов костюмов к более темным (темно-синим), современный покрой, привлечение внимания к политику при помощи ярких деталей (галстуков, кашне), аккуратная прическа — все эти детали создают не столько интеллигентный и более «современный» образ, сколько подчеркивают принадлежность к «политической элите».

Однако анализ восприятия образа этого политика показывает, что на восприятии внешних характеристик Г.А. Зюганова эти, казалось бы, положительные изменения сказались незначительно: заметно лишь некоторое «сглаживание» этих характеристик к концу 1999 года. Их качественный анализ показывает, что наибольшее внимание обращают на себя такие составляющие, как лицо, глаза («продувные»), «отсутствующий» взгляд, прическа. Интересны и эпитеты, которыми респонденты наделяли данного политика: «внешность

мясника», «из какой тюряги вышел», «мужлан», «угловатый вид», «отталкивающая внешность», «неприятен на физиологическом уровне». Примечательно также то, что из рассмотренных нами политиков только к описанию Г.А. Зюганова применялись подобные яркие образные выражения. В основном все эти характеристики назывались в период с 1996 по 2000 года, в дальнейшем интерес к ним начинает резко падать.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что для избирателей внешние изменения прошли практически незаметно. Однако это характерно далеко не для всех случаев. Например, изменения во внешнем облике Г. Явлинского вызвали большую дискуссию у респондентов: «помолодел», «пластическую операцию что ли сделал сейчас!».

Одна из причин различия в восприятии связана с тем, что для образа Г.А. Зюганова наибольшее значение представляет политическая составляющая образа, а не визуальные его компоненты. Граждане воспринимают этого политического лидера через призму уже устоявшихся взглядов, мнений, стереотипов, на которые нельзя повлиять лишь изменив прическу и одежду, так как они скрываются в усвоенных уже несколькими поколениями идеологических принципах. Они могут безоговорочно приниматься или, наоборот, категорически отвергаться, но именно они и составляют основу образа Г.А. Зюганова.

С другой стороны, попытка следования за «политической модой» может привести к стандартности во внешних проявлениях, что делает образ политика менее интересным и ярким. Политик становится «как все», теряя свою индивидуальность. Кроме того, элегантные костюмы из дорогих тканей, контрастные цвета в одежде и яркие элементы придают образу политика «элитизм», психологически отдаляя от избирателей. То, что для общения в среде бизнес и политической элиты просто необходимо, негативно воспринимается избирателями. В то же время более спокойные сочетания в одежде, отсутствие резких контрастов и ярких штрихов приближают политика к гражданам, делают его образ «своим».

Примером может служить свободный стиль В.В. Путина, который ввел в политическую моду спортивные куртки, пиджаки, небрежно наброшенные на плечо «по-путински», интервью в домашней обстановке, свитера. В официальной обстановке с его легкой руки зачастую белые рубашки заменяют на цветные (разные оттенки голубого, синего и серого). Однако отсутствие в одежде практически любых ярких деталей, вроде галстуков и других аксессуаров, любой эксцентричности, тем не менее, не делает внешнюю составляющую незаметной для респондентов. Одни подчеркивают «отсутствие некоего пижонства», которое другими респондентами воспринимается как «несолидность». Больше внимания респонденты уделяют «взгляду», в котором читается «человечность, близость к сегодняшней жизни», подчеркивается сдержанность, «его спокойная, взвешенная манера», серьезность и «невывраженность эмоций на лице» (как и у Примакова).

Особую роль на восприятие политика избирателями играют особенности его манеры поведения. Кроме жестов и мимики, на которую обычно обращают больше всего внимания, как политики, так и их консультанты, огромное значение имеют мимические проявления.

Для Геннадия Андреевича характерна спокойная, малоэмоциональная манера поведения, хотя и без общей статичности. Однако, при достаточной сдержанности поведения он не воспринимается как очень закрытый политик. Это объясняется тем, что хотя и не ярко, но

чувства и отношение к происходящему Г.А. Зюганова демонстрируются через мимику и сдержанную жестикуляцию рук. Оба эти канала являются наиболее распространенными для выражения эмоций человека.

В то же время основное качество, которое респонденты выделяют в В.В. Путине «загадочность» и «малоэмоциональность». Сопоставление анализа видеозаписей выступлений В.В. Путина и его восприятия респондентами показывает, что, хотя вся речь Президента и сопровождается достаточно энергичными мимическими движениями бровей и подбородка, а при демонстрации доминантности своей позиции и навязывании своего мнения движениями скул, при этом практически полностью отсутствует жестикуляция, а все позы жестко закреплены. Таким образом, В.В. Путин демонстрирует свой взгляд и свою позицию и даже высказывает свое отношение, но не свои чувства, что и считается гражданами.

Иными словами, политик с достаточно активной мимикой и жестикуляцией может восприниматься как малоэмоциональный или закрытый в том случае, когда он использует более сложный способ проявления эмоций и отношений. Крайне важным становится то, движения каких именно групп лицевых мышц сопровождают речь политика.

Однако далеко не всегда отсутствие эмоций и закрытость политика негативно сказываются на его восприятии. «Загадочность» В.В. Путина, конечно, настораживает значительную часть граждан, но, с другой стороны, воспринимается как «надежда, что в нем есть хоть капля чего-то хорошего».

Барьеры в восприятии телесных характеристик

Один из важных векторов оценки политика (его телесных характеристик) является возраст. Однако не существует однозначных возрастных показателей для занятия той или иной должности. Наши исследования показывают, что в последнее время снижается предпочитаемая возрастная граница политиков. Если еще несколько лет назад предпочтительными были политики от 40 до 60 лет, то на сегодняшний день вполне приемлемой становится нижняя граница в 30-35 лет, а верхняя опустилась до 50-55 лет.

Тем не менее, очень важным становится не только календарный возраст политика, но и его так называемый биологический возраст, то, насколько политик активен и восприимчив к изменениям окружающей среды. Кроме того, важным является и тот контраст, на котором этот политик приходит. Например, молодость и активность Путина, пришедшего после дряхлеющего Ельцина вызвала всеобщее ликование. Однако преклонный возраст Примакова не только не был ему помехой, но и, наоборот, положительно контрастировал с молодостью предшествовавших ему реформаторов.

Возраст политика воспринимается как показатель его физической формы, способности к адекватному реагированию на изменения окружающей среды, склонности к реформированию или консервативным действиям, его возможностей (все позади – все впереди), а так же опытности и компетентности.

Другой необходимый для успешности элемент – здоровье политика. Оно воспринимается как

прямой показатель возможности управлять страной и контролировать ситуацию. С ним тесно перекликается наличие или отсутствие вредных привычек и физическая форма политика. Спортивность, подтянутость, хорошая физическая форма говорят о том, что политик работоспособен, готов на активные решительные действия.

Лишний вес политика воспринимается как свидетельство его малоподвижного образа жизни, склонности к лени, ведущим к быстрой утомляемости и возможным заболеваниям.

Единственным амбивалентным фактором является наличие-отсутствие вредных привычек. Так, например, Г.А. Зюганов производит впечатление (что усиленно поддерживается его общим имиджем) человека без вредных привычек, ведущего правильный образ жизни, что не всегда воспринимается однозначно положительно на бессознательном уровне. В ряде случаев излишне правильный образ политика вызывает ощущение его нереальности и надуманности, что тоже может стать барьером для его восприятия.

Демонстрация излишне правильного образа жизни вызывает не доверие у избирателей, а скуку. В то же время излишняя склонность к алкоголю и курению говорит о предрасположенности к заболеваниям. Например, Путин пришел на довольно резком контрасте с образом бывшего Президента Ельцина: «Планка опустилась уже совсем: чтобы не пил, не сволочь. А после Ельцина любой человек будет ангелом».

Барьеры в восприятии морально-этических качеств

Морально-этические компоненты образа имеют огромное значение для политиков в любом государстве мира. Факты или домыслы о предательстве, нарушении присяги, измене и т.п. не раз появлялись на первых полосах самых уважаемых международных изданий. Даже первые лица государств подвергались резкой критике, вплоть до требований отставки (вспомним хотя бы «моникагейт» в США).

Наша страна не исключение. Однако ее особенность состоит в том, что вся политика в нашей стране имеет негативный контекст. Поэтому даже отсутствие негативной информации о политике, вовсе не избавляет его от обвинений в продажности, коррупции и нечестности. Именно поэтому любые проявления порядочности, искренности и благородства со стороны политиков становятся необычайно значимыми для избирателя и вызывают огромные симпатии электората.

Другая особенность состояния массового сознания – амбивалентное отношение к моральным характеристикам политика. Наши прежние исследования образа мэра Москвы Ю.М. Лужкова показывают, что на протяжении периода с 1997 по 2000 год при восприятии этого политика неизменно присутствовали обвинения в его связи с криминалом. Однако, если в 1997 году они оценивались респондентами крайне негативно, то в 1998-1999 году большинство опрошенных говорили о том, что такие связи не только необходимы на его посту, но и желательны, так как позволяют контролировать криминал в городе. А идеалом политика на тот период стал человек, который «не только сам ворует, но и другим делает лучше».

С другой стороны, довольно недвусмысленные видеозаписи Скуратова, которые были

показаны по одному из центральных телеканалов, далеко не всегда вызвали негативное отношение к прокурору. Это резко контрастирует с отношением в США к скандалу с Моникой Левински.

При оценке моральных и нравственных качеств политика становится крайне важным его порядочность, ответственность и умение выполнять данные обязательства. В имидже лидера коммунистической партии с точки зрения морали и этических принципов преобладают такие характеристики, как порядочность, верность принципам и данным обязательствам, забота о благе народа и доброта. Однако образ этого политика в сознании избирателей имеет несколько иную качественную наполненность: к концу 1999 года накануне выборов в ГД появляются обвинения в неискренности («лживости») и несостоятельности как политика. Граждане перестали верить в то, что он может исполнить свои обещания, они негативно воспринимают пессимистический тон его заявлений.

Как у сторонников, так и у противников большое уважение вызывает декларируемая Зюгановым позиция, однако ни те, ни другие не верят в то, что он может выполнить что-либо из этого: «Он долго рассказывал, что половину своих денег жертвует на добавку пенсий старичкам. Если он действительно это делает, то это достойно уважения, но я не уверена, что все так красиво, как он расписывает», «Он не забывает наших стариков, делает на них ставку», «Не чувствуется, что он готов чем-то своим пожертвовать во благо России, чувствуется, что он свою идею хочет пропихнуть любыми средствами», «Не будет ничего делать из обещанного, пустые разговоры».

Путин также позиционируется как высокоморальный и порядочный человек, отзывчивый и добрый. Всячески подчеркивается факт полного отсутствия компромата на него в годы работы в КГБ, в Ленсовете, в ФСБ и т. д.

Однако у большинства респондентов образ Путина вызывает настороженность: «Зюганов просто противный, а этого человека надо обходить стороной». Для него характерны такие эпитеты как «темная личность», «темная сторона Луны».

Особое беспокойство у граждан вызывает неопределенность прошлого, закрытость информации: «Непонятно, откуда он взялся и чем раньше занимался. Есть сведения, но они не доступны широкой общественности». Опасения вызывает служба в КГБ. Это усиливает недоверие граждан. С другой стороны, несмотря на достаточно негативный образ КГБ, НКВД и т. д., они ассоциируются с силой и способностью навести порядок в стране, погрязшей в криминале и коррупции.

Однако закрытость является амбивалентной характеристикой для образа В.В. Путина. Граждане оправдывают это тем, что «он слишком прагматичен и расчетлив» и при этом «скромен». Кроме того, это признак принципиального и надежного человека, который не бросает слов на ветер: «сразу не обещать, если обещать – выполнять», «не обещает то, что не может сделать», «он не играет с нами, старается достаточно правдиво и объективно оценить существующую ситуацию и изменить ее», «не любит бросать обещания на ветер». С другой стороны, причину такого поведения граждане видят в том, что «он хочет всем угодить: и сторонникам, и противникам. Он хочет сформулировать ответ, чтобы никому не сделать плохо, ну) чтобы сторонники не обиделись, и противники не обиделись».

Негативным моментом может служить наличие в образе политика такого элемента как несамостоятельность. Например, часть респондентов считает, что за Президентом «кто-то стоит». Под этим «кто-то» респонденты подразумевают «семью», Ельцина и олигархов. Вообще, сравнения с Ельциным занимают значительную часть в оценках Путина. В целом при таком сравнении Путин, безусловно, выигрывает, по мнению респондентов, однако крайне негативно воспринимается ими то, что именно Ельцин его «поставил»: «Он ангажирован «семьей»», «Он продался Ельцину, он власть купил». Однако, по мнению большинства опрошенных Путин независимый игрок. Так описал его один из респондентов: «Ставленник Ельцина) у меня есть подозрение, что его избрал Ельцин, а политика Ельцина меня не устраивает, но это не значит, что он будет выполнять политику так же, как и Ельцин)».

Барьеры в восприятии психологических особенностей политика

Психологические характеристики политика занимают значительное место в его образе. В большинстве случаев именно они оказывают наибольшее влияние на его восприятие в целом. Наши исследования не дают однозначного ответа на вопрос, каким должен быть политик? Тем не менее, существует ряд факторов, которые мешают политике полноценно взаимодействовать с электоратом. Для каждого политика их набор уникален. Например, для Г.А. Зюганова такими характеристиками являются эмоциональная невыраженность, степень удаленности образа от избирателей, его размытость, неопределенность в целях и путях достижения, а также излишняя агрессивность или, наоборот, мягкость, низкая оценка интеллектуального уровня политика, его речевых характеристик. А для В.В. Путина это в основном показатели общей закрытости («скрытность», «закрытый») и его «резкость» («резкий какой-то», «резкость некоторых заявлений»).¹²⁰

Тем не менее, мы можем выделить несколько основных факторов, влияющих на успешность или неуспешность политических коммуникаций.

Одним из таких факторов, мешающих адекватному восприятию политика электоратом, является его эмоциональная невыраженность. Сдержанность в выступлениях, может восприниматься как равнодушие к тому, о чем политик говорит и к избирателям как таковым. Например, эмоциональная невыраженность и монотонность выступления делают образ Г. А. Зюганова тусклым, что оценивается как отсутствие харизматической способности. А проявление лидерских и властных качеств рассматривается как насильственное навязывание своей «харизмы».

В то же время чрезмерное выражение чувств и эмоций может восприниматься гражданами как слабость политика, неспособность с собой справиться. Оптимальным является баланс между яркими эмоциональными проявлениями и сдержанностью и достоинством. Политику необходимо показывать свое участие в судьбах тех, за чьи голоса он борется. В то же время ему нужно показывать сдержанность и чувство собственного достоинства в борьбе с оппонентами, умение с честью выигрывать и с достоинством проигрывать в политических

баталиях.

Восприятие психологических характеристик тесно переплетено с восприятием лингвистических и паралингвистических характеристик выступлений политика.

Однообразная, монотонная речь с большим количеством определений, дополнений и других перечислений затрудняет общение, делает политика скучным и неинтересным. Учитывая современное состояние массового сознания и политические традиции, сформировавшие его, наиболее легким для восприятия и интересным для избирателей являются краткие метафоричные и образные выражения, в ряде случаев вполне допустим слэнг.

Одним из важных аспектов в имидже политика является его речевая ориентация.

Особенностью выступлений обоих политиков является использование так называемой высокой риторики. Однако отличия состоят в ее направленности. Если Г.А. Зюганов использует в основном трагические, негативные высказывания («нелегкое время», «трагическая правда», «угроза», «обвал экономики», «прекратится (выплата пенсий)» «ликвидированы» и т. д.), то В.В. Путин, наоборот, использует в своих высказываниях позитивную направленность: «вечный основополагающий закон», «мощное, революционное преобразование» и т. д. Соответственно, данные аспекты речи актуализируют различные структуры сознания и опираются на различные эмоции: у Г.А. Зюганова — на страх, у В. В. Путина — на надежду.

Особое место при восприятии политика занимают характеристики, говорящие об «удаленности» его образа от простых избирателей. Например, в восприятии образа Зюганова это проявляется в таких оценках публичного образа, как «он зачерствел», «себе на уме»; в приписывании таких качеств, как «лицемерие», «безжалостность», «надменность», «скрытность», «показуха», «агрессия», и, наконец, один из респондентов так его и охарактеризовал — «далекий, незнакомый». В то же время простая и доступная лексика В. В. Путина делает его образ более близким и понятным (хотя и не может полностью компенсировать отсутствие личностной информации).

Другая группа факторов — это характеристики интеллектуального уровня политика, его образованности и ума. При этом оценки этих качеств респондентами очень часто расходятся с реальным положением. Однако они говорят о том образе, который у граждан складывается относительно этого политика. Например, в оценках Г.А. Зюганова в основном встречаются такие характеристики, как «недалекий ум», «не блещет мыслью», «невежество», «ограниченность интеллекта». Однако при этом довольно часто Г.А. Зюганов оценивается как «скрытный», «не прямой», «себе на уме».

Важное место занимают в образе политика такие качества, как целеустремленность и настойчивость. Их наличие, как правило, воспринимается положительно. Однако, при этом для граждан становятся важными цели, которые политик преследует. Например, в образе В. В. Путина эти качества также воспринимаются как достоинства, однако, порой отношение к ним у респондентов крайне настороженное из-за того, что люди не всегда понимают, чего хочет В.В. Путин, что показывает замечание одного из опрошенных: «Целеустремленный, но куда?»

Безусловно, для политика крайне необходима уверенность в себе, в том, что он делает,

сознание собственной правоты, которые избиратели должны почувствовать в нем. Однако при этом политик должен демонстрировать уважение к избирателям, но ни в коем случае не «заискивать перед ними». Избиратели должны воспринимать его как человека, способного взять на себя ответственность за их судьбы.

Барьеры в восприятии политических и деловых качеств политика

Политические характеристики – самая большая группа, включающая в себя наличие или отсутствие лидерских качеств, организационные качества, политические взгляды, цели, отношения с оппонентами и последователями.

Одной из важных политических характеристик политика является идеологическая составляющая его образа. Как показывают наши исследования, упоминания о политических взглядах и идеологической позиции характерно только для публичного образа Г.А. Зюганова. Это заставляет людей делиться на два лагеря: сторонников КПРФ (именно КПРФ, а не лично Зюганова) и ее противников. Таким образом, в восприятии Г.А. Зюганова в значительной степени преобладают стереотипы, связанные с его идеологической платформой. Они привлекают на его сторону и заставляют за него голосовать тех, кто сомневается в нем как в лидере. В то же время они заставляют отказывать ему в доверии тех, кто положительно воспринимает Зюганова как человека и как политика, но негативно относится к коммунистическим идеям.

Отсутствие четкой идеологической платформы позволяет Путину лавировать в самых критических ситуациях, привлекать на свою сторону приверженцев разных взглядов и выступать «объединителем» различных взглядов и интересов и при этом избегать обвинений в предательстве.

Особое значение приобретают так называемые «оптимистическая» или «пессимистическая» ориентация политика. Анализ предвыборных выступлений политиков позволяет условно выделить два основных речевых направления в их выступлениях: ориентация на страх и на надежду. Определенному периоду времени соответствуют определенные массовые настроения.

Так, например, в 2000 году, впервые за период с 1996 года, в ответах респондентов появились ассоциации с яркими и светлыми цветами, что может свидетельствовать об общем положительном настрое граждан. На этом фоне ориентированность Г.А. Зюганова в своих речах на использование негативной патетики, сгущение красок и создание ощущения безысходности. Для речи же В.В. Путина, наоборот, характерен высокий стиль, и от выступлений Г.А. Зюганова его отличает прямо противоположная (позитивная) направленность высказываний. Он опирается не на страх, а на надежду.

Важным также является способность политика к ведению самостоятельной линии и умение взять на себя ответственность или хотя бы ее демонстрация. Так, громкие заявления Ельцина о том, что он ляжет «на рельсы», позволили многим людям поверить в то, что он способен нести ответственность за происходящее. Негативно оценивается зависимость В.В. Путина от

олигархов и Семьи, работа со старой командой и разрастание бюрократического аппарата, но главное – отсутствие политической программы и непоследовательность: «он не знает, куда именно двигаться», «не доводит поставленные цели до конца. В политике так нельзя».

Барьеры в восприятии личностной силы

Сила – необходимый элемент образа политика. В условиях политической нестабильности силовой компонент имиджа становится наиболее значим. Он говорит о способности политика навести порядок в стране и устоять перед коррупцией и давлением.

Как показывают проведенные исследования, личностная сила играет положительную роль в образе политика. Особенно это характерно для переходных или нестабильных обществ, в период смены элит, правящих классов и т. д. Чем более сильным и решительным оказывается политик, тем больше ему верят избиратели. Даже демонические образы, где сила выступала в качестве негативного и репрессивного фактора, тем не менее, воспринимаются положительно.

Слабость, или скорее чувствительность, политик может себе позволить в общении с детьми, заботе о больных, нищих и обездоленных. Возможно, в образе женщины-политика силовые акценты будут смещены. Но в настоящий момент наши исследования показывают, что даже представительницы прекрасного пола, достигшие определенных политических, карьерных высот воспринимаются не только не менее, но даже более сильными, чем мужчины-политики.

Барьеры в восприятии личностной активности политика

Активность – важная характеристика, свидетельствующая о способности политика к выполнению своих лидерских функций, к реагированию на изменение окружающей среды, к способности «держать нос по ветру».

В отличие от силы, активность не столь однозначно положительна. Отсутствие активности, пассивность свидетельствует о заторможенности, застенчивости политика, его неспособности к изменениям, низкую степень реагирования.

В то же время чрезмерная активность может свидетельствовать о «несерьезности» политика и повлечь обвинения в неверности своим взглядам, позициям, избирателям.

Об активности политика можно судить по нескольким показателям. Во-первых, это частота появления на экране. Второй показатель активности политика – его активность при выступлениях, быстрота реакции, жестикуляция и, конечно, темп речи.

Барьеры в восприятии мотивов политика

Граждане довольно внимательно относятся к мотивации политика достижения власти. В силу того, что в нашей стране очень сильны патриотические настроения, одним из мотивов политика должно стать стремление «поднять Россию». В зависимости от политических взглядов граждан в это понятие включаются как экономический рост, политическая и социальная стабильность, безопасность внутри границ и за их пределами, а также территориальная целостность, вплоть до возвращения прежних границ.

Кроме того, в силу высокой значимости морально-этических факторов политической деятельности, респондентами в большинстве случаев отрицательно воспринимаются стремление к наживе, удовлетворение личных амбиций и другие корыстные мотивы.

Негативным элементом мотивационной структуры образа политика может стать низкая потребность политика во власти. Это приводит к обвинениям политического лидера в отсутствии самостоятельности, подчиненности обстоятельствам, к восприятию его как «марионетки», которой управляют другие.

Барьеры в восприятии статусно-ролевых характеристик политика

Нельзя однозначно сказать, кем должен быть политик до достижения им желаемого поста. Он должен обладать хорошим образованием, способностями к организаторской деятельности. Высказываются и такие мнения, что политик должен быть специалистом хотя бы в какой-нибудь области (желательно пересекающейся с управлением государством). Политик должен иметь к моменту выборов какие-то осязаемые результаты и при этом демонстрировать способность достигнуть большего при больших властных ресурсах.

Проведенный анализ восприятия образов российских политиков не дает универсального ответа на вопрос о том, каким должен быть политик, однако позволяет с высокой степенью вероятности судить о том, что у каждого политического лидера есть свой собственный стержень, вокруг которого и строится его образ. Для одного это идеологические и политические составляющие, для другого морально-этические и нравственные принципы, для третьего его личностные и психологические качества.

Выделение этого стержня позволяет судить о том, какие именно барьеры будут наиболее значимы для него и вызовут большинство проблем в процессе политической коммуникации, а какие могут остаться незамеченными избирателями и не повлияют на его восприятие.

Учет этих параметров поможет политику более эффективно строить взаимодействие с

избирателями, не тратя лишнего времени на коррекцию тех элементов имиджа, которые не влияют на его образ в целом.

Лобза Е.В.

Специфика формирования образов политиков в Интернете

(на примере электронных пресс-конференций)

Развитие технологий привело в середине 1990-х годов к фактическому созданию наиболее развитой частью человечества того самого «информационного общества», о котором на протяжении последних десятилетий говорили так много, что перестали воспринимать его всерьез. Особая роль в этом процессе принадлежит глобальной сети Интернет. Анализ возникающих с развитием Интернета новых моделей коммуникации в политическом процессе, изменения роли государства на информационном рынке и его способов и стратегий взаимодействия с контрагентами; роли СМИ вообще и новых информационных технологий, в частности, в качестве гарантов демократии является в настоящее время одним из самых перспективных направлений в политической теории и междисциплинарных исследованиях.

И ключевой вопрос здесь может ли Интернет стать источником новых моделей взаимодействия общества и государства, а применительно к теме данной статьи граждан и политических лидеров? Возникают ли в виртуальном пространстве новые политические практики, которые обусловлены спецификой Интернета и оказывают влияние на реальный процесс? Зачем Интернет современному российскому политику? Какое качество должны оценить в нем отечественные деятели еще одно средство массовой информации, новую технологию коммуникаций или место, где просто стоит отметить?

**Как влияет Интернет на общество
и как общество влияет на Интернет, возможно ли
регулировать и как влиять на процессы в Интернете?**

В современной литературе существуют, по крайней мере, три точки зрения или три модели

взаимодействия «Реального» и «Виртуального» политического процесса:

1. Интернет как зеркало процессов и как престижная презентация;
2. Интернет как кривое зеркало, как катализатор;
3. Интернет как новая область социального киберпространство, Terra Incognita.

Первая точка зрения состоит в том, что Интернет технологии являются лишь *зеркалом* процессов, которые реально происходят в обществе, и, следовательно, те акторы политические лидеры, партии и т. д., которые имеют вес в реальной политической системе, переносят этот вес и в Интернет, используя его как еще один коммуникационный канал для своей деятельности. Это достаточно распространенная и уже аргументированная точка зрения.¹²¹ Сюда же можно отнести точку зрения экспертов, рассматривающих Интернет как форму «престижной презентации».

Согласно второй точке зрения, Интернет, являясь совокупностью различных сетей, объединенных общей технологией предоставления информации, создает новую социальную ситуацию, не ограниченную национальными границами. И Интернет, предоставив огромные возможности по доступу к информации, выступает *катализатором* многих негативных явлений. Интернет, как некий феномен конца XX века создает социальные и технологические проблемы, а возникающие в связи с его функционированием правовые проблемы не являются свойственными только Интернету и присутствуют при работе с любыми сетями и циркулирующей в них информацией.

И третья точка зрения, которая тоже имеет сторонников (возможно даже, что среди пользователей сети таких большинство) состоит в том, что *Интернет создает новую реальность киберпространство* и трансформирует политические и общественные институты. Появляются новые политические практики. Эта реальность еще не оформлена, поэтому очень сложно говорить о законодательном регулировании информационного пространства. Почему? Потому что существует некая специфика того пространства, которое создается. Его отличительные черты – безграничность, постоянная расширяемость, неравномерность развития, связь с протоколами передачи информации, принцип расширения субъектности. То есть не только национальные государства и не только правительства, не только народ как выразитель суверенитета, согласно прежним теориям, являются политическими акторами, но благодаря распространению сети Интернет возникают новые центры притяжения власти, новая элита. Возникает новая модель демократии – «электронная демократия» или «демократия участия».¹²² Появляются новые практики, в основе которых прямая (непосредственная) коммуникация между гражданами с использованием возможностей новых медиа.

Попробуем посмотреть на российский политический процесс в он-лайне и в офф-лайне через призму этих подходов и выявить элементы новых практик, если они существуют.

Обычно исследователи (см. например Овчинников Б.В.,¹²³ Чугунов А.В.,¹²⁴ Вершинин М. С.¹²⁵) описывая состояние политического сегмента российского Интернета рассматривают

следующие вопросы:

- Количественные показатели распространения новых коммуникаций в Интернет;
- Характеристики и особенности Интернет-аудитории;
- Политические требования и интересы этой аудитории;
- Позиция государства и политика государства в Интернет.

По вопросам количества и качества аудитории российского Интернета в среде ее исследователей согласия нет, несмотря на большое количество социологических исследований аудитории Интернета, проведенных в России в 1996/2001 гг. исследовательскими компаниями КОМКОН-Вектор, Gallup Ltd, Gallup Media, Мониторинг, группой GFK, РОЦИТОм, РОМИРОм и Фондом «Общественное мнение» вместе с «Фондом эффективной политики».¹²⁶

Изучать аудиторию Интернета начали со второй половины 1990-х гг., т. е. с того времени как количество Интернет-пользователей перевалило за полмиллиона, а возникновение рынка Интернет-рекламы позволило надеяться на продажу результатов опросов.

Одно из первых исследований аудитории российского Интернета было проведено в августе 1996 года компанией «Комкон 2», тогда было насчитано 818 тысяч пользователей сети.¹²⁷ Дальнейшие исследования «Комкона 2» позволяют проследить рост числа пользователей из года в год: 1997 – 1 миллион 61 тысяча; 1998 – 1 миллион 119 тысяч; 1999 – 2 миллиона 23 тысячи; 2000 – 2 миллиона 770 тысяч; 2001 (первое полугодие) – 4 миллиона 200 тысяч.¹²⁸

Впрочем, полагаться на эти цифры можно лишь для оценки тенденций роста аудитории: другие данные, например, результаты исследований агентства «Monitoring.ru», отличаются от данных «Комкона 2». Так, количество пользователей Интернета по состоянию на 2 квартал 2001 года по версии «Monitoring.ru» превышает 12 миллионов человек.

Можно строить графики, сопоставлять результаты, но приводимые разными компаниями цифры расходятся в несколько раз, тем более что отсутствует консенсус относительно того, что именно считать показателем размера Интернет-аудитории – максимальную аудиторию (т. е. число людей, когда-либо видевших браузер с загруженной веб-страницей), месячную или же регулярную.¹²⁹ Согласно данным компании SpyLOG, применявшей альтернативную методику технологического онлайн-мониторинга,¹³⁰ на конец 2001 г. российская месячная аудитория насчитывала 10 млн. чел. В то же время по данным Рамблера, российская аудитория Интернета в декабре 2001 г. составила 4 543 605 пользователей.¹³¹

Большее единодушие наблюдается в оценках объема постоянной аудитории (к которой относятся пользователи, выходящие в Сеть хотя бы раз в неделю). По подсчетам группы «Мониторинг», агентства КОМКОН и компании SpyLOG она составляет 3 4,5 млн. человек. Вне зависимости от того, каково сегодня точное число пользователей Интернета, оно по-прежнему несопоставимо с количеством жителей огромной страны (согласно данным Госкомстата, численность постоянного населения России по состоянию на 1 августа 2001

года составляла 144 миллиона 300 тысяч человек).¹³²

Итак, на данный момент Интернет в России остается коммуникационным каналом, доступным относительно небольшому меньшинству. Регулярно Интернетом пользуются 23 % жителей страны, и не более 10 % имеют опыт работы в Сети.

Эти цифры в целом крайне далеки не только от 65 % американских семей, имеющих дома компьютер и 55 % населения старше 18 лет, являющихся пользователями Интернет в США (Согласно статистике, 144 млн. американцев имеют доступ к Интернету и ежемесячно пользуются им не менее 10 часов, просматривая в среднем по 709 страниц информации),¹³³ но и от заветных 10 % пользователей от общего числа населения, с которых согласно общему мнению начинается проявление эффектов влияния сети.

Эксперты предупреждают: большая часть социально активной группы населения в России во вполне обозримом будущем станут пользователями Интернета.¹³⁴ Но сегодня еще трудно сказать, как влияет уже существующее в России коммуникативное ядро на свое окружение. Некоторую ясность в ситуацию могут внести результаты социологических исследований в Сети.

Особую ценность для изучения Интернета как среды политической коммуникации представляет исследование «Интернет в России / Россия в Интернете», проведенное в конце 2000 года Фондом «Общественное мнение».¹³⁵

По социально-демографическим характеристикам результаты ФОМ не сильно отличаются от данных других социологических компаний: значительная часть пользователей российского Интернета – мужчины с высшим образованием и относительно высокими доходами, живущие в крупных городах (около четверти – москвичи) и имеющие доступ в сеть на работе. В отличие от других исследований, ориентированных в первую очередь на потребности рекламного рынка, ФОМ детально изучил общественно-политические предпочтения Интернет-аудитории. Результаты показали, что около 40 % пользователей сети поддерживают Путина, каждый день смотрят телевизионные новости, ориентируются на Запад и надеются, что России в скором времени удастся преодолеть экономические трудности. Два из трех пользователей Интернета считают, что жизнь им удалась, такому же количеству интернетчиков свойственен оптимизм в отношении будущего. Данные ФОМ подтверждают гипотезу о том, что Интернет в первую очередь осваивается «лидерами мнений» – людьми, которые занимают активную жизненную позицию, регулярно получают информацию из СМИ и транслируют ее в процессе общения тем социальным группам, в которых имеют влияние.

В целом данные о социальном составе Интернет-аудитории свидетельствуют о ее высоком «качестве», причем по самым разным параметрам. Во-первых, молодые, образованные и обеспеченные пользователи Сети – крайне привлекательный объект для рекламных кампаний. Во-вторых, совокупное политическое, экономическое и культурное влияние Интернет-пользователей безусловно в разы превышает их долю в населении страны. В-третьих, динамичность и «незашоренность» Интернет-аудитории позволяет успешно продвигать в

Сети идеи и убеждения, которые заведомо не нашли бы поддержки у большинства обывателей. Иными словами, есть основания говорить о том, что состав аудитории и технические возможности превращают Интернет в уникальную среду с совершенно новым уровнем свободы, скорости и плюрализма коммуникации.

Однако по нашему мнению, в политическом РУНЕТе эффект влияния Интернет-события проявляется не только и не столько на Интернет-аудиторию. Итак, мы выяснили, что аудитория Интернета, самой массовой из компьютерных сетей, по абсолютному числу пользователей весьма значительна и постоянно растет. Однако ее характеристики, а также типы возможной коммуникации между аудиторией и создателями информации, внутри самой аудитории в значительной мере отличаются от уже известных по старым медиа. «Интернет обыгрывает отношения «источник-сообщение-получатель» традиционной коммуникативной модели, ставя их иногда в традиционную схему, а иногда и в абсолютно новые конфигурации», отмечают американские исследователи М. Моррис и К. Огэн.¹³⁶ Всемирно протянутая паутина (WWW – World Wide Web), дискуссионные группы, электронная почта все это отличающиеся типы коммуникации между различными по объему (от одного до миллиона человек) аудиториями.

В ходе информационных операций в Интернете модель двухступенчатой коммуникации, разработанная американским исследователем П. Лазарсфельдом¹³⁷ в конце 1940-х годов, была адаптирована к российским сетевым технологиям: Интернет-проект (Интернет-событие) в качестве импульса; отклик (шум) в традиционных СМИ; привлечение внимания целевых аудиторий к информации.

По мнению Дмитрия Иванова, недолгая история российского Интернета показывает, что наиболее успешными были те проекты, создатели которых целенаправленно работали на реализацию описанной выше схемы двухступенчатой коммуникации.¹³⁸ Именно поэтому столь эффективными оказались первые выбросы компромата и столь малозначительными многие партийные ресурсы, делавшиеся «для галочки». Особую роль в рамках данной схемы приобрели сетевые СМИ (Интернет-ресурсы, функционирующие в рамках той или иной издательской модели, от «ленты новостей» до «аналитического журнала»).

По такой двухступенчатой коммуникативной схеме работает и довольно подробно описанная «Модель провокации», и «Модель информационного шума», когда Интернет-событие становится значимым тогда, когда получает резонанс в традиционных СМИ либо распространяется «лидерами мнений», которыми являются пользователями Интернет, а, следовательно, аудитория увеличивается в несколько раз. Попробую доказать что по этой же схеме пока работает и модель т. н. «Открытого диалога» на примере пресс-конференций политиков в Сети Интернет.

Идея Интернета как места политической провокации или «из источников, близких к источникам»

На пересечении модели сотрудничества и модели анархической зоны возникла идея Интернета как места политической провокации.¹³⁹ Любопытно, что первый, самый известный политический скандал в Интернете имел сексуальный характер т. е. был вполне в духе предпочтений обычных пользователей сети. Именно через Интернет «раскрутил» историю Моники Левински и Билла Клинтона Мегг Драдж – создатель и единственный сотрудник собственного сайта острых политических новостей, провокатор и скандалист, прозванный в Америке *enfant terrible* электронной прессы. По своим каналам он прознал, что редакция Newsweek не дает хода сенсационному материалу о Монике, и немедленно сообщил об этом на своем сайте. За последствиями этого поступка весь мир наблюдал полтора года.

24 ноября 1998 года на российском сервере <http://www.people.weekend.ru/> в сети Интернет появился сайт, названный «КОГОТЬ». Он представлял собой собрание компромата из 18 текстовых файлов общим объемом около 300 страниц машинописного текста (728 килобайт). По российским законам провайдер несет ответственность за содержание любых материалов, размещаемых на его сервере. Поэтому в российской части киберпространства такая страница могла просуществовать ровно столько времени, сколько ее мог не замечать владелец сервера. А «Коготь» не принадлежал к числу ресурсов, которые могут долго лежать в свободном публичном доступе незамеченными. Уже в пятницу 27 ноября страница была с сервера удалена. За время ее недолгого существования, по статистике рейтинга Rambler, там было зафиксировано 274 пользовательских захода со 192 различных компьютеров (уникальных адресов). Однако эти немногочисленные посетители, предвидя скорое исчезновение скандальных материалов с сервера, сохранили их на локальных дисках. После этого распространение файлов «Когтя» в Интернете уже никто не может контролировать.¹⁴⁰

После этого скандала с первым выбросом компромата в российский интернет и по сей день отечественные газеты пестрят заголовками типа «Русскую сеть пучит от компромата», «Компромат в интернете», «Грязь XXI века», «Сетевой компромат. Виртуальные провокаторы упражняются в мастерстве», «Из сети продолжают расти «Когти»,¹⁴¹ «Коготь» дотянулся до кепки Лужкова» и т. п. Относительно немногочисленные случаи публикации в Интернете действительно компрометирующей информации раздувались прессой до происшествий национального масштаба. Журналисты внимательно следили за очередным «когтем» и делились с читателями предположениями, кому бы это могло быть выгодно. Пресса своим гипертрофированным вниманием к теме «компромат в интернете» сформировала в общественном сознании миф об Интернете как «виртуальном сливном бачке» и «убийце авторитетов».

Пресс-конференции политиков в Интернете: прямая демократия или пиаровская акция?

Для чего политики идут в Интернет? Что они получают? И что получает Интернет-аудитория? Сегодня, пожалуй, каждый уважающий себя сановник федерального и регионального уровня имеет собственный сайт в Интернете. Более того, многие политики напрямую общаются с электоратом посредством *Интернет-конференций*.

Как правило, сайты политиков создаются силами пресс-служб, имиджмейкеров, а иногда и просто «продвинутых» партийных активистов. Действительно ли политики придают Интернету большое значение, как об этом объявлено на первых страницах партийных сайтов? Об этом могут свидетельствовать не столько бессловесные документы серверов, сколько живое общение политических деятелей с пользователями Сети. В первой половине 1998 года дикторы программ новостей в блоке политической информации часто произносили слово «Интернет» — крупные политики один за другим стали осваивать Сеть.

Первым крупным политическим деятелем, который обзавелся собственным сервером, стал Борис Немцов. 16 марта 1998 года открылись сразу два сайта вице-преьера [«официальный»](#) и [«личный»](#). Борис Немцов вызвал симпатии Интернетчиков и восторженные отзывы в прессе приветствием посетителям сервера, в котором пользователи Сети названы «наиболее прогрессивным классом российского общества», а также [списком своих любимых страниц](#) в Интернете. Новым было открытие на сайте <http://www.nemtsov.ru/> форумов. Обещались также и интернет-конференции, но во время работы в правительстве Немцов так и не нашел времени лично пообщаться с интернетчиками. В разделе «Обратная связь» изредка появлялись подготовленные группой поддержки сайта ответы на наиболее часто задаваемые вопросы. В отсутствие прямой коммуникации с владельцем сайта, пользователи использовали интерактивные разделы ресурса для общения друг с другом. На форумах развернулись оживленные дискуссии, в ходе которых посетители, в частности, делились своими соображениями о целях создания сайта.

12 мая 1998 года в Сети с пресс-конференцией выступил Борис Ельцин, вслед за ним, с отрывом всего в несколько месяцев, тогдашний премьер Сергей Кириенко. После этого политики всех рангов пошли в Сеть просто-таки косяком. Если набрать в любом русском «поисковике» запрос «Интернет-пресс-конференция», то полторы-две тысячи релевантных страниц гарантировано.

Интернет-конференции становятся все более популярным способом общения политиков с народом. Налицо преимущества: и эффект «массовости», и сравнительная простота организации подобных мероприятий, и возможность фильтровать «неудобные» вопросы, избегая уточнений. В результате довольны и ньюсмейкеры, и рядовые пользователи.

Инициатива проведения пресс-конференции в Интернете Бориса Ельцина 12 мая 1998 г. (<http://www.maindir.gov.ru/Administration/Prespage/Messages/Interview.htm>) принадлежала американской компании MSNBC (<http://www.msnbc.com/>), что было в целом негативно воспринято российской сетевой общественностью. Высказывалось даже мнение, что общение Ельцина с пользователями Интернета — профанация, так как президент не смотрел в монитор, а отвечал на заданные по телефону вопросы. Так или иначе, президент первым из российских политиков выступил в Сети. Интервью (<http://bbs.msnbc>).

com/bbs/msnbc-transcripts/posts/pg/171.asp), в ходе которого было задано около 3000 вопросов (ответил Ельцин только на 14) широко освещалось в мировой прессе. Порадовало публику забавное обращение Ельцина «Добрый день, граждане Интернетовцы!», еще более нелепое, чем обращение патриарха Алексия II «Дорогие братья и сестры во Христе, пользователи Интернета!» (http://www.russian-orthodox-church.org.ru/ra2_gr_ru.htm).

Безусловно, существует ряд чисто внешних отличий электронной конференции от настоящего чата. Например, вероятность того, что сам гость онлайн-конференции сядет за клавиатуру, и будет собственноручно отвечать на вопросы, равна нулю. Для этого есть группа технического обеспечения. Затем герой онлайн практически застрахован от неприятных вопросов. Здесь все дело в технологии проведения онлайн, которая обычно заключается в следующем: вопросы собираются заранее, затем в той или иной степени фильтруются — убираются все повторяющиеся и некорректные вопросы, оскорбления, которых всегда хватает вне зависимости от ранга онлайн-гостя, возможно, какие-то вопросы придумываются специально пресс-службой. Ну а после всех подготовительных мероприятий интервьюируемый отвечает на те вопросы, на которые он либо хочет ответить, либо не может не ответить.

Смоделировать же живое общение не представляет большого труда — пользователь никогда не узнает, кто именно, как и в какой момент времени ответил на тот или иной вопрос.

Впрочем, несмотря на всю кажущуюся безопасность онлайн-общения с согражданами, гости онлайн все-таки рискуют. Всегда есть вероятность хакерского взлома или, скажем, отсутствия вопросов, малая посещаемость сайта во время проведения онлайн-конференции. Так что же заставляет российских политиков всех рангов выходить в Сеть и пытаться общаться с «гражданами-Интернетовцами» (термин, который ввел в обиход первый президент России во время своего первого появления в Интернете) при помощи компьютера?

Точнее всего на этот вопрос ответил, наверное, именно Глеб Павловский, комментируя в начале марта прошлого года онлайн-конференцию Владимира Путина. Тогда он сказал дословно следующее: «Надо привыкнуть к тому, что у Российской Федерации есть 90-й регион. Этот регион — Интернет. Этот регион будет расти и постепенно превращаться в самый большой регион Российской Федерации».¹⁴²

Второй плюс онлайн-конференций — широта вещания. Нормально организованное мероприятие гарантирует довольно большой резонанс и индекс цитирования в различных, прежде всего региональных, СМИ. А вот затраты на достижение этой цели минимальны.

Еще одно значение онлайн-конференций в том, что они помогают сформировать имидж «просвещенного политика», которому не чужды новые технологии. И это, пожалуй, не менее важно, чем все остальное.

Ну а что же получает от Интернет-пресс-конференции обычный пользователь Интернета? Пожалуй, две вещи: информацию из «первых рук» и ощущение причастности к чему-то необычному. Хотя отношение к Интернету в последнее время изменилось, став более утилитарным, и Сеть рассматривается уже в большей степени как канал передачи

информации, поговорить с кем-то известным удастся далеко не каждый день. А остальные средства массовой информации и коммуникации вообще не в состоянии обеспечить подобный механизм общения аудитории с человеком (не брать же в расчет звонок в студию во время прямого эфира). И онлайн-конференции при всех их недостатках создают у пользователей Сети именно это ощущение соучастия.

6 марта 2001 г. В. Путин провел первую за время своего президентства пресс-конференцию в Интернете. Ей предшествовала широкая, на протяжении месяца рекламная кампания, проходившая под девизом «Задайте вопрос В. Путину, минуя его пресс-службу».

Инициатива виртуальной пресс-конференции исходила от президентской пресс-службы, но формально ее организаторами были три Интернет-издания: прокремлевская «Страна.ру», информационный сайт «Газета.ру» и сайт информационной службы ВВС.

В течение одного часа В. Путин ответил на 21 (вместо 20 планировавшихся) из 16 тыс. вопросов, поступивших предварительно и в режиме реального времени (on line) от российских и иностранных пользователей Интернета. В содержательном плане их можно сгруппировать в три блока – вопросы о личной жизни Президента, о его политической деятельности и о его отношении к проблемам, с которыми сталкиваются граждане в своем повседневном быте (проблемы выплаты пенсий, работы общественного транспорта и т. д.).

Так, достоянием общественности стали такие детали, как режим работы Президента – ранний подъем, полчаса на физзарядку, 20 мин. на плавание, днем еще полтора часа на спорт, отбой в 22, 23 или 24 часа. Те, кто наблюдал за проведением пресс-конференции в прямом режиме, узнали, что сегодня на столе у В. Путина лежат не только деловые бумаги, но и такие литературные произведения как: историческое повествование о царствовании Екатерины II и книга Д. Лихачева «Раздумья о России», а его любимые композиторы – Чайковский, Шуберт, Лист.

Как политик В. Путин подтвердил свою приверженность демократическому развитию и рыночной экономике, укреплению гражданского общества, дальнейшему реформированию государственной власти. Явно в адрес олигархов вновь было сказано: «Есть те, кто хочет жить по прежним правилам и ловить рыбу в мутной воде. Но этого не будет». В жестком ключе был сформулирован ответ и по чеченской проблеме – «российская армия отвечает там на вызов, который сделали экстремисты», ее действия «направлены на освобождение чеченского народа от террористов». Одновременно было высказано сожаление о том, что мировая общественность получает не вполне достоверную информацию о том, что происходит в Чечне. По актуальной теме взаимоотношений с новым американским президентом и планам развертывания в США национальной ПРО, В. Путин ограничился выражением надежды на то, что в основе общей политики будет лежать здравый смысл. Подводя итоги первому году своего правления, он сказал, что это было трудное время, по некоторым направлениям, вероятно, можно было сделать больше, но «движение вперед есть, и в целом результатами работы за год удовлетворен».

По мнению наблюдателей, В. Путин, работая в режиме on line, оказался готов к неожиданностям и проявил завидную реакцию.

Безусловно, виртуальная пресс-конференция Владимира Путина стала значительным событием и для самого президента, и для нашей страны. Первая пресс конференция В. Путина в Интернете не произвела каких-либо сенсаций политического или экономического характера. Тем не менее, по мнению наблюдателей, В. Путин смог добавить несколько импонирующих простому человеку черточек в свой неполитический портрет.

Во-первых, глава государства пообщался со своей страной и со всем миром в прямом смысле без посредников (темы для обсуждения заранее никем не отбирались). Во-вторых, применение именно компьютерной технологии для подобных мероприятий говорит о том, что руководство страны заинтересовано не только в режиме максимальной открытости, но и в дальнейшей интеграции нашего государства в мировое сообщество. Наконец, это по сути дела первый шаг в реализации намеченного министром печати Михаилом Лесиным плана «рекламной кампании» новой России на Западе, где в роли хорошего русского парня выступил сам президент.¹⁴³

Однако, ряд экспертов отметили, что при таком подходе есть риск того, что в будущем проведение Интернет-пресс-конференций будет восприниматься скорее как заурядные PR-акции, чем желание первого лица государства наладить контакт с гражданами, и аудитория утратит к этим мероприятиям интерес.¹⁴⁴

По результатам телефонного опроса РОМИРа 9 11 марта 2001 г. 30 % москвичей восприняли данную пресс-конференцию как новую форму общения главы государства с народом. 27,6 % жителей столицы посчитали данное мероприятие акцией, направленной на повышение рейтинга Президента. Причем этой позиции придерживаются преимущественно мужчины и молодежь 18 29 лет. Обычным интервью Президента СМИ считают данную пресс-конференцию 15,4 % респондентов. Ничего не знали об этой акции 20,8 % опрошенных преимущественно женщины и лица старше 60 лет. Затруднились с ответом 6,2 % граждан¹⁴⁵. Эти цифры подтверждают гипотезу о том, что значимые политические события в Интернет становятся таковыми или известными благодаря широкому освещению в традиционных СМИ т. е. только 27 % населения не смогли определить своего отношения к пресс-конференции В. В. Путина в Интернет.

В рамках поисковой системы «Яндекс» с мая 1999 года существует так называемый «Политический НИНИ-индекс»¹⁴⁶ (http://www.yandex.ru/nini_polit.html), который позволяет посчитать количество поисковых запросов по фамилиям политических деятелей, а также вычленить слова, которые пользователи при поиске набирают рядом с фамилией политика. Этот интересный проект позволяет проследить не только динамику пользовательского интереса к политическим событиям за последние три года, но и проанализировать его специфику. По набору ключевых слов и построению поисковых запросов видно, что информацию по общественно-политическим событиям ищут в сети профессионалы: журналисты, редакторы, сотрудники информационных структур.

Итак, подводя итоги нашему небольшому исследованию, приходится констатировать, что наиболее известные Интернет-события, будь то компромат и политическая провокация в сети или он-лайн общение главы государства с гражданами приобретают известность и

значимость тогда, когда эти события дают импульс творчеству журналистов традиционных СМИ и таким опосредованным, а иногда и искаженным образом становятся известными гораздо большим целевым аудиториям, чем современная аудитория Интернет-пользователей.

Ушакова Е.В.

Речь политика как фактор, влияющий на восприятие его образа

(на примере В.В. Жириновского)

Известный немецкий филолог Виктор Клемперер в книге «Язык Третьей империи» подводит итог своего двенадцатилетнего пребывания в развивающемся Третьем Рейхе одной мыслью, магистрально проходящей по всему исследованию: «Язык, который сочиняет и мыслит за тебя!»

Действительно, язык, речь, тексты являются движущей силой любой идеологии, будь то нацизм, коммунизм или, казалось бы, совершенно не встраивающаяся в этот ряд, сайентология, например. При наличии определенных средств и возможностей определенные словечки, речевые обороты и конструкции, растиражированные тысячекратно, внедряются в массовое сознание, разъедая при этом и изменяя собственно его структуру и превращая людей, их усвоивших, в еще более мощные ретрансляторы заложенных смыслов.

Суть в том, что слово, используемое даже с несвойственным ему семантическим содержанием, бессознательно проникает в сознание говорящего ядом своего истинного содержания, изменяя при этом собственные внутренние смыслы.

Возьмем, например, одно из любимых слов Третьего рейха «фанатически». Миллионы раз в различных газетных статьях и публичных выступлениях оно использовалось вместо слов «доблестно» и «героически». В результате, в массовом сознании наполнение понятий «фанатик» и «доблестный герой» совершенно совпало. При этом содержание слова «фанатизм» не изменилось, зато «доблестный героизм» очевидно, начали путать с сумеречным состоянием сознания, одинаково близким и к болезни, и к преступлению.

Другой «ахиллесовой пятой», делающей слово столь мощным орудием власти или стремящихся к власти политиков, является свойство массовой психологии, которое очень хорошо выражается в старинной русской поговорке «По одежке встречают!». Разве речь политика не являет собой сотканную из эмоционально окрашенных слов, активных речевых

конструкций, апеллирующей к мифологической и религиозной лексике красивую одежду?!

Аудитория, электорат, массовое сознание имеет обыкновение принимать словесную обертку за настоящее содержание и верить политику «на слово».

Результат, как демонстрирует история, порой может оказаться трагическим. Примеры тому быстрые восхождения таких политических монстров, как Гитлер и Муссолини, использовавших религиозную лексику и знаки, пробуждавшие еще мало изученную, но, несомненно, мощнейшую энергию находящегося в коллективном бессознательном архетипа и вовлекавших в свое турбулентное движение массы людей абсолютно и свято веривших в созданных ими кумиров.

Естественно, что и современные политики не могут не знать о магических свойствах слова и не использовать их. Среди российских политиков одно из наиболее интересных явлений в этом плане представляет собой Владимир Жириновский в течение десяти лет державшийся на политическом Олимпе вместе со своей партией во многом благодаря своему искусству говорить.

О том, что Жириновский прекрасно представляет механизм речевого воздействия, говорит тот факт, что его речь перед живой аудиторией в городах и выступления на телевидении или радио представляют собой совершенно разные по лексическому и смысловому содержанию конструкции.

В предвыборных выступлениях перед жителями Орла и Липецка В. Жириновский не использует слов, имеющих отношение к научной или профессиональной лексике, являющихся «канцеляризмами» или иностранными заимствованиями.

Напротив, в его речи присутствуют слова, близкие к жаргону:

«Сварганили эту гадость СНГ!» (глагол «сварганить»).

«Сколько парней ваших уже загнулось в Чечне, Таджикистане и еще загнется» (глагол «загнуться»).

«Сдал свою партию!» (глагол «сдать»).

«Их всех привечает!» (глагол «привечать»).

Используются также нецензурные ругательства-связки, близкие речевой культуре присутствующей аудитории:

«Скрывают, Л., есть программа, нет программы!» грубо о правительстве.

В интервью на 31 канале и для Би-Би-Си Жириновский, напротив, очень интеллигентен, предпочитает «интеллектуально профессиональную» лексику, например, «оперативная информация», «акционирование», «привилегированная профессия», «моральный статус», «социальная проблема».

«Правда» Жириновского или его образ политической реальности имеет двухполюсную структуру. В его речи постоянно фигурируют местоимения «мы» и «они», «свой» и «чужой», наречия «здесь» и «там». Тем самым он подсознательно вводит слушателя в знакомое ему с детства архетипическое деление мира на добро и зло, жизнь и смерть, религиозные ад и рай.

Естественно, все хорошее в этой картине мира связано со «своим», все же проблемы со злыми «чужими» происками.

Перегружая создаваемое виртуальное политическое пространство врагами, устраивающими проблемы для граждан в самом сердце их собственного государства, Жириновский пробуждает в своей аудитории базовую потребность в безопасности и защите и тем самым направляет на подсознательный поиск того, кто ее сможет защитить. Естественно, ответ находится практически на самой поверхности выступлений. В качестве идеального «героя защитника» лидер ЛДПР позиционирует собственный образ.

Итак, он, конечно же, выходец из народа и совершенно «свой» для него.

Как настоящий «герой защитник», он обладает высокими моральными качествами, наличие которых подчеркивает через такие имиджевые характеристики, как семейное положение, увлечения, моральные качества и воля.

«Злые» силы, конечно же, не дремлют. Они не могут смириться с успехами «героя защитника», поэтому чинят ему всяческие препятствия, коварно подстраивают различные опасные интриги и испытания, из которых, несмотря ни на что, герой вновь и вновь выходит безусловным победителем.

Примером подобных испытаний Жириновского вполне могут служить выборы в Белгородской области, о которых сам Владимир Вольфович говорит:

«Это были не выборы это была вакханалия сумасшедшего губернатора!»;

«Это были не выборы это была бойня! И мы эту бойню выдержали!»

Воздействие, заложенное в данные высказывания, является многослойным.

В первую очередь, на уровне высказывания Жириновским используется фасцинирующая конструкция предложений.

На уровне слов выбраны слова, имеющие резко негативную коннотацию в русском языке.

На уровне смыслов данный пример является классическим случаем номинации, когда к ситуации привязывается негативный образ, через призму которого слушатели начинают представлять себе положение дел.

Противником Жириновского на выборах в Белгороде стал «криминальный губернатор» Савченко, «продажный вор и жулик», который, как и положено отрицательному герою, «держит на территории района 14 криминальных группировок». (Жириновский использует факт, который без длительного разбирательства невозможно ни доказать, ни опровергнуть).

Плохо живется белгородскому народу при губернаторе Савченко и во всех народных бедах виновата местная власть «она ворует, она разбазаривает, она режет скот». Ее представители ведут себя не как хозяева, но хуже, чем пришлые захватчики: «Больные старики и старухи сидят в своих деревнях и вспоминают немецкую оккупацию, что порядка было больше тогда при немцах». Особенно ярко проявляет власть свою бесчеловечность в отношении к людям в районной больнице: «В концлагере фашистской Германии лучше держали людей. Вот, посмотрите! (Жириновский показывает фотографию.) Человек привязан к койке от

истощения он падает. Не лечат, не кормят, ничего не делают!»

От власти народ имеет только «коррупцию, дубинки, переполненные СИЗО, переполненные больницы и безработицу. И 7 рублей в день, 200 рублей на трех человек».

Праведный гнев охватывает Жириновского он видит, к чему ведет такая политика: «На такие деньги попробуйте жить! Из них 100 рублей отдайте за газ. Еще одежду попробуйте купить, и вы увидите, что это гибель жителей белгородской области!»

Смерть принес белгородцам бывший «агроном Савченко», который «и скотиной не умел руководить скотина вся сдохла».

При нем в области «уже сегодня рождается один человек умирает двое. В районе эпидемии туберкулеза, краснухи болезней гражданской войны» (очевидно связывание в сознании слушателей двух образов «гражданской войны» и «руководства действующего губернатора»).

Однако не может возмущение народа найти свой выход, так как «даже в Африке больше свободы», нежели в Белгороде, где «с дубинками воюют Савченко и его опричники, приспешники» (используется очевидная историческая аллюзия), где «журналистов нет они все забиты, зашиты и не шевелятся. Вообще никакой прессы нет», где населению «и винтовкой угрожают, и милиционеры дубинками», где «белгородцы будут сдыхать под сапогом этого диктатора Савченко!».

И вышел Жириновский на неравный бой с «диктатором Савченко», который бросил против него «десятки миллионов долларов, весь аппарат, весь транспорт», «используя все механизмы милицию, ГАИ, бандитов, деньги, прессу». Труден был бой с коварным губернатором, в условиях «когда ночью избивают людей, когда фальсифицируют выборы, подменивают бюллетени, подменивают урны, срывают митинги, встречи, лозунги, уничтожают агитационную литературу, уничтожают комиссии избирательные, когда вызывают определенные сотрудники спецслужб членов комиссии от ЛДПР, их запугивают, и они выходят из состава комиссии, когда стоят мордовороты на участках!».

Однако, несмотря на все козни зла и неравные силы, Жириновский утверждает, что произошла «блестящая победа ЛДПР в масштабах всей страны», «мы получили 18 % там, где нам оказывали вооруженное сопротивление», «мы показали им, что такое демократия, что такое честные выборы, как нужно проводить митинги, встречи!».

Белгородцы наконец-то узнали, что есть у них защитник от губернаторского «произвола», и это лидер ЛДПР: «Если бы вы видели светлые лица, ликующие лица, радостные лица при встрече со мной. Весь город стоял ликом!».

Пусть Жириновский и не стал губернатором, да «герой защитник» и не может защищать в масштабах одного района, он смотрит в будущее и думает о выборах в масштабах всей России: «это победа для ЛДПР получить 18 %. Нам их не давали на свободных выборах, а дали сейчас на фронтовых» А это означает, что «на свободных выборах это будет 30 %».

Ему ясно, почему с ним столь жестоко боролись в Белгородской области: «Боялись меня,

поэтому все силы России бросили туда, чтоб остался Савченко. Не дай Бог, придет Жириновский и покажет, как можно управлять по-другому!»

Лидер ЛДПР приоткрывает перед слушателями истинный смысл того, что произошло в Белгороде. Он воевал не только и не столько с Савченко, который был лишь ширмой, за которой: *«Все они были там и Строев, и все губернаторы центрального района. Все они бросились помочь, иначе это был бы конец. Стоило бы в этом звене убрать прогнившую воровскую власть, и все бы поняли вот он конец местной воровской власти пришел новый человек».*

Теперь лидер ЛДПР совершенно уверен: *«Никто их не может сокрушить кроме нас!»*

И на поставленный вопрос о том, кто же все-таки стоит за ситуацией в Белгороде и во всех остальных российских регионах, снова уверенно отвечает: *«Виновник Запад. Идет скрытая форма третьей мировой войны».*

Уличив таким образом и губернаторов в скрытом пособничестве западным интересам, Жириновский вновь подчеркивает, что он единственный «чужой» для Запада в противопоставление остальным политикам: *«На кого они нападают каждый день?! на меня. Кому мешают печататься?! мне. Кого Запад не любит?! меня, а их всех приветает!».* Владимир Вольфович постоянно подчеркивает собственную уникальность, а значит избранность. В его высказываниях всплывает образ монархии, к которому он приближает собственную политическую позицию, утверждая: *«Монархия венец структуры государственного устройства».* Высказывания *«Надо из Кремля не вылезать день и ночь, как это делали русские цари Иван Грозный, Петр Первый!»* определяют масштаб, который лидер ЛДПР стремится закрепить у слушателей для оценки его собственной личности и деяний.

Он придает поставленному перед населением выбору историческое значение, усиливая тем самым чувство тревоги перед возможной ошибкой. Понятие же ошибки логически вытекает из построенной им двухполюсной модели мира, где любой выбор не в его пользу приводит к власти «чужих», а, следовательно, становится роковой ошибкой: *«Пусть ваш правнук не спросит что делали дед и бабушка 16 июня 1996 года. Чтоб они вас не прокляли за то, что вы снова совершили ошибку. Если не дорога судьба России, если наплевать на нашу историю, нашу культуру, то хотя бы подумайте о своих близких!»* Жириновский пугает свою аудиторию, используя яркие эмоционально окрашенные слова и давя на чувство ответственности перед будущим, перед близкими, чувство любви к Родине.

В противопоставление образу врагов, который он связывает с прошлым, со смертью, себя он ассоциирует с жизнью и будущим. *«Свобода умирать, которая сегодня есть, нас не устраивает».* *«Умру за Ленина, умру за Сталина (о коммунистах Е. У.) а мы жить будем!».* *«Я проиграл те выборы занял третье место, но вы проиграли свою жизнь! Сколько умерло стариков оттого, что им не дали лекарств! Сколько парней ваших уже загнулось в Чечне, Таджикистане и еще загнется! Сколько ваших девушек на панели стоят в Москве и других городах!».*

Используемое в последнем высказывании противопоставление жизни и смерти пугает и возбуждает аудиторию, воздействуя как на экзистенциальные ценности, так и на базовые

потребности.

Связка собственного образа с наиболее значимой экзистенциальной ценностью жизнью, выявляет вырастающий из образа «героя защитника» религиозный архетип «поводыря спасителя».

Словами *«Я знаю, что больше всего вас волнует. Вы не знаете, чему верить, как дальше жить!»* Жириновский подчеркивает свое право на духовное наставничество, намекает на собственное знание истинного пути.

Высказывание же *«Вы должны прозреть. Прозреете заживете! Не прозреете ваши дети прозреют!»* демонстрирует явную претензию на духовное лидерство.

Используя, подобно христианскому проповеднику элементы религиозной лексики, Жириновский уподобляет себя духовному наставнику, аудиторию же заблудшим овцам. Исходя из модели, в рамках которой строится поведение религиозного лидера, Жириновский не подвергает сомнению вопрос прозрения своей аудитории, а значит ее неизбежного прихода в лоно ЛДПР, если не в лице родителей, то более мудрых детей.

Как известно, будущее всегда за теми, кто несет живое и настоящее. Жириновский утверждает, что будущее за ЛДПР:

«Придет время, и ваши внуки, ваши дети будут, как уже сегодня молодежь за нас. Будущее поколение нас поймет лучше, чем сегодня».

Прослеживается не очень явная ассоциация будущего «царства ЛДПР» с Божьим царством, куда будут приняты все мужчины и женщины *«любых социальных слоев, любой национальности, любого вероисповедания»*, когда *«Россия будет для всех!»*

НАШИ АВТОРЫ

1. **Шестопал Е.Б.** д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой политической психологии философского ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.
2. **Майер Г.** заведующий кафедрой политологии Тюбенгенского университета (Германия).
3. **Ракитянский Н.М.** к.псих.наук, доцент кафедры политической психологии философского ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.

4. **Медведева С.М.** к.полит.наук, кафедра философии МГИМО (У) МИД РФ.
5. **Шелекасова Н.П.** аспирант кафедры политической психологии философского ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.
6. **Малинова О.Ю.** д.ф.н, доцент, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.
7. **Нестерова С.В.** к.полит.наук, ст. преподаватель кафедры политической психологии философского ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.
8. **Владыкина И.К.** к.полит.наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.
9. **Плесовских С.Н.** аспирант кафедры истории и теории социологии социологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.
10. **Преснякова Л.А.** к.полит.наук, специалист отдела социологии Фонда «Общественное мнение».
11. **Уинтер Д.** профессор факультета психологии Мичиганского университета (США).
12. **Зорин В.А.** аспирант кафедры политической психологии, философского ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.
13. **Гришко А.А.** аспирант кафедры политической психологии философского ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.
14. **Киктева Е.А.** аспирант кафедры политической психологии, философского ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.
15. **Пищева Т.Н.** м.н.с. кафедры политической психологии философского ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова.
16. **Лобза Е.В.** к.и.н., докторант кафедры политического анализа ф-та государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.
17. **Ушакова Е.В.** аспирант кафедры политической психологии философского ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова.

[001](#) Winter D. Presidential address to the 22-nd Annual meeting of ISPP. Amsterdam, 1999.

[002](#) Gallie W.B. Essentially Contested Concept // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. № 56. P. 167-198.

[003](#) С властью связана целая смысловая группа парных сопоставлений. Так, в учебнике под редакцией А. Мельвиля "Категории политической науки" власть определяется через понятия "мощь (могущество)", "влияние", "господство", "авторитет", "убеждение", "принуждение (насилие)". И не только. Джованни Сартори утверждает: власть - это семантическая головоломка (<http://www/mpsf/org/dlw.>).

- [004](#) См.: Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Sciences. 1957. № 2. P. 201-215.
- [005](#) Simon H. Models of Man. 1957. P. 7.
- [006](#) Болл Т. Власть // Полис. 1993. № 5. С. 39.
- [007](#) См.: Easton D, Dennis J. Children and Political System. N. Y., 1969.
- [008](#) В нашем исследовании мы задавали респондентам соответствующие вопросы, позволяющие определить эти и другие параметры образов власти.
- [009](#) См.: Доброхотов А.Л. Комментарий. Белый царь: Метафизика Власти в русской мысли: Хрестоматия / Сост. и коммент. А.Л. Доброхотова. М., 2001. С. 553.
- [010](#) Мы согласны с Д.А. Леонтьевым, который разводит эти два понятия - "имидж" и "образ", указывая, что имидж - это специально сконструированный образ, в то время, как образ существует независимо от специальных усилий его носителя или иных его создателей. В данном случае мы отвлекаемся от того, был ли этот образ специально сконструирован политиком или представителями власти. Нас интересуют те отражения власти, которые уже зафиксированы массовым сознанием.
- [011](#) Наши данные в этом отношении вполне совпадают с крупномасштабными исследованиями, которые проводились другими научными центрами.
- [012](#) См.: Леонтьев Д.А. Эталонный образ в контексте психосемантического брэндинга // Реклама и жизнь. 2000. № 1.
- [013](#) К тому же власть является сама по себе одним из центральных архетипов российской политической культуры, одним из тех стержней, на отношении к которым формируются многие другие архетипы. См.: Доброхотов А.Л. Комментарий. Белый царь: Метафизика Власти в русской мысли: Хрестоматия / Сост. и коммент. А.Л. Доброхотова. М., 2001. С. 517-571.
- [014](#) См.: Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. Глава 11.
- [015](#) См.: Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. Глава 12.
- [016](#) См. схему Б. Грушина в его книге: "Четыре жизни России". Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах: Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. Т. 1. М., 2001.
- [017](#) В настоящее время кафедрой политической психологии отделения политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова готовится большая коллективная монография, посвященная образам власти и политиков. В данной публикации мы приводим лишь небольшую часть полученных в нашем исследовании эмпирических данных.
- [018](#) Здесь следует заметить, что данные по 2001 году полученные в Смоленской области отличаются от данных 2000 года по Иркутской области не только в силу временного интервала, но и в силу региональных отличий в состоянии массового сознания.
- [019](#) Можно было дать более одного ответа.
- [020](#) См.: Ракитянский Н.М. Проблема психодиагностики политических лидеров // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 172-176; Ракитянский Н.М. Семнадцать мгновений демократии. М., 2001. С. 172-176.
- [021](#) Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. С. 215.
- [022](#) См.: Зимин А.А. Две цивилизации в истории России // Книжное обозрение "Ex libris НГ". 2001. 5

апреля.

- [023](#) См.: Кантор К.М. История против прогресса: Опыт культурно-исторической генетики. М., 1992. С. 60-72.
- [024](#) См.: Андреев А.А., Селиванов А.И. Западный человек и русская традиция // Бельские просторы. 2000. № 9.
- [025](#) Ильин И.А. О русском национализме. Что сулит миру расчленение России. Новосибирск, 1991. С. 102.
- [026](#) См.: Рыбаков Б.А., Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 85-97, 328-334.
- [027](#) Пантин И.К. Драма противостояния демократия/либерализм в старой и новой России // Полис (Политические исследования). 1994. № 3. С. 83.
- [028](#) Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 63.
- [029](#) См.: Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 36-41.; Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 15; Красильщиков В.А., Белоусов А.Р., Гутник В.П., Клепач А.Н., Кузнецов В.И. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 68-70.
- [030](#) См.: Соловьева М.Ю., Вдовина Г.В. Проблемы модернизации России // Современное российское общество: осмысление прошлого: Тез. докл. науч. - практ. конф. Красноярск, 15-16 марта 1995. С. 443-444.
- [031](#) Дейнека О.С. Экономико-психологические последствия политики переходного периода // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб., 2000. С. 451.
- [032](#) Репников А.В. Власть и общество в России: трагедия непонимания // Россия в условиях трансформации. Выпуск 1. М., 2000. С. 23.
- [033](#) Крамник В.В. Власть и мы: ментальность российской власти - традиции и новации // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб., 2000. С. 139.
- [034](#) Свенцицкий А.Л. Сила власти в зеркале социальной психологии // Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб., 2000. С. 31.
- [035](#) Репников А.В. Власть и общество в России: трагедия непонимания // Россия в условиях трансформации. Выпуск 1. М., 2000. С. 23.
- [036](#) Дилигенский Г.Г. Власть проявляет "глухоту" к происходящему в обществе // Россия в условиях трансформации. М., Выпуск 1. 2000. С. 76.
- [037](#) Дилигенский Г.Г. Россия в условиях трансформации. Выпуск 3. М., 2000. С. 77.
- [038](#) См.: Делягин М. Россия в условиях глобализации // Независимая газета - НГ Сценарии. 2001. 11 апреля.
- [039](#) См.: Чернышев Б. Российские реформы XVIII-XX вв.: уроки истории // Власть. 2001. С. 72-76.
- [040](#) Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни. Проблема соотношения между традиционными и либеральными ценностями в выборе личности и общества // Независимая газета. 2000. 16 февраля.
- [041](#) См.: Рукавишников В.О., Холмен Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. М., 1998.
- [042](#) См.: Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и

прикладные проблемы политической психологии. М., 2000.

[043](#) См.: Just M., Crigler A. Leadership Image-Building: After Clinton and Watergate // Political Psychology. 2000. № 1. Vol. 21.

[044](#) См.: Психолингвистическая экспертная система ВААЛ-2000. Руководство пользователя. М., 2000.

[045](#) См.: Keating C.F., Randall D., Kendrick T. Presidential Physiognomies: Altered Images, Altered Perceptions // Political Psychology. 1999. № 3. Vol. 20.

[046](#) Фокус-группы и фокусированные интервью проводились автором в избирательной кампании по выборам депутатов Московской областной Думы по избирательному округу № 6.

[047](#) См.: Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. М., 1999.

[048](#) Подробнее см.: Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5. С.100, 103-104.

[049](#) В частности, эту функцию хорошо описал К. Мангейм, по мысли которого, "мы принадлежим к группе не только от рождения, не только потому, что заявляем о своей принадлежности к ней, и не потому, наконец, что дарим ей свою лояльность и верность, а прежде всего потому, что смотрим на мир и на ряд явлений мира так же, как она (т. е. в соответствии со смысловыми значениями, принятыми данной группой)" (Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С.24-25).

[050](#) См.: Van Dijk T.A. Ideology. A Multidisciplinary Approach. London, 1998. Основные идеи предложенного Т. ван Дайком междисциплинарного подхода к исследованию идеологии изложены также в его интернет-курсе: Van Dijk T.A. Ideology and discourse. A Multidisciplinary Introduction. Internet Course for the Universitat Oberta de Catalunya (UOC) (<http://www.hum.uva.nl/teun/>).

[051](#) См.: Голос Единства. 2000. № 5. 4 октября. С. 1. Б.В. Грызлов объяснял этот идеологический выбор новыми возможностями консервативного центризма, которые открылись к началу электорального цикла 1999-2000 гг.: "Теперь в стране есть что сохранять и одновременно изменять, - пишет он, - избегая при этом радикализма, каким бы он ни был: коммунистическим, националистическим или либеральным" (Грызлов Б.В. Гражданское общество и перспективы консервативной партийной политики в России // Гражданский Форум. Вып. 2. СПб., 2002. С.99-100).

[052](#) Лужков Ю.М., Владиславлев А.П. С верой в себя и в Россию. Об идеологии "Отечества". М., 2000. С. 11.

[053](#) Объектом анализа послужили "Программа Общероссийской политической общественной организации "Отечество"", утвержденная на втором съезде этой организации 24 апреля 1999 г. в г. Ярославле и "Программа общероссийской политической организации - партии "Единство"", утвержденная ее вторым съездом 29 октября 2000 г. Представляется, что предложенную здесь методику исследования было бы интересно применить для анализа более широкого корпуса текстов, особенно в контексте предвыборной кампании.

[054](#) См.: "Единство" и "Отечество" не могут совместить идеологию // Коммерсантъ. 24 мая 2001 г. Косвенно о не вполне преодоленных разногласиях свидетельствует и доклад А.П. Владиславлева "О позиции "Отечества" по программно-идеологическим, организационным и уставным вопросам политической партии" на объединительном съезде 13 октября 2001 г.

[055](#) См. работы: Бердяев Н.А. История и смысл русского коммунизма. М., 1990; Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1952; и др.

[056](#) Цит. по: Кантор В. Личность и власть в России: сотворение катастрофы // Личность и власть: интеркультурный диалог. М., 1998. С. 62.

- [057](#) См.: Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4.
- [058](#) Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994. С. 129.
- [059](#) См. Исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фонда общественного мнения (ФОМ).
- [060](#) См.: Шестопап Е.Б. Образ власти в России: желания и реальность // Полис. 1995. № 4. С. 86-98.
- [061](#) Исследование проведено под руководством проф. Шестопап Е.Б. на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова в 1999-2001 гг.
- [062](#) При этом мы не задаемся вопросом, стала ли власть объективно сильной или это субъективное восприятие граждан.
- [063](#) См.: Фоломеева Т.В., Бартенева О.М. Опыт применения проективной методики "Психологический рисунок" в исследовании восприятия социальных объектов. М., 2001.; Головина Н.А., Сибирева В.А. Дети и выборы в Государственную Думу: формирование базовых политических установок // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 4. С. 116-134.
- [064](#) См.: Имидж лидера / Под ред. Е.В. Егоровой-Гантман. М., 1994.
- [065](#) См.: Левада Ю. Феномен власти в общественном мнении: парадоксы и стереотипы восприятия // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1998. №5 (37).
- [066](#) См.: Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.
- [067](#) См.: Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. М., 2000.
- [068](#) См.: Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. М., 1993.
- [069](#) См.: Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый // Полис. 1999. № 3.
- [070](#) См.: Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества // Полис. 2000. № 6; Гудков Л., Дубин Б. Конец девяностых: затухание образцов // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 2001. № 1 (51); Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000.
- [071](#) См.: От тоталитарных стереотипов к демократической культуре. Аналитический обзор социологических исследований. М., 1991; Назаров М.М. Об особенностях политического сознания в постперестроечный период // Социс. 1993. № 8.
- [072](#) См.: Atkinson J., Feather N. A theory of achievement motivation N.Y., 1966; George A. Power as a compensatory value // Political leadership / Ed. by B. Kellerman. Pittsburg, 1986; Maslow A. Motivation and Personality. N.Y., 1954; Renshon S. Psychological Needs and Political Behavior: A Theory of Personality and Political Efficiency. N.Y., 1974; Rokeach M. The open and closed mind. N.Y., 1960; Tetlock P.E. Cognitive style and political ideology // Journal of personality and Social psychology. 1983. Vol. 45; Stone W. The psychology of politics. N.Y., 1974.
- [073](#) См.: Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. The Authoritarian Personality. N.Y., 1950; Altemeyer B. Right-Wing Authoritarianism. Winnipeg, 1981; McFarland S., Ageyev V., Abalakina-Papp M. Authoritarianism in the Former Soviet Union // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 63; Stone W., Lederer G., Christie R. (eds.) Strength and Weakness. The Authoritarian Personality Today. N.Y.-Berlin, 1992.
- [074](#) См.: Easton D., Dennis J. Children in the political system. McGraw Hill, 1969; Каган В. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // Вопросы психологии. 1992. № 1-2.

- [075](#) Методика интерпретации ассоциаций респондентов приведена в статье: Шестопа́л Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие образов 12 ведущих политиков (психологический и лингвистический анализ) // Полис. 1996. № 5.
- [076](#) См.: Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М., 1986.
- [077](#) См.: Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Princeton, 1997.
- [078](#) См.: Peloponessian War. Book 1. Chapter 1. Section 24.
- [079](#) См.: Fursenko A., Naftali T. "One hell of a gamble": Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958-1964. N.Y., 1997. Chapter 9.
- [080](#) May E.R., Zelikow P.D. The Kennedy tapes: Inside the White House during the Cuban Missile Crisis. Cambridge, 1997. P. 90-91.
- [081](#) См.: Jervis R. Perception and misperception in international politics. Princeton, 1976.
- [082](#) См.: Smith C.P. (Ed.) Motivation and personality: Handbook of thematic content analysis. N.Y., 1992.; Winter D.G. Measuring personality at a distance: Development of an integrated system for scoring motives in running text // Stewart A.J., Healy J.M., Ozer D.J. (Eds.) Perspectives in personality. Vol. 3. Part B: Approaches to understanding lives. London, 1991. P. 59-89.
- [083](#) См.: McClelland D.C., Koestner R., Weinberger J. How do self-attributed and implicit motives differ? // Psychological Review. 1989. № 96. P. 690-702.
- [084](#) Langner and Winter, 2001, на стр. 717-718 приводят множество примеров из дипломатической переписки для иллюстрации тезиса о концептуальной и эмпирической независимости выраженных и подразумеваемых намерений (Langner C., Winter D.G. The motivational basis of compromise and concessions: Archival and experimental studies // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. № 81. P. 711-727).
- [085](#) См.: Winter D.G. Personality: Analysis and interpretation of lives. N.York., 1996. Chapter 5.
- [086](#) См.: Winter D.G. Power, affiliation and war: Three tests of a motivational model // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. № 65. P. 532-545.
- [087](#) См.: Kemmelmeier M., Winter D.G. Putting threat into perspective: Experimental studies on perceptual distortion in international conflict. Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. № 26. P. 795-809.
- [088](#) Blight J.G., Welch D.A. On the brink: Americans and Soviets reexamine the Cuban Missile Crisis. N.Y., 1989. P. 221.
- [089](#) См.: Шестопа́л Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000; Шестопа́л Е.Б. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Полис. 1995. № 4; Шестопа́л Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Полис. 1996. № 5; Шестопа́л Е.Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6.
- [090](#) См.: Lasswell H.D. Psychopathology and politics. Chicago, 1931.
- [091](#) См.: Greenstein F.I. Personality and politics. Problems of evidence, inference and conceptualization. Princeton, 1987; Greenstein F.I. Can personality and politics be studied systematically // Political psychology. 1992. Vol. 13.
- [092](#) См.: Winter D.G., Hermann M.G., Weintraub W., Walker S.G. The personalities of Bush and Gorbachev measured at a distance procedures, portraits and policy // Political Psychology. 1991. Vol. 12. № 2.
- [093](#) См.: Greenstein F.I. Personality and politics. Problems of evidence, inference and conceptualization.

Princeton, 1987.

- [094](#) См.: Burns J.M. Leadership. N. Y., 1978.
- [095](#) Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 24.
- [096](#) Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1965. С. 165.
- [097](#) Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1965. С. 179.
- [098](#) См.: Lasswell H.D. Psychopathology and politics. Chicago, 1931; George A.L., George J.L. Presidential personality and performance. Oxford, 1998; Barber J.D. Presidential character: predicting performance in the White House. Englewood, 1972; Glad B. Contributions of psychobiography // Handbook of political psychology. San Francisco, 1973; Runyan W.M. Progress in psychobiography // Journal of personality. 1988. Vol. 56. № 1; Anderson J.W. The methodology of psychological biography // Journal of interdisciplinary history. 1981. Vol. 11. № 3; Friedman W. "Woodrow Wilson and colonel House" and political psychobiography // Political psychology. 1994. Vol. 15. № 1.
- [099](#) См.: Barber J.D. Presidential character: predicting performance in the White House. Englewood, 1972.
- [100](#) См.: George A.L. The operational code: neglected approach to the study of political leaders and decision-making // International studies quarterly. 1968. Vol. 13; Johnson L.K. Operational code and the prediction of leadership behavior // Psychological examination of political leaders. N.Y., 1977; Walker S.G., Schafer M., Young M.D. Presidential operational codes and foreign policy conflicts in the post-Cold War world // Journal of conflict resolution. 1999. Vol.5.
- [101](#) См.: Lasswell H.D. Psychopathology and politics. Chicago, 1931.
- [102](#) См.: Преснякова Л.А. Влияние авторитарного синдрома на индивидуальное восприятие политической власти в России (1990-е годы). М., 2001.
- [103](#) См.: Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana, 1957; Osgood C.E. Cognitive dynamics in human affairs // Public opinion quarterly. 1960. Vol. 24.
- [104](#) См.: Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
- [105](#) См.: Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
- [106](#) Опрос населения России от 9-10 декабря 2000 г. Выборка 1 500 респондентов.
- [107](#) Здесь и далее категориями первого типа, будут именоваться категории, отражающие современные демократические представления о фигуре Президента; второй тип - авторитарно-традиционалистские представления; третий тип - нейтральные, безоценочные категории или категории с не дифференцируемым значением.
- [108](#) См.: Рахилина Е.Н. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2001.
- [109](#) Поскольку будущие избиратели не особенно мотивированы производить систематическую обработку информации и критически оценивать аргументы, содержащиеся в воспринимаемых ими сообщениях, речь идет о модели обработки информации, названной "эвристической" (Chaiken S. Heuristic versus systematic information processing and the use of source versus message cues in persuasion // Journal of Personality and Social Psychology. 1980. № 39. P. 752-66), когда решения принимаются на основе каких-либо второстепенных аспектах, таких как доверие к источнику, к экспертной оценке и т. п. (См.: Штребе В., Джоунас К. Принципы формирования установок и способы их изменения // Перспективы социальной психологии. М., 2001. С. 278).
- [110](#) Как пишут, например, В. Штребе и К. Джоунас (См.: Штребе В., Джоунас К. Принципы формирования установок и способы их изменения // Перспективы социальной психологии. М., 2001. С. 266-299), эксперименты показывают, что люди, как правило, меняют свои установки, если они по собственной

воле выполняли контрустановочное поведение, даже при условии, если оно заканчивалось негативными последствиями (См. также: Linder D.E., Cooper J., Jones E.E. Decision freedom as a determinant of the role of incentive magnitude in attitude change // Journal of Personality and Social Psychology. 1967. № 6. P. 245-254).

[111](#) См.: Дилигенский Г.Г. Психологические аспекты политического лидерства // Социально-политическая психология. М., 1996. С. 183-225.

[112](#) См.: Разворотнева С.В. Язык власти, власть языка. (Анализ исследований политической коммуникации в Америке) // Психология и психоанализ власти / Под ред. Райгородского Д.Я. Т. 1. Хрестоматия. Самара, 1999. С. 220-221.

[113](#) Данное исследование проводится с 1993 года под руководством проф. Е.Б. Шестопаля. Исследование базируется на методе фокусированных интервью (с предъявлением фотографий в качестве стимульного материала). Обработка материалов велась с использованием метода шкалирования оценок респондентов личностных качеств лидеров, и политико-психологического анализа высказываний отдельных респондентов с последующим выделением рациональных и бессознательных уровней в оценках властных фигур. Объектом исследований за период с 1993 по 2001 года стали образы более чем 30 политиков. Выборка была составлена с учетом пропорциональной представленности по полу, возрасту, уровню образования и различий в политических ориентациях ("левые", "правые" и аполитичные). В ходе исследования опрашиваемым задавали два типа вопросов. Первый тип вопросов был нацелен на выявление осознанных мнений о политиках, отношения к ним и знания о том, кто они такие. Другой тип вопросов был рассчитан на фиксацию неосознаваемых установок. Они выявлялись через приписываемые политикам ассоциации с запахом, цветом, животным. Ответы респондентов также кодировались для их дальнейшей количественной обработки.

[114](#) См.: Шестопаля Е.Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6. С. 52-72.

[115](#) "...Затрудненное общение - это все виды и формы общения (от межличностного до межгруппового), приводящие к деструктивным изменениям поведения партнеров и общностей, к непрерывно-прерывным контактам между ними, вплоть до отказа в общении, к уменьшению, а в ряде случаев к исчезновению, попыток самостоятельного выхода из возникших затруднений, к формированию тревожного отношения к любой ситуации общения". (Лабунская В.А. и др. Психология затрудненного общения. М., 2001. С. 12).

[116](#) Лабунская В.А. и др. Психология затрудненного общения. М., 2001. С. 63-64.

[117](#) См.: Шестопаля Е.Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6. С. 54-55.

[118](#) Шестопаля Е.Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6. С. 54.

[119](#) См.: Шестопаля Е.Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис. 1997. № 6. С. 57-58.

[120](#) Однако это может свидетельствовать в пользу В.В. Путина, так как явно придает его образу оттенок мужественности и добавляет силы и активности, что, как правило, приветствуется в нестабильных обществах.

[121](#) См.: Дэвис Р. Политическое влияние Интернета. Доклад на международной конференции "Информационное общество и интеллектуальные информационные технологии XXI века". Москва, 28-30 марта 2001 г. <http://www.futurerussia.ru/conf/>.

[122](#) См.: Барлоу Д.П. Декларация независимости киберпространства // Zhurnal.ru. 1996. № 1. <http://www.zhurnal.ru/1/deklare.htm>. (Оригинальный текст: http://www.eff.org/Publications/John_Perry_Barlow/); Барбрук Р., Камерон Э. Калифорнийская идеология. <http://www.zhurnal.ru/4/calif1.htm>; Треанор П. Интернет как гиперлиберализм. <http://www.russ.ru/journal/netcult/98-12-03/treanor.htm> (Оригинальный

текст: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/net.hyperliberal.html>).

[123](#) См.: Овчинников Б.В. Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 46-65.

[124](#) См.: Чугунов А.В. Социологические аспекты формирования информационного общества в России: Обзор исследований аудитории Интернета. СПб., 2000. 36 с.

[125](#) См.: Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб., 2001. 253 с.

[126](#) См.: ФОМ: Фонд "Общественное мнение". 2000. Интернет в России // Россия в Интернете (<http://www.fom.ru/reports/frames/short/os010318.html>); Мониторинг: Monitoring.ru group. Мониторинг Российского Интернета (http://www.monitoring.ru/press-center/facts/article_293.html); GFK (<http://mr.gfk.ru/ARTICLES/HTML/INETANDMIR/inetandmr.htm>); Комкон: Агентство КОМКОН. 2000. Web Vector (<http://www.comcon-2.ru/main.asp?pgNav=public&pgTitle=pub001222>); MASMI: Pro Active International BV и MASMI Research Group. 2001. Интернет монитор (данные печатной презентации, не публиковавшейся официально); Subscribe: Subscribe.Ru. Служба почтовых рассылок. Портрет подписчика (<http://subscribe.ru/stat/a.html>); Rambler: Беляев А. Российская аудитория Сети: состав и интересы (<http://www.rambler.ru/db/rumetrica/article.html?mid=1987815>).

[127](#) См.: Залесский П. Измерение российской интернет-аудитории методом личных опросов: Тезисы выступления на конференции "Интернет-медиа XXI века". 3 марта 2000 г., Москва (http://www.comcon-2.com/Publication/web-vektor_3.htm).

[128](#) См.: Сводная таблица данных по количеству пользователей интернета в России на сайте информационного агентства "Нетоскоп" (<http://www.netoscope.ru/researches/2000/09/04/201.html>); исследование "Комкон-2" "Web-вектор" за первое полугодие 2001 года (<http://www.comcon-2.ru>).

[129](#) Максимальная аудитория - включает всех посетителей Интернета, в том числе тех, кто имел хотя бы единичный опыт посещения сети. Нерегулярная аудитория - включает всех посетителей Интернета, кроме тех, кто имел единичный опыт пользования сетью. Недельная аудитория - все кто посещает Интернет регулярно, минимум раз в неделю. Активная аудитория - те, кто проводит в Интернете не менее одного часа в неделю. Ядро аудитории - те, кто проводит в Интернете не менее трех часов в неделю. См.: <http://internet.strana.ru/rull/chapter1/977156674.html>.

[130](#) Данные SpyLOG о количестве пользователей основываются на технологии cookies. Каждому посетителю (точнее, браузеру, который он использует) любого из более чем 200 тысяч сайтов - участников системы статистики SpyLOG присваивается уникальный номер, и на его компьютер записывается небольшой файл (cookie), позволяющий в дальнейшем идентифицировать посетителя.

[131](#) См.: Засурский И. Информация, коммуникация и рекреация. Российский Интернет в 2001 году // <http://www.rif.ru/2002/rif.php3?lang=russian&chapter=news&topic=news2.zasursky>.

[132](#) Численность населения России продолжает сокращаться // Сообщение ТАСС. 2001. 24 сентября.

[133](#) См.: Рогов С. Интернет и деньги помогли Бушу. Выборы в США: предварительные итоги // Независимая газета. № 215 (2277). 14.11.2000.

[134](#) Иващенко А. "Круглый стол" - "Имидж власти: кто и как его формирует" посвященном ситуации на российском рынке информационных технологий" (Агентство РИА-Новости. Москва. 13 апреля 1999 г.; <http://socarchive.narod.ru/digest/pr/archive/0410/13.htm>).

[135](#) См.: "Интернет в России / Россия в Интернете" на сайте ФОМ (www.fom.ru/), а также на специальном сайте проекта (internet.strana.ru).

[136](#) Morris M., Ogan C. The Internet as Mass Medium // Journal of Communication. 1996. № 1. Vol. 46. P. 42.

- [137](#) См.: Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 1999. С. 138-149. (Оригинальный текст: Lazarsfeld P.F., Merton R.K. Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action // Mass Communication. A Book of Reading / Selected and Edited by W. Schramm. Urbana, 1966).
- [138](#) См.: Иванов Д. Российский интернет как средство политической коммуникации. Первая глава истории политрунета // Русский Журнал / Net-культура / Русская сеть: истории (http://www.russ.ru/netcult/history/2002_0313.htm).
- [139](#) См.: Кузнецов С. Ощупывая слона. Краткий очерк Интернет-идеологий // Независимая газета. № 64 (2374). 11.04.2001.
- [140](#) См.: Лебедев В. Намеки на будущее (Российские безобразия на Интернете и около) (<http://www.lebed.com/art852.htm>).
- [141](#) См.: Русскую сеть пучит от компромата // Новые известия. № 30. 20.02.1999; Скворцов С. Компромат в интернете // Московская правда. № 37. 25.02.1999; Баюн Е. Грязь XXI века // Московский комсомолец. № 227. 09.10.2000; Ланцман М. Сетевой компромат // Время. № 32. 24.02.1999; Корецкий А. Из сети продолжают расти "Когти" // Сегодня. № 88. 23.04.1999.
- [142](#) См.: Мовсин Е. Самый большой регион. Политики предпочитают общаться с народом виртуально // Известия. № 188 (26026). 11.10.2001.
- [143](#) См.: Иванова Н. Путин пообщался в Интернете. В виртуальной пресс-конференции в Кремле участвовали не только журналисты, но и простые пользователи Всемирной паутины // Независимая газета. № 41 (2351). 07.03.2001.
- [144](#) См.: http://www.nikkolom.ru/article/news_itogi_3_9_03_01.htm.
- [145](#) См.: http://www.romir.ru/socpolit/socio/03_2001/press-conference.htm.
- [146](#) НИНИ - "непостоянство интересов населения Интернета".

Научное издание

**Психология
восприятия власти**

Научный редактор *Е.Б. Шестопал*

Подписано в печать 08.10.2002. Формат 60x90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,25. Уч.-изд. л. 11,12.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 3073.

Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ». master@philosophia.ru
141200, Московская область, г. Пушкино, Московский проспект, дом 55.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010, Моск. обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т., 403. Тел. 554 21 86.